

1 (40)

2018

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (40)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия);
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Москвиченко Д.В., д.г.н., ТюмНЦ СО РАН;
Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Валь Й., Dr. rer. nat., Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зиминова О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (40)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Wahl J., Dr. rer. nat., Professor, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS;
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Корочкова О.Н., Мосунова А.В. Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII	5
Котов В.Г. Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала.....	16
Татауров С.Ф. Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре в XVII–XVIII вв.	28
Сериков Ю.Б. Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала.....	36

Антропология

Солодовников К.Н., Рыкун М.П. К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая: материалы из коллекции и архива кабинета антропологии Томского госуниверситета	46
Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г., Бабаян Ф.С., Енгибарян А.А., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья	60

Этнология

Адаев В.Н. Специфика ориентирования по сторонам света у тундровых ненцев	89
Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории музр Кульмаметевых	99
Голубкова О.В., Кононова Ю.Б. Сакрализация пространства как способ психологической адаптации у русских и коми в Западной Сибири	108
Хоменко Д.Ю. Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.	118
Волжанина Е.А. Что говорят переписи населения о ненецком языке (по данным для ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа)	126
Богордаева А.А. Кукушка-девица из Юрт Проточных (о локальных особенностях одежды духов-покровителей обских манси в XIX — начале XX в.).....	138
Информация для авторов	144
Список сокращений	146

На передней стороне обложки: женское святое место хантов около п. Ямгорт (Ямало-Ненецкий автономный округ) (фото О.В. Голубковой, 2004 г.); намокнувшие цветы пушицы — надежный ориентир для путника в тумане (Тазовский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа, фото В.Н. Адаева, 2015 г.); «личина» на гальке (стоянка Шульганово-4) и скульптура из гальки (пещера Шульган-Таш (Капова)).

Contents

Archaeology

Korochkova O.N., Mosunova A.V. The Eneolithic complex of Duvanskoye XVII settlement	5
Kotov V.G. The decorative practice based on natural forms in the Paleolithic of the Urals	16
Tataurov S.F. Archaeological and historical sources on the use of wood in the city of Tara in the 17–18 th centuries	28
Serikov Yu.B. Some aspects of sacral space marking in the Ural territory	36

Anthropology

Solodovnikov K.N., Rykun M.P. An autochthonous component in the composition of the population of the Eneolithic — Bronze Age in the Altai Mountains revisited: materials from the collection and archive of the Anthropology Room at Tomsk State University	46
Khudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Hakopyan N.G., Babayan F.S., Engibaryan A.A., Khachatryan A.A., Eganyan L.G. Anthropological characteristics of the Armenian highlands population and ethnogenetic situation in South Eastern Europe in the Middle Age	60

Ethnology

Adaev V.N. The Tundra Nenets ways of spatial orientation with the use of cardinal directions	89
Samigulov G.Kh., Tychinskih Z.A. New sources on the history of murzas Kulmametev	99
Golubkova O.V., Kononova Yu.B. Sacralization of space as a way of psychological adaptation the Russians and Komi in Western Siberia	108
Khomenko D.Yu. Land and water arrangement among the indigenous peoples in Yenisei region in the early XX century	118
Volzhanina E.A. The Nenets language from census to census (according to the data for the Nenets of Yamalo-Nenets Autonomous District)	126
Bogordayeva A.A. A Cuckoo maiden from Iurty Protochnye (on the local features of the clothes of the Ob Mansi guardian spirits in the XIX — beginning of the XX century).....	138
Memo to the authors	144
Abbreviations	146

АРХЕОЛОГИЯ

О.Н. Корочкова, А.В. Мосунова

Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002
E-mail: olga.korochkova@urfu.ru;
mosunova.anna@yandex.ru

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ДУВАНСКОЕ XVII¹

Публикуется энеолитический комплекс многослойного памятника Дуванское XVII под Тюменью. Памятник хорошо известен как поселение федоровской культуры, но не меньший интерес представляет энеолитический период его обитания. В III тыс. до н.э. здесь были сооружены жилище и более 40 ям. Ямы правильной формы, хаотичной планировки, в заполнении некоторых найдены развалы сосудов андреевского, липчинского и шапкульского типов, мелкие обломки керамики, изделия из камня, в том числе миниатюрные шлифованные изделия. Основная масса находок сосредоточена между ямами. Некоторые параллели с расположенными в непосредственной близости погребальными комплексами Перейминский 1, 2, Чепкуль 21 и Бузан-3 позволяют рассматривать публикуемый комплекс как еще один могильник этого времени.

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, Андреевская озерная система, энеолит, могильник, андреевский, шапкульский, липчинский.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015

Почти 40 лет назад на р. Дуван, соединяющей Андреевскую озерную систему с р. Пышмой, было раскопано поселение Дуванское XVII. Памятник многослойный, что составляет характерную особенность местных археологических объектов [Зах и др., 2014, с. 6]. В культурном слое толщиной 0,6–1,5 м обнаружены артефакты разных периодов неолита, энеолита (около 1500 ед.), бронзового века (более 2500 ед.), раннего железного века и средневековья. Наиболее продолжительные периоды обитания относятся к III–II тыс. до н.э. Неолитические и средневековые находки сравнительно малочисленны, а комплекс раннего железного века (иткульская культура) насчитывает около 500 ед.

Внимание специалистов этот памятник привлек прежде всего как поселение федоровской культуры [Корочкова, Стефанов, 1983; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 51–68]. При этом «за кадром» остались иные — энеолитические контексты этого памятника: жилище и комплекс ям. Уже в первой публикации исследователи отмечали, что раскопанные ямы чрезвычайно напоминают могильные [Корочкова, Стефанов, 1983, с. 143]. Сейчас, с учетом появившихся аналогий, эту версию можно развернуть, что мы и попытаемся сделать в данной публикации.

Поселение Дуванское XVII находится на правом берегу р. Дуван (левый приток р. Пышма) в 10 км к западу от д. Муллаши Тюменского района Тюменской области. Памятник занимает участок гривного возвышения, ограниченного с севера и запада поймой Дувана, с юга — заболоченной ложбиной. Поверхность гривы неровная, высота над уровнем воды в реке около 2,5–3 м (рис. 1, А, Б). Вскрытая площадь составила 702 м². Раскопками в 1978 г. руководила М.Б. Абрамова, в 1979 г. — О.Н. Корочкова.

Объекты бронзового века — жилище 2 и связанные с его функционированием углубления, столбовые ямки, очаги концентрировались в юго-восточной части сводного раскопа, который вскрывался в 1979 г. [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 20]. В стратиграфическом отношении этому периоду соответствовал слой плотной супеси темно-коричневого цвета, насыщенный органикой. В его толще прекрасно сохранились кости животных, что стоит особо отметить, так как в местных песчаных почвах кость обычно не сохраняется.

Артефакты и объекты энеолитического времени определенно тяготели к северной и северо-западной частям раскопа — они исследовались в 1978 г. (рис. 1, Б). К этому периоду относятся жилище 1 и комплекс углублений и ям, расположенных к западу от него (рис. 1, В).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00174а, Госзадания 33.7280.2017/БЧ.

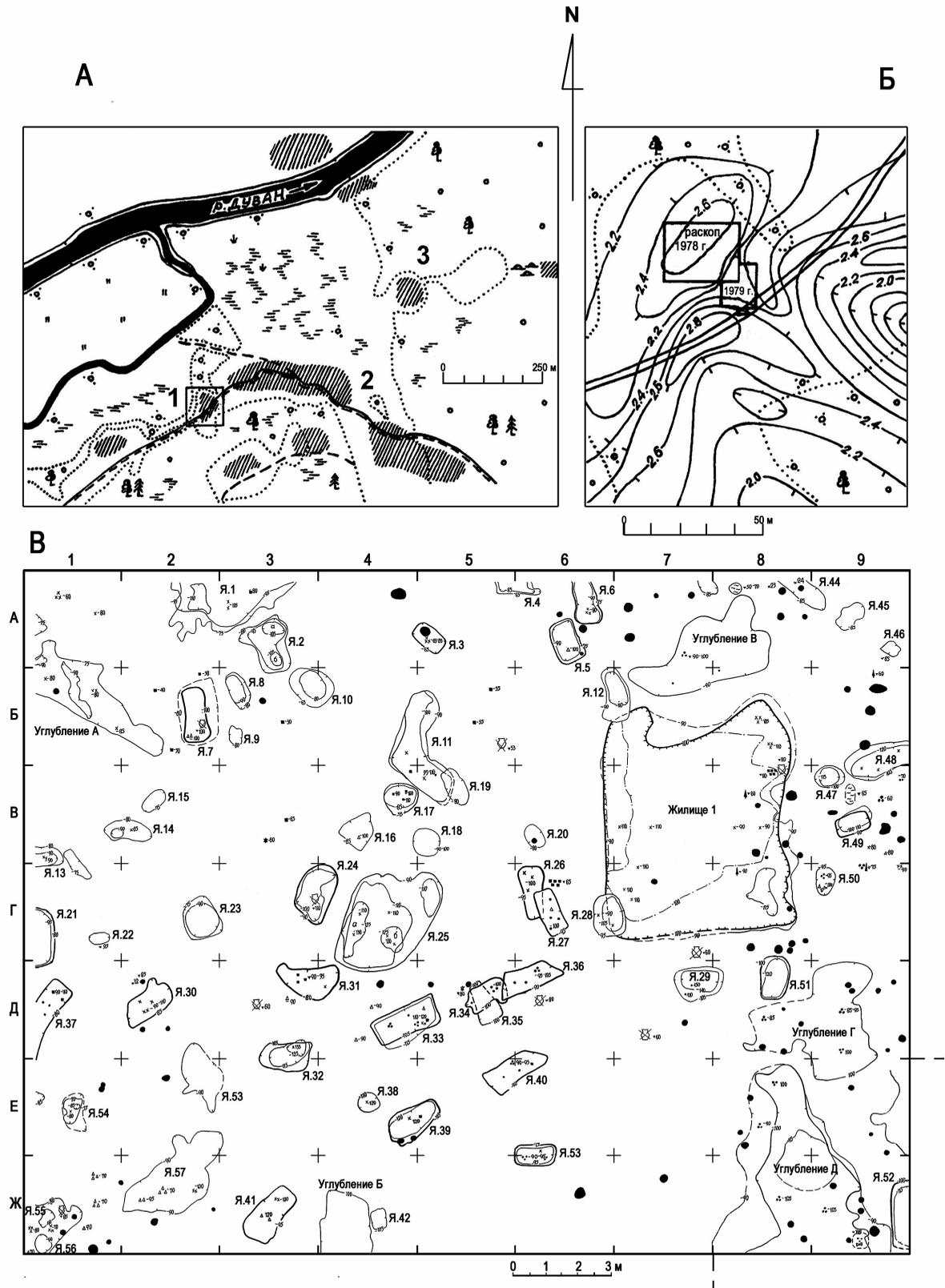

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников на р. Дуван (А): 1 — пос. Дуванское XVII, 2 — пос. Дуванское V, 3 — пос. Дуванское XVIII; план поселения Дуванское XVII (Б); план раскопа 1978 г. (В).

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Котлован *жилища 1* подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами размером 6×5,3 м. Длинные стены ориентированы по линии С–Ю. Северная торцевая стенка с глубоким прогибом. Котлован углублен в материк на 0,3–0,4 м. Заполнение центральной части — темно-серая супесь, фиксировалось в плане как большое пятно неправильной формы размером 5,5×4 м внутри котлована. Околостенное пространство шириной от 0,5 до 2 м представлено супесью светло-серого цвета. На неровном дне котлована встречались угольки, хотя остатки очага в котловане не выявлены.

Конструктивной особенностью жилища является сосредоточение ямок от столбов около восточной стенки (снаружи и внутри) и юго-восточного угла. Две крупные ямы (12 и 28), расположенные в северо-западном и юго-западном углах постройки, связывать с ее конструкцией нет оснований, поскольку они, судя по стратиграфии, были сооружены позже. Выход, скорее всего, был обращен на север, в сторону протоки, о чем свидетельствуют прогиб и углубление В около северной стенки. Рядом с ними зафиксировано около десятка столбовых ям, которые можно связывать с предвходовой конструкцией.

Реальные размеры сооружения были больше размеров котлована, и ямки за его пределами подтверждают это. Именно здесь, на расстоянии 1–3 м, находились опоры для стен жилища каркасно-столбовой конструкции. Пространство между котлованом и стенами жилища могло использоваться для обустройства лежанок, хранения утвари — деревянный настил в таком случае укладывался на «запечки» котлована. Подобная практика сооружения каркасно-столбовых конструкций составляет особенность домостроительной традиции западно-сибирского населения [Бельтикова и др., 2003, с. 233–234; Борзунов и др., 2011, с. 269; Борзунов, 2015, с. 304].

Основная часть находок — керамика, в том числе развал сосуда (рис. 2, 1), скопление из 19 грузил биконической формы (рис. 4, 24, 25) располагались в восточной половине жилища, ближе к стене. Специально отметим такое обстоятельство: крупные обломки и развал сосуда залежали не только в котловане, но и за его пределами, рядом с южной стенкой, что поддерживает предложенный выше вариант реконструкции интерьера. Культурно-хронологическая позиция жилища устанавливается по преобладанию керамики андреевского типа. Найдены также фрагменты сосудов липчинского и шапкульского типов. Об их одновременности, помимо планиграфических и стратиграфических данных, сообщают сосуды смешанного облика, в орнаментации которых переплетены типичные андреевские и липчинские черты (рис. 2, 1), липчинские и шапкульские. Показательно, что эта особенность отчетливо просматривается в пределах достаточно компактной выборки.

Итак, культурная и функциональная верификация постройки 1 особых трудностей не вызывает. Сложнее обстоит дело с иными объектами, раскопанными к западу от нее. Речь идет о комплексе ям и углублений. Всего в раскопе вскрыто 57 ям и 6 углублений. Те из них, которые располагались внутри и рядом с котлованом жилища 2 [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 20], определенно связаны с обустройством и функционированием поселения бронзового века. Остальные — около 40 крупных ям относятся к энеолиту. Судя по заполнению — серая супесь различных оттенков, они были выкопаны в разное время. Какие-то ямы могли использоваться в хозяйственных или иных целях. В зависимости от конкретного назначения они имели различные размеры и форму, зачастую неправильную, нередко в их заполнении и на дне (ямы 1, 2, 57) находились обломки сосудов (рис. 2, 2; 3, 2).

Особого внимания заслуживают объекты, которые по ряду признаков могут быть отнесены к категории могильных (№ 3–7, 21, 24, 26, 27, 30–33, 35–37, 39–41, 43, 49, 51, 52). Они довольно больших размеров: длиной от 1 до 2 м, шириной 0,5–1 м, углублены в материк на 0,15–0,3 м (реальные значения глубины от древней поверхности приближались к 0,3–0,5 м). Форма в большинстве случаев подпрямоугольная со скругленными углами, реже — овальная или трапециевидная. Преобладающие ориентировки: С–Ю, СВ–ЮЗ, ССЗ–ЮЮВ; в заполнении иногда встречались угольки. В ряде случаев зафиксировано перекрытие объектов, например ямы 11 и 19; 26 и 27; 34, 35 и 36. Около некоторых «могил» обнаружены 1–2 столбовые ямки диаметром 10–15 см (ямы 5, 6, 30, 35, 39).

В планировке как будто нет определенной системы, за исключением, может быть, ям, окружавших 25-ю — самую большую из всех выявленных (размером 2,85×2,60 м, трапециевидной формы со скругленными углами). Находки из заполнения, в том числе придонного, — мелкие обломки энеолитической керамики. Отсюда же происходит обломок обожженной кости.

В 19 ямах были найдены керамика андреевского, липчинского и шапкульского типов, изделия из камня. Находок, как правило, мало, и они приурочены к верхним и средним слоям запол-

нения. Однако в отдельных ямах — 3, 5, 7, 14, 24, 26, 28, 41, 48, 57 их было относительно много. Из числа отмеченных охарактеризуем только некоторые.

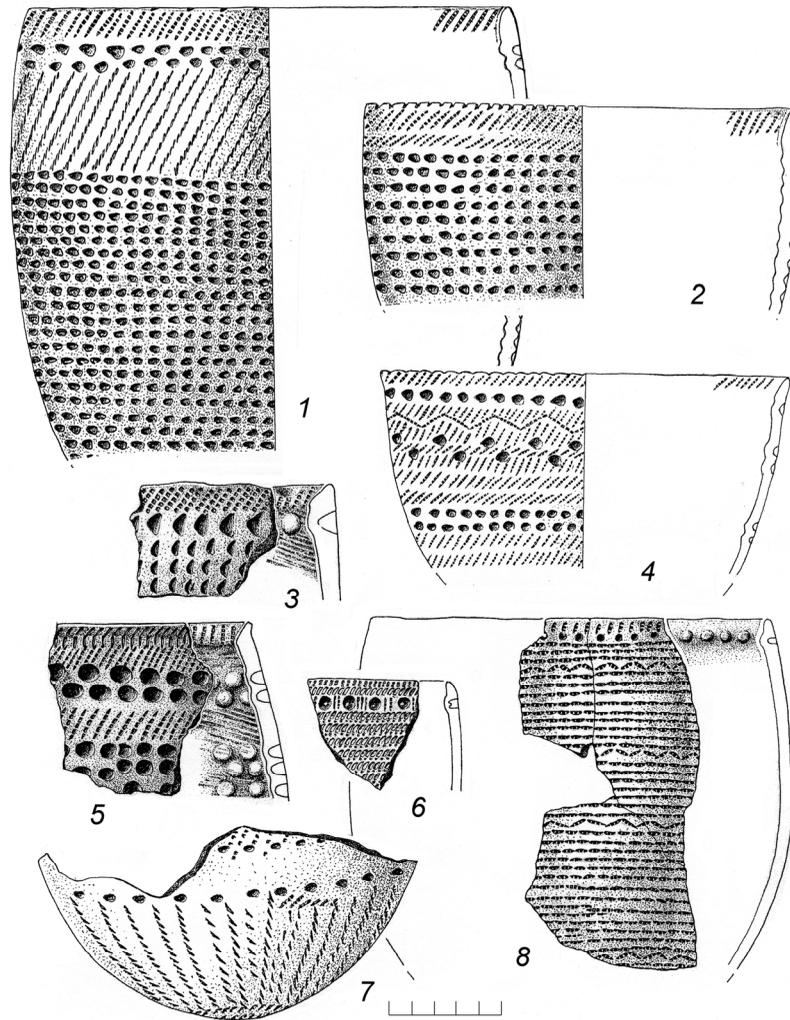

Рис. 2. Дуванское XVII. Керамика эпохи энеолита:

1 — жилище 1; 2 — кв. А/1; 3 — кв. Г/2; 4 — кв. Б/1; 5 — яма 6; 6 — кв. Ж/2; 7 — яма 7; 8 — кв. Ж/2.

Яма 3 (уч. А/5) подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,0×0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Глубина 0,30–0,35 м, заполнение — супесь темно-серого цвета. В заполнении найдены 10 фрагментов сосуда андреевского типа, несколько фрагментов керамики шапкульского типа, 3 фрагмента керамики бронзового века, миниатюрное шлифованное тесло.

Яма 5 (уч. А/6) подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,3×0,8 м, ориентировка — ССЗ–ЮЮВ. Дно неровное. Глубина ямы 0,30–0,36 м. Заполнение — супесь светло-серого цвета. находка из заполнения — обломок кремневой стамески. Около юго-восточного угла и северной стенки ямы находились столбовые ямки.

Яма 6 (уч. А/6) исследована не полностью, часть осталась за пределами раскопа. Форма в плане подпрямоугольная, слегка суженная в центральной части. Размеры вскрытой части 1,25×0,65 м. Ориентировка в направлении ССЗ–ЮЮВ. Дно ровное. Глубина 0,25 м. Заполнение — темно-серая супесь. находки в заполнении — несколько фрагментов одного сосуда андреевского типа (рис. 2, 5). Снаружи, около юго-западного угла, находилась столбовая ямка.

Яма 7 (уч. Б/2) подпрямоугольной формы со скругленными углами, 1,7×0,6 м, ориентирована в направлении С–Ю. Дно ямы неровное, слегка углубленное с западной стороны. Глубина

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

0,25 м. Заполнение — темно-серая супесь. В заполнении обнаружены развал сосуда липчинского типа (рис. 2, 7), ножевидная пластина, отщеп и обломок кремневого орудия.

Яма 24 (уч. Г/3–4) овальной формы, размеры 1,8×1,15 м. Ориентирована в направлении С–Ю. Глубина ямы 0,35 м. В заполнении — светло-серой супеси с включениями углей в нижней части ямы обнаружен развал сосуда шапкульского типа (рис. 3, 4).

Яма 26 (уч. Г/6) в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами, 1,65×0,6 м, ориентирована по линии С–Ю, глубина около 0,3 м. Заполнение — светло-серая супесь. Находки — несколько обломков разных сосудов шапкульского типа. Юго-восточный угол ямы 26 нарушен более поздней ямой 27.

Яма 28 (уч. Г/6–7) овальная, размеры 1,28×0,95 м, ориентировка — по линии С–Ю, сравнительно неглубокая — 0,15 м. В заполнении — темно-серой супеси найдено несколько черепков керамики эпохи энеолита.

Яма 41 (уч. Ж/3) подпрямоугольная со скругленными углами. Размеры 1,95×0,95 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ, глубина 0,35 м. Заполнение — светло-серая супесь. Находки — несколько фрагментов керамики шапкульского типа, отщеп, ножевидная пластина.

Яма 48 (уч. Б–В/9) раскопана частично, ее восточная часть осталась за пределами раскопа. Размеры вскрытой части 2,0×1,0 м, ориентировка в направлении З–В, глубина 0,2–0,30 м. Основное заполнение — светло-серая супесь; на дне — супесь серого цвета с угольными включениями. В заполнении найдено несколько обломков энеолитических сосудов.

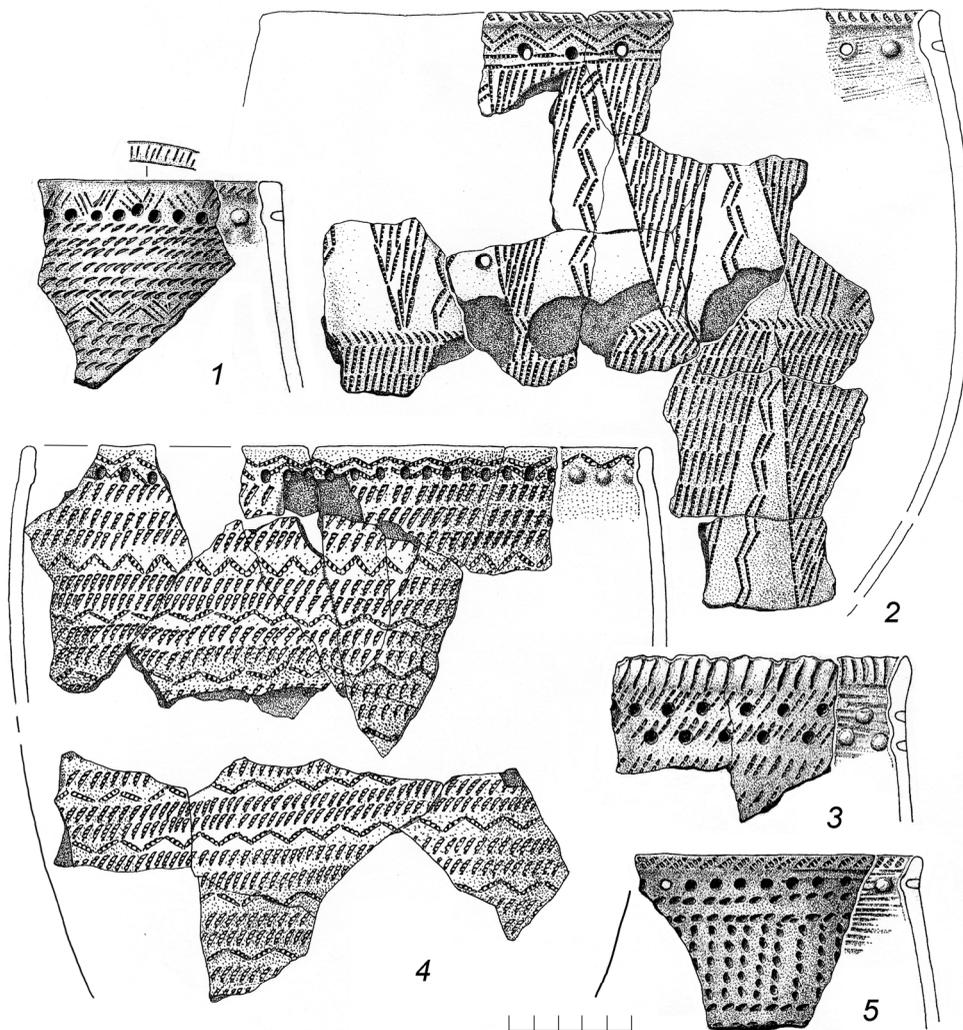

Рис. 3. Дуванское XVII. Керамика эпохи энеолита:

1 — жилище 1; 2 — кв. А/1; 3 — кв. Г/2; 4 — кв. Б/1; 5 — яма 6; 6 — кв. Ж/2; 7 — яма 7; 8 — кв. Ж/2.

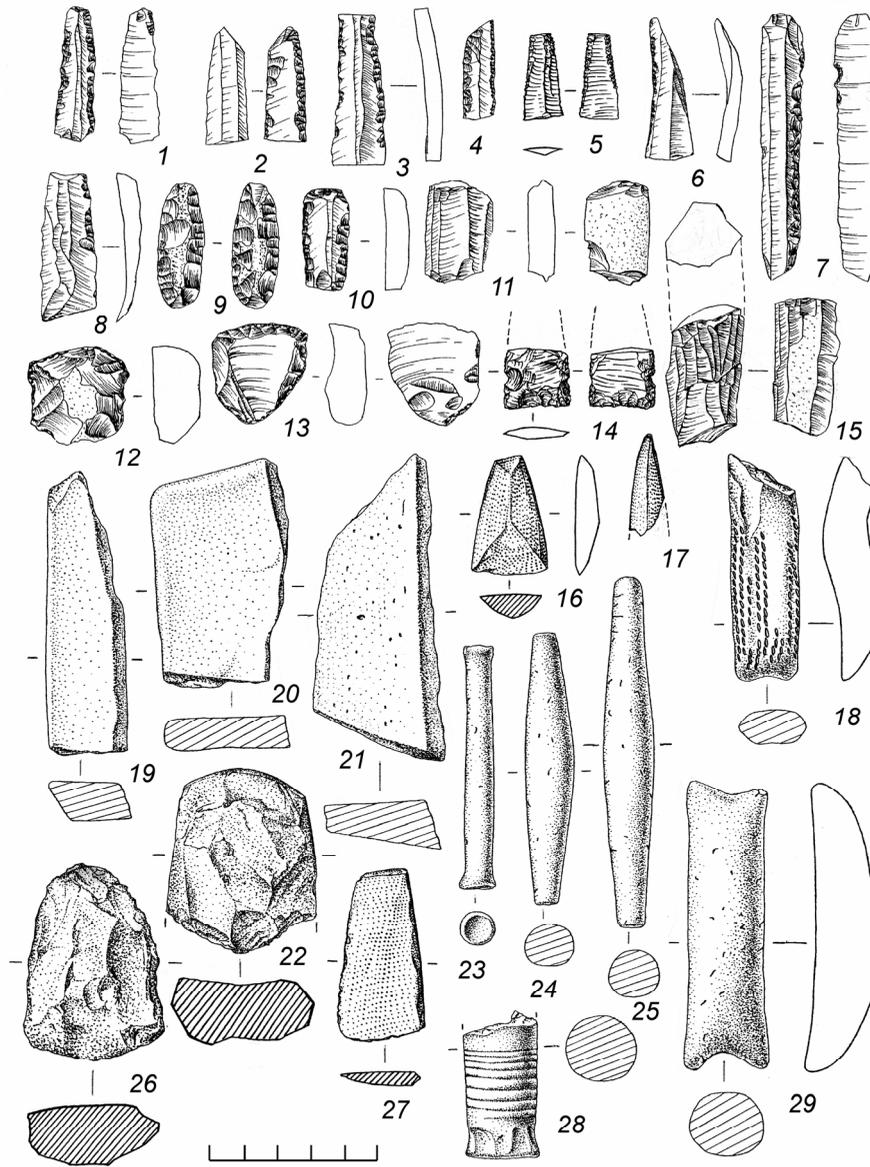

Рис. 4. Дуванское XVII. Каменный инвентарь (1–17, 19–22, 26, 27), глиняные грузила (18, 23–25, 28, 29).

Какими-то конструктивными особенностями раскопанные объекты не обладали. По правильной форме можно предположить, что стенки ям были укреплены, а расположенные рядом с некоторыми из них столбовые ямки могут рассматриваться как следы наземных сооружений.

Как расценивать находки из ям? Вполне вероятно, какие-то попали туда в результате перемещения культурного слоя, тем более что это место активно использовалось в бронзовом веке. Ситуация осложняется еще тем обстоятельством, что здесь функционировала постройка I эпохи энеолита. Встает вполне очевидный вопрос: энеолитические находки попали в заполнение из поселенческого слоя или были помещены туда намеренно? Вместе с тем планиграфия указывает на явное преобладание артефактов энеолитического времени в «межмогильном пространстве», в заполнении жилища и рядом с ним находок заметно меньше.

Коллекция керамики эпохи энеолита (более 1 тыс. ед.) включает обломки сосудов андреевского (рис. 2, 1, 2, 5), липичинского (рис. 2, 7, 3, 2) и шапкульского типов (рис. 2, 4, 6, 8; 3, 1, 3–5), представленных примерно в равном соотношении. Есть также единичные фрагменты, близкие керамике лыбаевского, волвончинского типов.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Коллекция каменных изделий насчитывает около 260 ед. Среди них: орудия из пластин — 38 экз., отщепов — 66 экз., продольных сколов — 1 экз., поперечных сколов с нуклеусов — 2 экз., пластины — 17 экз., отщепы — около 60 экз., продольные сколы — 3 экз., ребристые пластины — 3 экз., нуклеусы — 5 экз., нуклевидные обломки — 7 экз., наконечники стрел — 5 экз., шлифованные изделия и их обломки — 6 и 7 экз. соответственно. Изделия представлены ножами, скребками, скобелями, ретушером, функционально неопределимыми орудиями. Ножи (21 экз.) изготовлены из пластин шириной 0,9–1,3 см, обработанных мелкой крутой и чешуйчатой ретушью по одному или двум краям, главным образом со спинки (рис. 4, 1–3, 7). Скребки (14 экз.) из пластин (7 экз.), отщепов (5 экз.), поперечного (1 экз.) и продольного (1 экз.) сколов (рис. 4, 9, 10, 12, 13). Скобели (2 экз.) на пластинах, имеют по несколько выемок, оформленных крутой ретушью (рис. 4, 6, 8). Наконечники стрел (2 экз. и 3 обломка) — бесчерешковые, один из них удлиненной иволистной формы, обработан сплошной чешуйчатой ретушью, другой — заостренный, расширенный к низу, оформлен мелкой крутой краевой ретушью со спинки (рис. 4, 14). Пластины (17 экз.) шириной 0,7–0,9 см и 1,9–2,5 см, треугольные и трапециевидные в сечении (рис. 4, 4, 5, 11). Нуклеусы (5 экз.) — призматические (рис. 4, 15), двух- и трехплощадочный. В коллекции имеются шлифованные орудия из зеленоватой сланцевой породы (рис. 4, 16, 17, 19–22, 26, 27) — долота, обломок стамески, нож и обломок, скорее всего, топорика. Не исключено, что среди описанного комплекса есть изделия, которые относятся к неолитическому времени, однако, учитывая морфологическое и сырьевое сходство инвентаря, вычленив их сложно.

Представительную серию составляют рыболовные грузила (25 целых экземпляров и более 60 в обломках). Преобладают грузила биконической формы с приостренными или слегка уплощенными концами (рис. 4, 24, 25). Найдены также грузила цилиндрической формы с приплюснутыми концами в виде «шляпки» (рис. 4, 23, 28) и с раздвоенными концами (рис. 4, 18, 29).

Как интерпретировать исследованные ямы? Еще на стадии раскопок авторы предполагали, что здесь находился могильник эпохи энеолита. Однако отсутствие каких-либо антропологических остатков, а также убедительных аналогий затрудняли оценку этих объектов. Сейчас ситуация изменилась. Могильники этого времени раскопаны на берегах Андреевской озерной системы: Перейминский 1, 2, на Большом Андреевском острове [Зах и др., 1991, с. 13–19], Чепкуль 21 [Зах и др., 2005]. В Ингальской долине открыт замечательный памятник Бузан-3 [Матвеев и др., 2015]. Все они атрибутируются в рамках III тыс. до н.э.

От перечисленных выше некрополей Дуванское XVII отличают следующие черты: здесь нет антропологических остатков, нет свидетельств кремации, не зафиксировано применение охры, нет ни одного украшения. Из всех признаков, пожалуй, только регулярная форма ям и, как это ни покажется странным, безынвентарность относятся к разряду индикаторных. Дело в том, что среди известных сегодня энеолитических некрополей доля погребений с инвентарем невелика. На могильнике Бузан-3 раскопана 61 яма, из них к могилам причислено только 13 объектов, а погребальный инвентарь обнаружен лишь в половине из них [Матвеев и др., 2015, с. 68–69]. «Керамика представлена единичными фрагментами, которые происходят из межмогильного пространства и засыпки могильных ям» [Там же, с. 68]. При этом важно подчеркнуть, что на Бузане-3 не было поселенческого слоя и все энеолитические артефакты исследователи связывают с функционированием культовой площадки в эпоху энеолита. Близкая ситуация на могильнике Перейминский 2: из 9 погребений инвентарь присутствовал только в 7 [Зах и др., 1991, с. 16–18]. На Большом Андреевском острове из 26 погребений инвентаря не было только в 3, а керамика присутствовала в виде разрозненных черепков. По мнению исследователей, это указывает на то, что керамическая посуда использовалась в послепохоронных обрядах и размещалась на древней поверхности. Подобная картина характерна и для энеолитических погребений Среднего Зауралья [Шорин, 2000, с. 45, 47; Чаиркина, 2011, с. 119–121]. Внимательный читатель обратил внимание на некоторую обезличенность при описании керамики из «могил». Дело в том, что найденные в них черепки зачастую столь малых размеров, что определить их культурно-типологическую принадлежность невозможно, поэтому мы вынужденно ограничивались расплывчатой формулировкой «керамика энеолитического облика». В подобных ситуациях исследователи нередко оказываются при атрибуции иных энеолитических погребальных комплексов Зауралья [Чаиркина, 2011, с. 119; Матвеев и др., 2015, с. 59–61].

Еще один сюжет, на котором следует заострить внимание, касается соотношения «могил» и «жилища». Материал как будто указывает на их некоторую обособленность. Выше мы уже отмечали, что в заполнении жилища преобладала керамика андреевского облика, в то время

как из ям происходит керамика преимущественно липчинского и шапкульского типов. Исследователи специально обращают внимание на обычай размещения погребений этого времени на территории поселений, в заброшенных жилищах [Шорин, 2000, с. 49]. Подобный вывод не противоречит столь распространенной практике так называемых интрамуральных погребений энеолита. Добавим, что на могильниках Нижнего Притоболья известны остатки специальных — не могильных объектов: ям, канав, которые могут указывать на возведение сооружений для проведения ритуалов жертвоприношения, кремации [Зах и др., 2005, с. 32; Матвеев и др., 2015, с. 19–24].

Что касается антропологических остатков. В местных песчаных почвах сырая кость энеолитического времени сохраняется чрезвычайно плохо. О погребенных обычно сообщают находки обожженных костей. На Дуванском XVII такой случай зафиксирован однажды — в яме 25, но уверенности в том, что эта кость принадлежит человеку, нет.

Таким образом, информационные ресурсы публикуемого памятника весьма ограничены, безупречных аргументов отнесения его к могильникам у нас нет. Но исключать его из списка вероятных некрополей этого времени не стоит. И как любой археологический объект, энеолитический комплекс Дувана XVII дает повод обратиться к теме энеолитических могильников как культурному феномену, свидетельствующему о кардинальных мировоззренческих открытиях и новых культурных адаптациях местного населения.

Прежде всего, зададимся вопросом такого свойства. Почему именно в III тыс. до н.э. происходят столь заметные изменения в культовой практике населения лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири? Появляются отдельные погребения, могильники, костюм и украшения, которые прямо указывают на формирование знаковой системы идентичности. Причем ракурсы этой идентичности могли иметь самые разнообразные смыслы. Для предшествующего времени такие примеры практически неизвестны. Ответ подсказывает карта археологических памятников III тыс. до н.э. [Шорин, 1999, рис. 1–4; Чаиркина, 2005, рис. 1]. Судя по всему, в лесостепном и лесном регионах это время очень серьезных перемен, вызванных заметно увеличившейся плотностью населения.

По понятным причинам более всего нас интересует ситуация в зоне Андреевских озер. Опубликованная недавно монография «Древности Андреевской озерной системы» позволяет представить масштабы и этапы освоения этого компактного и привлекательного во все времена района. Жизнь здесь не прерывалась никогда, а открытые археологические памятники прямо указывают на особенности демографической ситуации, которые во многом определялись местными ресурсами жизнеобеспечения. В зоне Андреевской озерной системы сейчас известно 366 археологических памятников, из них около сотни — объекты переходного к эпохе бронзы периода [Зах и др., 2014, с. 170–180]. Даже элементарный подсчет показывает, что в интересующее нас время плотность населения была чрезвычайно высокой. Такая же картина наблюдается в региональном масштабе [Чаиркина, 2005, с. 296]. Полагаем, что между этими показателями есть прямая связь. При повышенной плотности населения, которая была обусловлена оседлым рыболовством², и постоянном проживании на одном месте возникают более сложные формы социокультурного взаимодействия. На подобную ситуацию указывает и чрезвычайное разнообразие археологических типов, отражающих существование различных культурных традиций. В Тюменском Притоболье исследователи выделяют памятники липчинского, шапкульского, андреевского, лыбаевского типов, близкие аятским, волвончинским [Чаиркина, 2005, с. 292–294]. Благоприятные природные условия привлекали сюда самые разные группы населения. Отмечающийся исследователями восточно-европейский и южный вклад, а также отсутствие дифференцированных культурных образований, которые составят особенность следующей эпохи, бронзового века, соответствуют стадии интенсивного освоения территории разнокультурными группами населения.

Появление обряда погребения имело универсальный характер, а повсеместное распространение этой практики в целом приходится на периоды резкого увеличения плотности населения, вызванного становлением стабильной системы жизнеобеспечения. В нашем случае речь идет о стационарном рыболовстве, предполагающем необходимость контроля и закрепления промысловых территорий. В условиях сегментации общин неизбежными становятся процессы культурной интеграции, которые в дописьменную эпоху поддерживались обрядами и ритуалами.

---

² Определение «оседлое рыболовство» вряд ли следует признать удачным, но в данном случае мы вынуждены отталкиваться от существующей терминологии.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Помимо собственно утилитарных способов избавления от умерших, погребальный культ выполнял иные функции, направленные на консолидацию коллективов, которые, скорее всего, находились в некоторой оппозиции друг к другу. Отсюда ярко выраженная разница в обрядовой практике энеолитических могильников. Подобная картина соответствует также стадии формирования новой традиции: заметная вариативность, отсутствие строгих канонов указывают на процесс становления ритуала. От расположенных в непосредственной близости могильников Андреевских озер дуванские «погребения» отличаются разительно. Они не столь трудозатратны. Нет погребений в лодках, с охрой, кремацией, нет украшений. Возможно, обитатели побережья р. Дуван вынуждены были довольствоваться маргинальным положением. Но не исключено, что дальнейшие раскопки этого памятника, а они весьма перспективны, внесут заметные коррективы в наши сегодняшние представления.

Усложнение мифоритуальной практики демонстрируют и иные феномены той поры. В лесостепном Зауралье появляются святилища типа Савина, Велижан, Слободчиков, свидетельствующие о формировании особых культов, для поддержания которых требовались возведение особых сооружений и специально оформленное пространство для осуществления ритуалов, связанных в том числе с археоастрономическими наблюдениями [Потемкина, 2014, с. 50–70].

На это же указывает феномен наскальных изображений Урала. По мнению специалистов, большинство рисунков на открытых плоскостях были оставлены в энеолитическое время [Широков, Чаиркин, 2011, с. 131–135; Чаиркина, 2011, с. 115–119].

Столь яркий всплеск ритуальной деятельности, который нашел выражение в самых разнообразных практиках, свидетельствует о коренных изменениях в культуре местного населения. В это время происходят активные процессы сегментации общин [Чаиркина, 2011, с. 115–116], что требовало поддержания родственных и иных информационных связей. Показательно широкое распространение своего рода транскультурных знаков: украшений каплевидной формы, сделанных из камня и кости [Матвеев и др., 2015, с. 71–74], «утюжков» [Усачева, 2013, с. 72]. Много написано о близости орнаментальных традиций, отражающих, по мнению исследователей, процессы сложения «культурно-исторических областей» III тыс. до н.э. — «гребенчатого геометризма» [Шорин, 1999, с. 57–70], «Зауральско-Североказахстанской» [Чаиркина, 2005, с. 290]. Во многом формирование подобного континуума было обеспечено складывающейся мифоритуальной практикой. В репертуаре поведения человека нет биологических механизмов поддержания единства среди коллективов, превышающих 150 чел. [Данбар, 2012, с. 28–35], на обширной территории в условиях дискретного проживания и эпизодических контактов. Именно ритуалы и обряды, особенно трудоемкие, поддерживают подобное единство [Харари, 2016, с. 127–129].

Новые социальные и мировоззренческие адаптации позиционируют III тыс. до н.э. как особую веху в дописьменной истории лесного и лесостепного Зауралья, поэтому стремление исследователей закрепить за ним наименование «энеолит» вполне понятно и правомерно, хотя в целом культуры развивались в парадигме каменного века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // *Stratum plus*. Кишинев: Изд-во ун-та «Высшая антропологическая школа», 2015. № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. С. 295–315.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Исследование селищ конца бронзового — начала железного веков на Барсовой горе // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. С. 232–243.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульеган 38 в Сургутском Приобье: (Итоги работ 2000 г.) // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 255–310.

Данбар Р. Лабиринт случайных связей. Рассказ о том, как мы общаемся, а главное — зачем. М.: Ломоносовъ, 2012. 288 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // *Древние погребения Обь-Иртышья*. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2005. № 6. С. 24–42.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чукунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы: В 2 т. Т. 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Уфа, 1983. С. 143–151.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. 156 с.

Потемкина Т.М. Святилища энеолита и бронзового века Западной Сибири как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 2014. Вып. 2 (1). С. 50–89. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://aaatec.org/art/a_pt2.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приобья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.

Харари Ю.Н. *Sapiens*: Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.

Чауркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская Гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Чауркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 513 с.

Широков В.Н., Чауркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: Ажур, 2011. 182 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 181 с.

O.N. Korochkova, A.V. Mosunova

Ural Federal University

Mira st., 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

E-mail: olga.korochkova@urfu.ru;

mosunova.anna@yandex.ru

THE ENEOLITHIC COMPLEX OF DUVANSKOYE XVII SETTLEMENT

The article deals with publication of the Eneolithic complex of Duvanskoye XVII monument, which is situated just outside the city of Tyumen. The monument is well known as a Fedorovo culture settlement. However, its Eneolithic period is of great interest as well. A dwelling with more than 50 pits was constructed in the 3rd century BC. The building of the pole frame construction was reconstructed due to a rectangular pit sized 6×5,3 metres and a number of pole holes situated around the pit at the distance of 1–3 meters. The samples from the building are represented by the Andreevo culture pottery, clay biconic plummets, and things made of silicium and jasper. There were over 50 regularly shaped pits randomly situated to the west of the dwelling. Some of them had debris of vessels of the Andreevo, Lipchin and Shapkul types, small fragments of ceramics, and articles made of stone, including small-sized polished ones. The majority of findings was located in the area between the pits. Their regular shape has considerable resemblance to the burial ones. However, the absence of anthropological remnants gave no chance of identifying them as burial places. The situation has changed by now. The materials from the eneolithic burial grounds of Pereyminsky 1, 2, Chepkul 20 and Buzan 3, located in close proximity, were excavated and published. A number of parallels were discovered, such as regularly shaped pits, concentration of material in the area between the graves, existence of other structures aimed at pre and post funeral rituals. All above mentioned let us consider the published complex as a burial ground. Appearance of a purposeful burial has a universal pattern. It became wide spread in the period of dramatic growth of the population density, which in its turn was caused by forming stable life sustenance systems. In this context, it refers to settled fishing, which meant a necessity to fix and control the catching areas. In the conditions of segmented communities, the processes of cultural consolidation became inevitable, which under the circumstances of the preliterate era were supported by customs and rituals.

Key words: Lower Tobol, Andreevsky lake system, the Eneolithic, burial ground, Andreevo type, Shapkul type, Lipchin type.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015

REFERENCES

Bel'tikova G.V., Borzunov V.A., Korochkova O.N., Pogodin A.A., Sergeev A.S., Stefanov V.I., 2003. Issledovanie selishch kontsa bronzovogo — nachala zheleznoogo vekov na Barsovoi gore [Research of the settlements of the Late Bronze Age — Early Iron Age at the archaeological site of Barsova Gora]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 1, pp. 232–243.

Borzunov V.A., 2015. Fortified settlements of the first half of the Bronze Age in the North of Western Siberia. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 295–315.

Borzunov V.A., Stefanov V.I., Glushkov I.G., 2011. Raskopki ukreplennogo zhilishcha epokhi bronzy Bystryi Kul'egan 38 v Surgutskom Priob'e: (Itogi rabot 2000 g.) [Excavations of the fortified dwelling of Bystryi Kulegan 38 of the Bronze Age in the Ob River Basin near Surgut: (Work results of 2000)]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 9, pp. 255–310.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Chairkina N.M., 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia* [Eneolithic of the Middle Trans-Urals], Ekaterinburg: UrO RAN, 513 p.

Chairkina N.M., 2011. *Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaia Gora V)* [Funerary complexes of the Neolithic and the Early Bronze Age in the Trans-Urals (based on materials of the funerary cult ground of Skvortsovskaia Gora V)], Ekaterinburg: UrO RAN, 224 p.

Danbar R., 2012. *Labirint sluchaynykh svyazey: Rasskaz o tom, kak my obshchaemysya, a glavnoe — zachem* [A maze of accidental contacts: A story of how and why we communicate], Moscow: Lomonosov", 288 p.

Kharari Yu.N., 2016. *Sapiens: Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind], Moscow: Sindbad, 520 p.

Korochkova O.N., Stefanov V.I., 1983. Poselenie fedorovskoi kul'tury [A settlement of the Fedorovo culture]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Ufa, pp. 143–151.

Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Iu.B., Skochina S.N., 2015. Kul'tovye pamiatniki epokhi eneolita [Cult places of the Eneolithic]. *Drevnosti Ingal'skoi doliny*, 3, Tyumen': Izd-vo TiumGU, 156 p.

Potemkina T.M., 2014. Svyatilishcha eneolita i bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri kak istochnik astronomicheskikh znaniy i kosmologicheskikh predstavleniy v drevnosti [Sanctuaries of the Eneolithic and the Bronze Age in Western Siberia as a Source of Astronomical Knowledge and Cosmological Ideas in Antiquity]. *Arhaeoastronomy and Ancient Technologies*, 2 (1), pp. 50–89, available at: http://aaatec.org/art/a_pt2.

Shirokov V.N., Chairkin S.E., 2011. *Naskal'nye izobrazheniya Severnogo i Srednego Urala* [Rock paintings of the Northern and Middle Urals], Ekaterinburg: Azhur, 182 p.

Shorin A.F., 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: Problemy kul'turogeneza* [The Eneolithic Age of the Urals and adjacent territories: problems of cultural genesis], Ekaterinburg: UrO RAN, 181 p.

Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. *Andronovskie drevnosti Tiimenskogo Pritobol'ia* [Andronovsky antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen], Ekaterinburg: Poligrafist, 108 p.

Usacheva I.V., 2013. «Utyuzhki» Evrazii [«Grooved Stones» of Eurasia], Novosibirsk: Nauka, 352 p.

Zakh V.A., Skochina S.N., Parkhimovich S.G., 2005. Gruntovyi mogil'nik Chepkul' 21 na severe Andreevskoi ozernoi sistemy [The burial ground of Chepkul' 21 in the north of the Andreevsky lake system]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 6, pp. 24–42.

Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.Iu., Skochina S.N., Chikunova I.Iu., 2014. *Drevnosti Andreevskoi ozernoi sistemy: V 2 t. T. 1: Arkheologicheskie pamiatniki* [Antiquities of the Andreevsky lake system: In 2 vol. Vol. 1: Archaeological sites], Novosibirsk: Nauka, 225 p.

Zakh V.A., Zotova S.V., Panfilov A.N., 1991. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tiumeni [Ancient burial grounds at the Andreevsky Lake near Tyumen]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtysh'ia*, Omsk: Izd-vo OmGU, pp. 13–42.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА НА ОСНОВЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФОРМ В ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА

Целью статьи является введение в научный оборот предметов изобразительной деятельности на основе естественных форм кости и камня, обнаруженных в последние годы в Урало-Поволжье на памятниках верхнего палеолита. Отличительной чертой данной практики является отбор фигурных галек или костей, которые имеют определенное сходство с животными или человеком, при этом они были лишь незначительно подправлены человеком. В зависимости от материала и целей использовались различные приемы обработки: обивка, пиление, пикетаж, сверление, гравировка. Всегда обработка направлена на получение важных деталей, подчеркивающих сходство природной формы с изображаемым явлением. Среди этих изделий выделяются: изображения человека — 3 экз., животных — 5 экз., птицы — 1 экз., орнаментированная галька — 1 экз. Можем предполагать, что изобразительная практика на основе естественных форм является важным и специфичным способом символизации на территории Урало-Поволжья в верхнем палеолите и одной из характеристик культурной традиции «уральского» и шире — «сибирского» верхнего палеолита.

Ключевые слова: скульптуры, обработанные фигурные гальки, обработанная фигурная кость, верхний палеолит, Урал.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-016-027

Введение

Вопрос об использовании естественных форм первобытными людьми при объяснении происхождения изобразительной практики возник еще на заре науки о первобытности [Столяр, 1985, с. 69–70]. Между тем открытия последних лет показывают, что естественные формы камня, имеющие сходство с фигурами человека или животных, могли привлекать внимание наших предков задолго до появления изобразительной практики раннего Homo sapiens. Об этом свидетельствует антропоморфная фигурка из отложений позднего ашеля стоянки Берехат Рам в Израиле: естественная форма из мелкозернистого туфа была грубо подправлена для большего сходства с женской фигурой [Семенов, 2008, с. 142–143]. Фигурная галька в форме мамонта без следов обработки была обнаружена на мустьерском памятнике Ильская 2 в Краснодарском крае [Щелинский, 2009].

Уральский исследователь Ю.Б. Сериков на основе многочисленного материала из своих раскопок убедительно обосновал факт использования природных форм в культовой практике древнего уральского населения начиная с эпохи верхнего палеолита вплоть до средневековья [2005]. Нами в последние годы были зафиксированы на палеолитических памятниках Урала простейшие скульптурные изображения из камня и кости, сохраняющие естественную форму основы, лишь частично подвергнутые обработке.

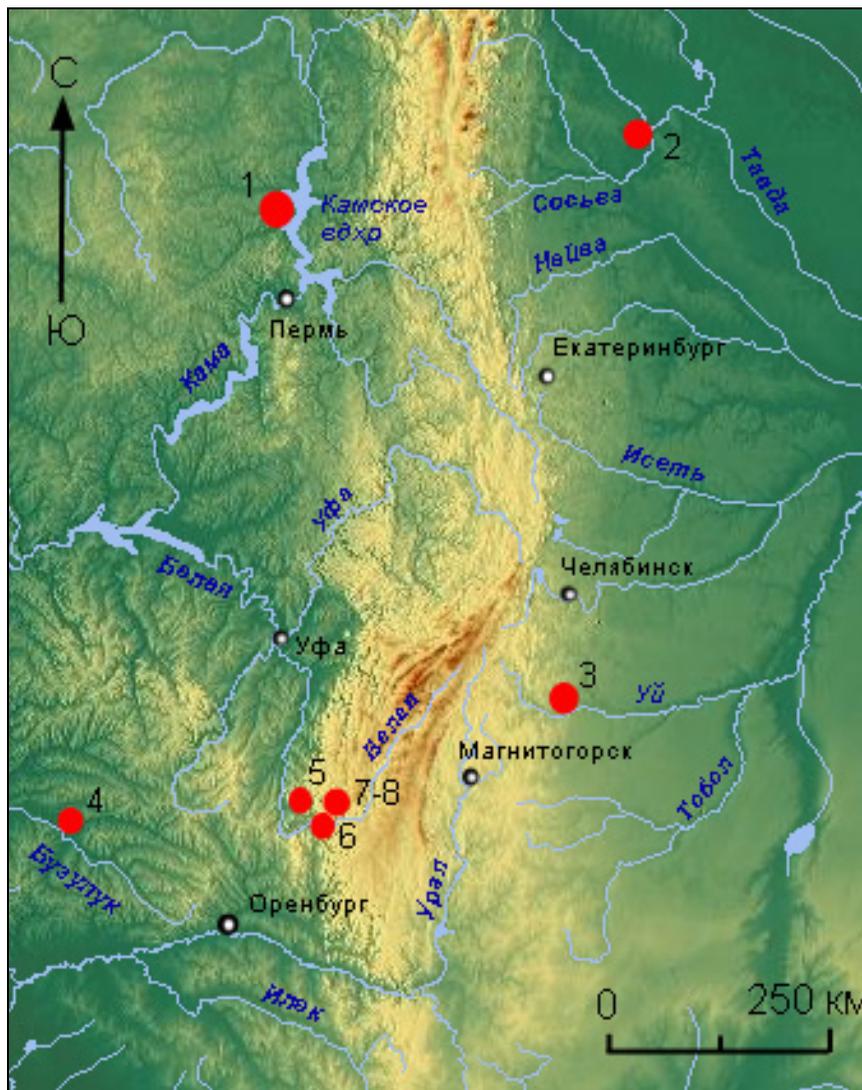
Изделия из кости

Стоянка Лабазы 1 расположена в 1,1 км к югу от с. Лабазы, в 2,4 км к северо-востоку от с. Скворцовка в Курманаевском районе Оренбургской области (рис. 1). Руслом р. Бузулук вскрыт культурный слой верхнего палеолита на глубине 1,5 м, приуроченный к гумусированным торфяниковым отложениям, насыщенным костями, древесным и костным углем, содержащий мегафауну и другие находки на протяжении 120 м [Богданов, Котов, 2008]. Основную массу находок на стоянке Лабазы 1 составляют кости ископаемых животных и орудия, изготовленные из этих костей. Изделий из камня 15 экз., это в основном пластины и изделия из них. По крупному обломку рога гигантского оленя была получена абсолютная дата 40 310±3830 (ИГАН 3442), подтверждающая геологический и палеонтологический возраст.

Одно изделие из кости было выделено в разряд предметов, связанных с изобразительной деятельностью [Богданов, Котов, 2008, с. 35, рис. 11, 1]. Оно изготовлено из фигурной «катуш-

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

ки» эпифиза плечевой кости благородного оленя (рис. 2, 1). Предмет размерами 6,4×5×5 см имеет форму антропоморфной статуэтки. Его верхняя часть, соответствующая «голове», декорирована наклонными насечками. Центральная, выпуклая часть эпифиза подбита и обрезана таким образом, что выделены короткие выступающие в стороны руки и две округлые груди. На нижней, наиболее широкой части эпифиза гравированными ломаными линиями показаны ноги (возможно, согнутые в коленях).

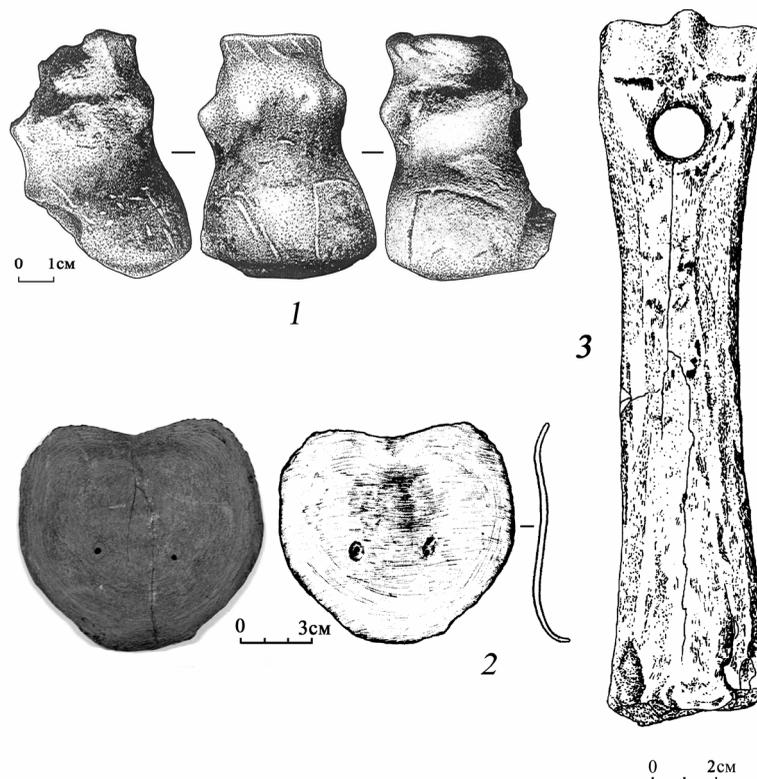

Рис. 1. Карта палеолитических памятников с находками предметов изобразительной деятельности: 1 — стоянка Широфаново II; 2 — стоянка Гари; 3 — стоянка Троицкая 1; 4 — стоянка Лабазы 1; 5 — стоянка Сергеевка 1; 6 — пещерная стоянка Акбута; 7 — стоянка Шульганово-4; 8 — пещерное святилище Шульган-Таш (Капова).

Стоянка Троицкая 1 находится в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской области (рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38 костей лошади. По обработанной кости мамонта была получена радиоуглеродная дата — 16 300±300 (ИЭРЖ-165). Каменные изделия — 188 экз. были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины — из хрусталя. Предположительно данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996, с. 21]. По мнению Ю.Б. Серикова, наличие хрусталя на памятнике является индикатором культового комплекса [2007с, с. 12].

Одно костяное изделие выполнено из пястной кости лошади. У него удален один эпифиз и под сохранившимся дистальным эпифизом просверлено отверстие диаметром 1,8–2 см. Отвер-

стие цилиндрическое, в этом месте толщина кости составляет 2,5 см (рис. 2, 3). Эпифиз удалены, очевидно, с целью создать рукояточную часть и акцентировать дистальную часть изделия. По нашему мнению, это изделие неслучайно отличается строгой симметричностью, размещение отверстия точно под выступом и рельефными деталями эпифиза на одной из сторон очень напоминает личину деревянных идолов. Поэтому более вероятно, что оно имело символическую функцию и являлось жезлом.

Рис. 2. Скульптуры из кости:

- 1 — стоянка Лабызы 1: антропоморфная статуэтка из эпифиза плечевой кости благородного оленя. Компьютерная обработка фотографии С.В. Богданова (по: [Богданов, Котов, 2008]);
 2 — стоянка Гари: межпозвоночный диск с отверстиями — «личина» (по: [Сериков, 2007]);
 3 — стоянка Троицкая 1: пястная кость лошади с отверстием (по: [Широков и др., 1996]).

Стоянка Гари находится на правом берегу р. Сосьвы на южной окраине п. Гари, в 250 м вверх по течению от пристани Свердловской области (рис. 1). Обнаружена и исследуется с 1973 г. Ю.Б. Сериковым [2007b]. Коллекция каменных изделий составляет 577 экз. Возраст памятника по радиоуглеродной датировке кости укладывается, по мнению автора раскопок, в промежуток от 15 150±280 (СОАН-4462) до 16 700±240 (СОАН-4843) [Там же, с. 65].

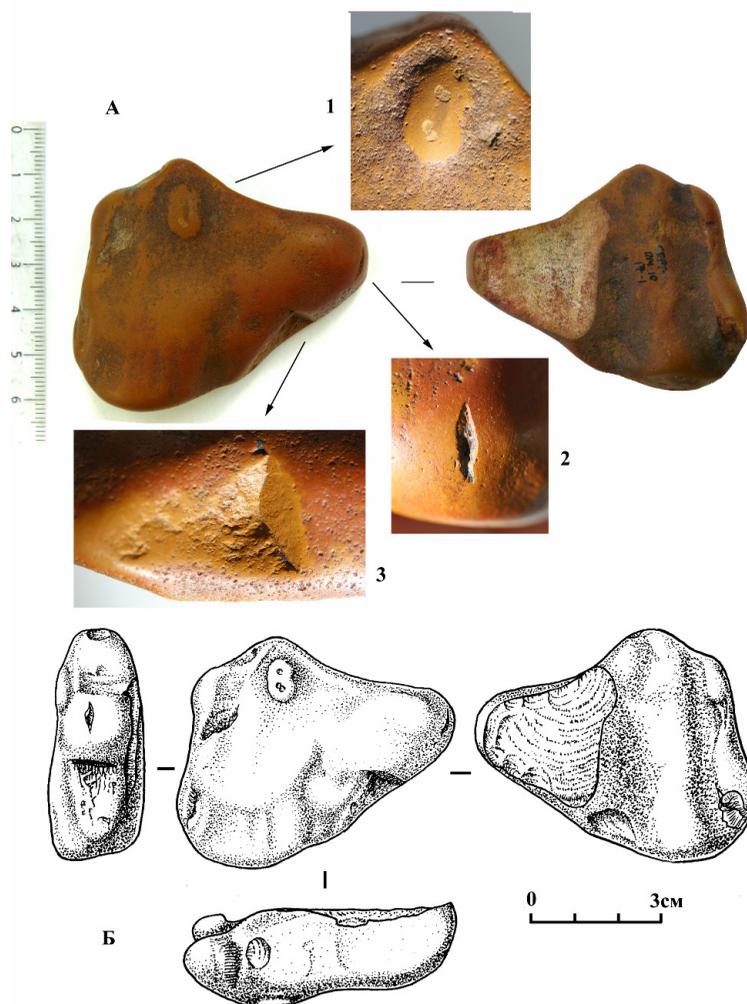
В мерзлотном клине в ходе раскопок было обнаружено изделие из межпозвоночного диска мамонта размером 9,8×8,6 см. Чуть ниже центра изделия симметрично на расстоянии 3 см друг от друга по свежей кости пробиты два сквозных отверстия диаметром 2 мм, образующие на «лицевой» стороне два выкола диаметром до 7 мм (рис. 2, 2). Автор находки считает, что этот диск представляет собой зооморфную личину, предположительно медведя в фас [Сериков, 2007b, с. 63, рис. 29, 2].

Изделия из камня

Стоянка Сергеевка 1 расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, в 3,5 км к северо-востоку от п. Нугуш, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевки в Мелеузовском районе Башкортостана. Памятник приурочен ко второй надпойменной террасе р. Нугуш высотой до затопления 20–30 м [Гимранов и др., 2012]. Из нескольких сотен костей плейстоценовой сохранности, по определению Д.О. Гимранова, большая часть — остатки лошади (80 %), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву. По

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

костному материалу радиоуглеродным методом была получена дата $18\ 000 \pm 340$ (Ле-9603) [Котов, Румянцев, 2012]. Всего собрано с поверхности более 5 тыс. изделий из камня. В целом технико-типологические характеристики указывают на принадлежность индустрии к уральской верхнепалеолитической общности [Гимранов и др., 2012].

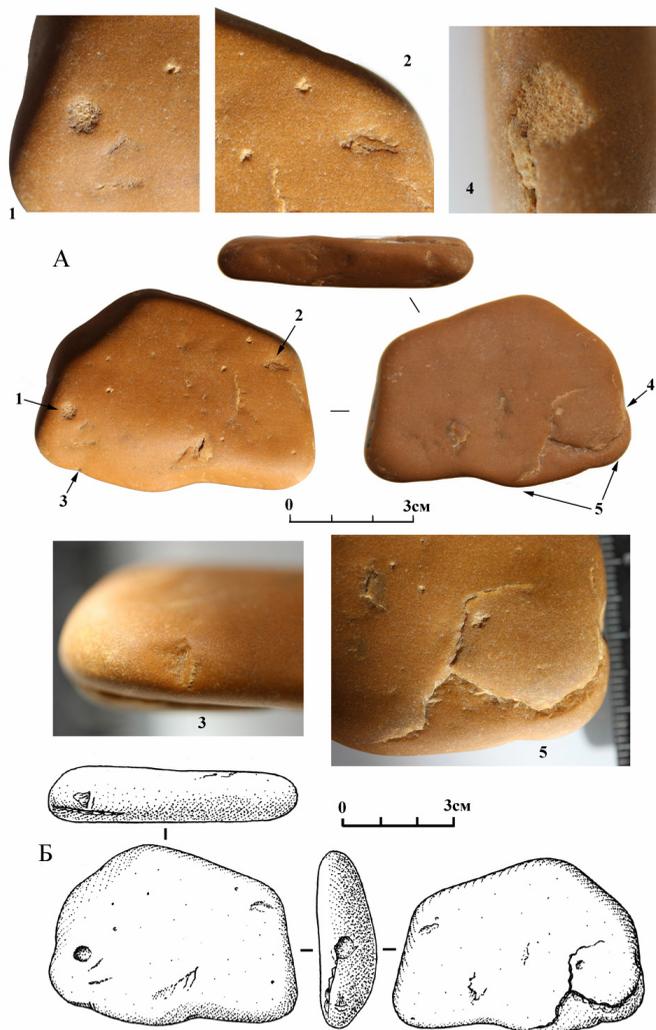

Рис. 3. Стоянка Сергеевка 1:

А — фото галечной скульптуры № 1 в виде головы (кварцитопесчаник): 1–3 — детали изображения;
Б — рисунок галечной скульптуры № 1.

Среди находок есть изделие, которое характеризуется как предмет изобразительной деятельности. Оно представляет собой фигурную плоскую гальку кремнистого песчаника желто-коричневого цвета подтреугольной формы с закругленными концами (рис. 3, А, Б). Размеры $6 \times 5,5 \times 2$ см. Одна сторона относительно плоская, причем это достигнуто дополнительно снятием широкого скола, края которого уплощены более мелкими сколами (рис. 3, А). На лицевой стороне характерные естественные выпуклости образуют подобие головы животного с вытянутой мордой, выступающей скуловой частью и выпуклым глазом размером $1,2 \times 0,7$ см. Для придания большего сходства с животным галька подработана. Важно, что овальный глаз был выделен посредством пикетажа (рис. 3, А, 1). С помощью твердого острого посредника сделано два углубления на поверхности «глаза» для обозначения зрачка. Углублений два, очевидно, потому, что острое инструмента соскальзывало и мастеру не удалось углубить первую выемку. В районе «носа» также острым твердым посредником сделан узкий скол, видимо обозначающий ноздрю (рис. 3, А, 2). Ниже, примерно посередине, был сделан острым посредником скол

от «лицевой» поверхности, а затем от основания многочисленными торцевыми снятиями он был аккуратно расширен, и образовалась глубокая выемка, обозначающая открытую пасть животного (рис. 3, А, 3). Поверхность изделия с обеих сторон покрыта красно-бордовой минеральной краской, причем она есть и на поверхности негатива скола на вентральной стороне. Остатки охры указывают на то, что эта фигурная галька использовалась в каких-то обрядах.

Рис. 4. Стоянка Сергеевка 1:

А — фото галечной скульптуры № 2 из кварцитопесчаника: 1–5 — детали скульптуры (описание в тексте);
 Б — рисунок галечной скульптуры № 2.

Следующая находка отличается от предыдущей обработкой. Плоская галька пятиугольной формы из кварцитопесчаника светло-коричневого цвета явно была принесена на стоянку. Ее размер 6,8×4,8×1,8 см. По форме контура галька напоминает животное с выпуклым горбом и покатою спиной, выступ и вогнутость на основании — ноги; в целом она похожа на бизона. Галька обработана предположительно в три этапа. С первым этапом связано оформление посредством пикетажа выемки размером 5×3 мм в правом верхнем углу (рис. 4, А, 2; Б). На другой стороне, зеркально, имеется выемка несколько меньшего размера (3×2 мм), сделанная сходным способом (рис. 4, Б). Очевидно, эти выемки обозначают глаза, и в этом случае изображение ассоциируется с головой или протомой какого-то животного. Важная деталь — отсутствие рта. Второй этап оформления гальки заключался в создании посредством пикетажа круглой выемки диаметром 4 мм и глубиной до 1 мм. Внутри она образована скоплением десятков глубоких точечных углублений, созданных каменным острием (рис. 4, А, 1; Б). Аккуратные размеры

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

выемки свидетельствуют об использовании остря в качестве посредника и какого-то легкого ударного инструмента в виде молоточка. Под выемкой имеются две искусственные борозды длиной 3 и 5 мм, сделанные посредством пикетажа цепочкой негативов мелких сколов (рис. 4, А, 1; Б). Внизу на боковой поверхности боковым сколом сделали выемку, которая затем была углублена продольными сколами и бороздами. Рядом с ней идет короткая (3 мм) поперечная борозда, выполненная острым каменным посредником (рис. 4, А, 3; Б). В целом круглая выемка воспринимается как глаз, борозды под ней — это усы, а выемка внизу — рот какого-то животного.

На другой стороне основную изобразительную нагрузку несет извилистый край трещины, контур которой был сформирован ретушью. Заходящая вглубь гальки трещина также была подчеркнута цепочкой сколов. Вблизи нее была сделана посредством пикетажа небольшая (2,5×2 мм) выемка (рис. 4, А, 5; Б). Нижний край искусственной трещины загибается вверх и соединяется с искусственной выемкой, созданной на боковой грани гальки многочисленными выбоинами. Она нанесена на одинаковом расстоянии от нижнего и правого (17 мм) края и имеет неправильную округлую форму, размер 5×6 мм и глубину до 1,5 мм (рис. 4, А, 4; Б). Особенности обработки и характер размещения несколько отличаются от оформления на стороне, описанной выше. Только выемки на плоской стороне и боковой грани сходны по технике исполнения с имеющимися на предыдущей. В целом выемка и обработанная трещина с выемкой на торце создают впечатление единого изобразительного комплекса. Сказать с уверенностью, какое животное хотел изобразить палеолитический охотник, сложно. Можно осторожно предположить, что покатающаяся спина, горб, маленький «глаз» и изогнутая линия ретушированного края трещины, соединяющаяся с глубокой выемкой (хобот и рот?), передают образ мамонта.

На втором и третьем этапах создания «галечной скульптуры» использован сходный тип оформления — выемки и борозды, образованные пикетажем, что позволяет с осторожностью говорить об одновременности этих этапов. Между тем, очевидно, речь нужно вести о трех разных образах и трех разных этапах оформления предмета, причем каждый раз происходило «отрицание» предыдущего изображения. Использование техники пикетажа и детали оформления выемки «рта» на втором этапе находят аналогии в обработке предыдущей «галечной скульптуры» на этом же памятнике (рис. 3, А, 3).

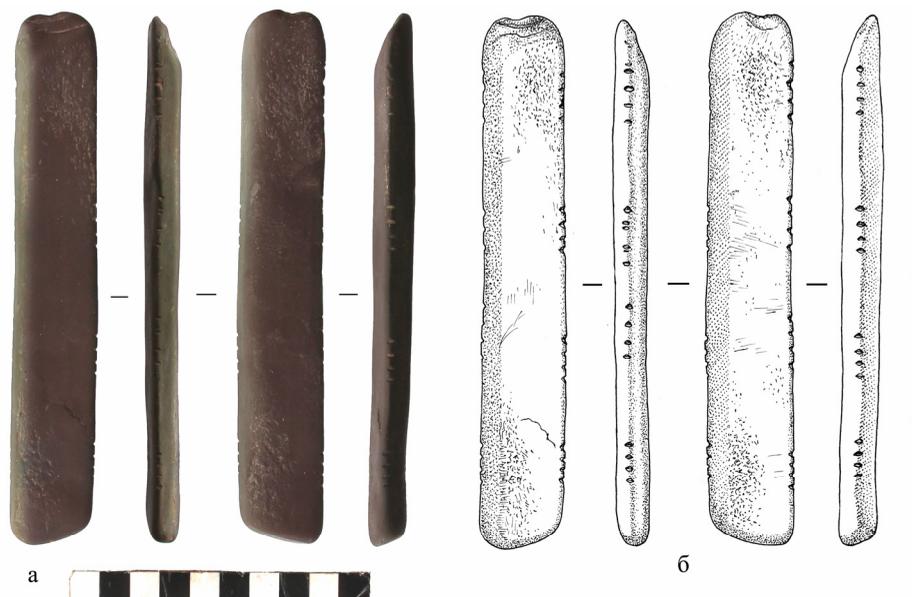
Еще одно изделие представляет собой брусок вытянутой формы (размер 17,7×2,7×1,0 см) из зеленовато-коричневого кремневого сланца с параллельными краями (рис. 5, а, б). Вдоль каждого из этих краев были выполнены пропилы: 4 группы по 4 пропила. Они были сделаны краем кремневой пластины, что хорошо видно при 20-кратном увеличении (рис. 5, в). Несомненно, пропилы являются простейшим орнаментом, основанным на 4-кратной ритмике. После нанесения «орнамента» данный брусок многократно использовался как ударный инструмент типа молоточка по какому-то твердому посреднику или в качестве отжимника-ретушера, в результате чего на широких поверхностях дистальных и проксимальных сегментов образовались скопления звездчатой выкрошенности и лунок. Типологически сходные находки происходят из Центральной Европы: сланцевые гальки продолговатой формы, украшенные простейшей нарезкой, были найдены в палеолитических слоях пещер Пекарна и Бычи скала в Моравии [Елинек, 1985, рис. 723].

Пещера Шульган-Таш (Капова) находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан на правом берегу р. Белой, в 5 км к западу от д. Гадельгареево (Шульганово) (рис. 1). Памятник широко известен своей наскальной живописью эпохи верхнего палеолита. Средний и верхний ярусы пещеры соединяются несколькими уступами общей высотой около 30 м, которые получили название Каскадной галереи.

В 2009 г. нами был полностью промыт на мелком сите отвал строителей трапов, вскрывших культурные отложения эпохи верхнего палеолита на первом уступе (Балконе) Каскадной галереи. Первый уступ расположен в 150 м от входа на высоте 7–8 м от пола Сталагмитового зала среднего яруса пещеры, образует небольшую вытянутую площадку размером 4×3 м. Палеолитический возраст отложений был установлен по углю из раскопа в этом месте — 13 900±190 (Кi-15568) и 16 710±800 (Кi-15967) лет [Котов, 2014а]. При промывке было обнаружено около 500 находок, в основном сколы, осколки и оббитые куски известняка и кальцита, а также орудия из известняка и кальцита.

Среди находок оказалась одна галечная скульптура. Она представляет собой плоскую гальку подтрапециевидной формы из серовато-зеленого кварцитопесчаника, ее размеры 4,5×3,3×1,3 см (рис. 6, 1). Одна сторона у нее плоская и гладкая. На выпуклой поверхности от глубокой выемки на левой стороне острым твердым посредником до половины гальки сделан горизонтальный

желобок (рис. 6, 1, А, 2). На торцевой грани серией ударов с применением того же инструмента сделан полукруглый желобок глубиной до 1 мм и шириной 1 мм, оформляющий полусферическую выпуклость. Она дополнительно выделена справа глубокой выемкой (рис. 6, 1, А, 1). Параллельно правой наклонной грани цепочкой ударов, произведенных острым твердым посредником, был сделан вертикальный прямой желобок, не достигающий до закругленных выступов (рис. 6, 1, А, 2). Однозначно интерпретировать данное изделие затруднительно. В зависимости от ориентации его можно воспринимать и как изображение человека, и как изображение носорога или мамонта. Последнее более предпочтительно, так как присутствуют основные символические детали, передаваемые при изображении этого животного: голова полусферической формы, отделенная от покатым спиной небольшой выемкой, хобот и массивное туловище [Любин, 1991].

В

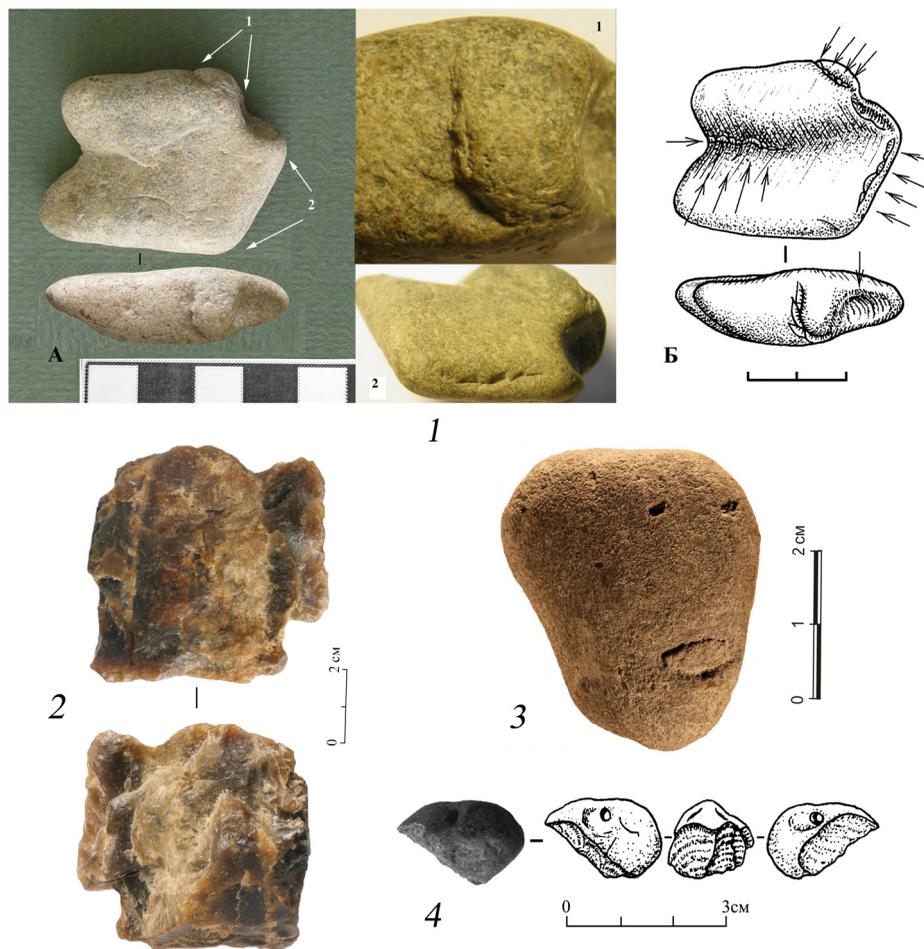
Рис. 5. Стоянка Сергеевка 1:

а — фото орнаментированной гальки из кремнистого сланца; б — рисунок орнаментированной гальки;
в — участок с пропилами при 20-кратном увеличении (фото М.М. Румянцева).

Стоянка Шульганово-4 была обнаружена М.М. Румянцевым в 2013 г. в ходе обследования окрестностей пещеры Шульган-Таш (Каповой) экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН и Центра «Наследие» под руководством автора. Она расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, в 0,2 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу р. Белой, в устье

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

р. Шульган, вытекающей из пещеры (рис. 1). Шурф 1×2 м доведен до глубины 1,60 м. В стенке шурфа начиная с глубины 1 м и на 0,5 м ниже были зафиксированы в коричневом среднем суглинке четыре углисто-сажистые прослойки плотного суглинка (очажные линзы), разделенные стерильными прослойками мелкозернистого песка. Пятый культурный слой выделен по присутствию угольков и археологическим находкам в темно-сером среднем суглинке между известняковой щебенкой в основании шурфа. Спорово-пыльцевой анализ показал кудашевское (осташковское) время функционирования очажных прослоек и табулдинское (ленинградское) время нижнего пятого слоя [Румянцев, 2014, с. 125].

Рис. 6. Каменные изделия:

- 1 — пещера Шульган-Таш (Капова): скульптура из гальки кварцитопесчаника, А — фотография, 1, 2 — детали скульптуры, Б — рисунок скульптуры; 2 — стоянка Шированово II: фигурка «мамонта» из кремня (по: [Сериков, 2014, фото 7, 1]); 3 — стоянка Шульганово-4: «личина» на гальке из известняка (по: [Румянцев, 2014]); 4 — пещера Байсланташ: обработанная галька с естественным отверстием из кварцитопесчаника (по: [Котов, 2004]).

В пятом культурном слое были найдены подвеска из плоской гальки из кварцитопесчаника с искусственным отверстием и заготовка подвески из бивня мамонта, а также массивный вторичный скол с гальки из кварцитопесчаника и орудие на массивном сколе известняка.

В этом же слое была обнаружена галечная скульптура в форме головы человека из гладкой известняковой овальной гальки, размером 4×3,4×1,7 см (рис. 6, 3)¹. На одной стороне на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем сделано два углубления неправильной формы размером 2×1,5 мм, глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит глубокий желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием.

¹ Автор выражает признательность М.М. Румянцеву за предоставленную фотографию находки.

Пещера Байсланташ (Акбутинская) расположена в 1 км западнее хутора Акбута в Мелеузовском районе Башкортостана на правом берегу р. Белой (рис. 1). Масштабные исследования пещеры были начаты в 1999 г. В.Г. Котовым, всего было вскрыто около 70 м² [Котов, 2004]. Слой 3 светло-бурого среднего суглинки, заключающий культурные остатки конца верхнего палеолита, датирован осташковским временем, а по костям получена дата 13 560±250 лет (ГИН-10853). Все в палеолитическом слое было обнаружено 1384 предмета из камня и кости. Индустрия пещеры Байсланташ по ряду признаков находит аналогии среди памятников уральской общности верхнего палеолита Урала [Котов, 2014b].

К категории украшений или амулетов нами была отнесена кварцитовая галечка с отверстием («куриный бог»), расколота и подработанная несколькими сколами так, что приобрела вид головы хищной птицы с клювом (рис. 6, 4). Размер изделия 2×1,5×1,7 см. Сочетание необычной формы и отверстия было причиной отбора галечки, которую очень точно и аккуратно оформили в миниатюрную скульптуру.

Стоянка Широфаново II расположена в устье р. Иньвы на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Широфаново (Ильинский р-н Пермского края) (рис. 1). Памятник был открыт и исследовался с 1990 по 2000 г. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. П.Ю. Павловым [Марков, Павлов, 2007]. На стоянке были собраны кости плейстоценовых животных: лошади, мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5 тыс. экз., в том числе около 700 орудий. По технико-типологическим характеристикам памятник является полной аналогией стоянке Талицкого [Марков, Павлов, 2007, с. 12]. Он также относится к кругу памятников уральской верхнепалеолитической традиции [Котов, 2014b].

С определенными оговорками к «галечной» скульптуре можно отнести фигурку «мамонта» с этой стоянки [Серигов, 2014, фото 7, 1] (рис. 6, 2). От обычных «фигурных кремней» она отличается тем, что это объемная двусторонняя скульптура. Из цельного плоского куска кремня обивкой и ретушью на обеих сторонах было сформировано тело с выпуклой в виде арки спиной, передние или задние ноги выделены продольными желобками, шишковидная голова с хоботом отделена от спины глубокой выемкой (рис. 6, 2). Размер 6,3×6,3×3 см. По форме и характеру обработки данное изделие занимает промежуточное положение между «фигурными кремнями» и «галечными скульптурами».

Обсуждение

Рассмотренная выше коллекция несмотря на немногочисленность позволяет говорить о достаточно широком распространении данного явления в верхнем палеолите Уральского региона: традиция использования естественных форм в изобразительной практике существовала как в начале верхнего палеолита, так и в финале палеолитической эпохи. Принципы изобразительной деятельности для предметов из фигурной кости и фигурной гальки сходны: природная форма лишь дополняется отдельными деталями посредством обивки, пикетажа, сверления, пиления и гравировки. Для предметов изобразительной и культовой практики на основе естественных форм, датированных голоценовым временем, характерны те же приемы обработки [Серигов, 2007а]. Сходство проявляется и в том, что среди изделий присутствуют как изображения фигур животных и человека, так и изображения голов.

Таким образом, можно говорить о единой традиции от начала верхнего палеолита и до эпохи средневековья [Котов, 2012; Серигов, 2005]. Тот факт, что «скульптуры» из кости и камня в ряде случаев были подвергнуты тщательной обработке, а кроме того, обнаружение четырех скульптур на святилищах (пещера Шульган-Таш (Капова), стоянки Шульганово-4, Троицкая 1, пещера Байсланташ) и следы охры на галечной скульптуре со стоянки Сергеевка 1 позволяют предполагать высокий символический статус данных предметов.

Заключение

На восьми верхнепалеолитических памятниках региона были обнаружены предметы изобразительной деятельности на основе естественных форм кости и камня: в Прикамье (стоянка Широфаново II), Среднем Зауралье (стоянка Гари), Южном Приуралье (стоянки Лабазы 1, Богдановка, Сергеевка-1), горной части Южного Урала (пещеры Шульган-Таш (Капова) и Байсланташ) и Южном Зауралье (стоянка Троицкая 1). Широкий разброс по территории и времени (от 40 до 13 тыс. лет) говорит о том, что эта форма изобразительной деятельности отражает опре-

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

деленную культурную специфику «уральского» верхнего палеолита, выявленную по характеру индустрии [Котов, 2014b].

По содержанию среди рассматриваемых предметов изобразительной деятельности выделяют: изображения человека — 3 экз., животных — 5 экз., птицы — 1 экз., орнаментированная галька — 1 экз. Можем предполагать, что использование и почитание естественных форм является *специфичным способом изобразительной деятельности* на территории Урало-Поволжья в верхнем палеолите [Котов, 2012].

Присутствие сходной изобразительной деятельности в верхнем палеолите на территории Забайкалья [Константинов, 2011], Красноярского края и Дальнего Востока [Сериков, 2007а, с. 160] позволяет воспринимать эту деятельность как проявление изобразительно-культовой практики «уральского» и шире — «сибирского» мира верхнего палеолита [Котов, 2014b].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богданов С.В., Котов В.Г.* Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская обл.) // Уфим. археол. вестник. 2008. Вып. 8. С. 27–38.
- Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М.* Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Перм. ун-та. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.
- Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.
- Константинов М.В.* Забайкалье: Земля, проникнутая небом // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.: М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 53–55.
- Котов В.Г.* Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // Уфим. археол. вестник. 2004. Вып. 5. С. 36–55.
- Котов В.Г.* Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. С. 179–185.
- Котов В.Г.* Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: К 70-летию В.И. Беляевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014а. С. 120–141. (Труды ист. ф-та СПбГУ; Т. 18).
- Котов В.Г.* Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики. СПб.: МАЭ РАН: ИИМК РАН, 2014б. С. 366–385. (Замятнин. сборник; Вып. 3).
- Котов В.Г., Румянцев М.М.* К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал — Алтай: Через века в будущее: Материалы V Всерос. тюркол. конф., посвященной 80-летию ИИЯЛ Уфим. НЦ РАН. Уфа, 2012. С. 189–192.
- Любин В.П.* Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1. С. 20–42.
- Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю.* Стоянка Широфаново II — новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского севера. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7–21.
- Румянцев М.М.* Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 124–127.
- Семенов В.А.* Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-классика, 2008. 592 с.
- Сериков Ю.Б.* Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Ю.Б. Сериков. Проблемы археологии и древней истории Урала: Сб. науч. работ. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2005. С. 26–44.
- Сериков Ю.Б.* Галечные скульптуры — изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2007а. С. 28–39, 155–163.
- Сериков Ю.Б.* Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2007б. 138 с.
- Сериков Ю.Б.* Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. Барнаул: Азбука, 2007с. Вып. 1. С. 7–24.
- Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.
- Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.
- Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б.* Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Сер. Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.
- Щелинский В.Е.* Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // АО, 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 23–34.

THE DECORATIVE PRACTICE BASED ON NATURAL FORMS IN THE PALEOLITHIC OF THE URALS

In recent years, archaeologists have found objects of decorative activity based on natural forms of bone and stone which were manufactured by men in the Ural-Volga region at the Upper Paleolithic monuments in the Kama area (Shirovanovo site), in the Middle Trans-Urals (Gari site), in the Southern Urals (Bogdanovka and Sergeevka 1 sites), in the mountainous part of the Southern Urals (Shulgan-Tash (Kapova) and Bayslantash caves) and in the Southern Trans-Urals (Troitskaya 1 site). The tradition of using natural forms in pictorial practice applies both to the early Upper Paleolithic and to the final stage of the Paleolithic era. Their distinguishing feature is the selection of shaped pebbles or bones, which have a certain similarity to an animal or a human, and they were only slightly altered by men. Depending on the material and the purpose, various processing methods were used: upholstery, sawing, stationing, drilling, engraving. The process was always aimed at obtaining important details that emphasized similarity of natural forms with an imaginary phenomenon, meaning usually eyes, a mouth, if it referred to a head, or in case of a mammoth, a recess between the back and the head, and the trunk. According to the content, items of decorative activity in the Paleolithic epoch fall into: images of people — 3 items, animals — 5 items, bird depictions — 1 item, and ornamented pebbles — 1 item. Along with this, we found examples of offerings in the form of pebbles of unusual rocks (green serpentine, crystal pendants on a shingle slate and serpentine) in the cave sanctuary of Shulgan-Tash. In case of the Upper Paleolithic, we can assume that the use and veneration of natural forms was an important and specific way of symbolization within the pictorial activity in the territory of the Ural-Volga region. This is characteristic of «Ural» and, more broadly, «Siberian» cultural tradition of the Upper Paleolithic.

Key words: sculptures, processed shaped pebbles, processed shaped bones, the Upper Palaeolithic, the Urals.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-016-027

REFERENCES

- Bogdanov S.V., Kotov V.G., 2008. Verkhnepaleoliticheskaia stoianka Labazy I (Orenburgskaia obl.) [The Upper Paleolithic Site of Labasy I (Orenburg Region)]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 8, pp. 27–38.
- Gimranov D.O., Kotov V.G., Kurmanov R.G., Rumiantsev M.M., 2012. Stoianka verkhnego paleolita Sergeevka 1 na r. Nugush (luzhnyi Ural) [The Upper Paleolithic Site of Sergeevka 1 on the Nugush River (Southern Urals)]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 1 (18), pp. 24–37.
- Elinek Ia., 1985. *Bol'shoi illiustrirovannyi atlas pervobytnogo cheloveka* [A large illustrated atlas of primitive man], Praga: Artia, 560 p.
- Konstantinov M.V., 2011. Zabaikal'e: Zemlia, proniknutaia nehom [Transbaikalia: the land imbued with the sky]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 53–55.
- Kotov V.G., 2004. Issledovanie paleoliticheskogo sloia v peshchere Baislantash (Akbutinskaia) [A study of the Paleolithic layer in the cave of Baislantash (Akbutinskaya)]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 5, pp. 36–55.
- Kotov V.G., 2012. Skul'ptury na osnove estestvennykh form v paleolite Urala [Sculptures based on natural forms in the Paleolithic of the Urals]. *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami*, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiia', pp. 179–185.
- Kotov V.G., 2014a. Issledovaniia mnogosloinnoi paleoliticheskoi stoiarki v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoi) [Studies of a multilayered Paleolithic site in the cave of Shulgan-Tash (Kapova)]. *Problemy arkheologii epokhi kamnia: K 70-letiiu V.I. Beliaevoi*, St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, pp. 120–141.
- Kotov V.G., 2014b. Problemy verkhnego paleolita Urala i kontseptsii G.P. Grigor'eva [Problems of the Upper Paleolithic of the Urals and the concept by G. Grigoriev]. *Kamennyi vek ot Atlantiki do Patsifiki*, St. Petersburg: MAE RAN: IIMK RAN, pp. 366–385.
- Kotov V.G., Rumiantsev M.M., 2012. K voprosu o kul'turnoi situatsii v ural'skom regione v epokhu verkhnego paleolita [On the issue of cultural situation in the Ural region in the Upper Paleolithic era]. *Ural-Altai: Cherez veka v budushchee: Materialy V Vserossiiskoi tiur-kologicheskoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu Instituta istorii, iazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*, Ufa: IIIaL UNTs RAN, pp. 189–192.
- Liubin V.P., 1991. Izobrazheniia mamontov v paleoliticheskom iskusstve (po materialam Kapovoi peshchery) [Images of mammoths in Paleolithic art (based on the materials of the Kapova Cave)]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 20–42.

Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала

Makarov E.Iu., Pavlov P.Iu., 2007. Stoianka Shirovanovo II — novyi pamiatnik pozdnego paleolita v basseine Verkhnei Kamy [The site of Shiranovo II, a new monument of the Late Paleolithic in the Upper Kama River basin]. *Kamennyi vek Evropeiskogo severa*, Syktyvkar: IlaLI Komi NTs UrO RAN, pp. 7–21.

Rumiantsev M.M., 2014. Pervye issledovaniia paleoliticheskoi stoianki otkrytogo tipa Shul'ganovo-4 v gornol'esnoi zone luzhnogo Urala [The first studies of the Paleolithic site of open type of Shulganovo-4 in the mountain forest zone of the Southern Urals]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. 1, Kazan', pp. 124–127.

Semenov V.A., 2008. *Pervobythnoe iskusstvo: Kamennyi vek. Bronzovyi vek* [Primitive art: The Stone Age. The Bronze Age], St. Petersburg: Azbuka-klassika, 592 p.

Serikov Iu.B., 2005. Ispol'zovanie prirodnykh form v kul'tovoi praktike drevnego naseleniia Urala [The use of natural forms in the cult practice of the ancient population of the Urals]. *Iu.B. Serikov. Problemy arkheologii i drevnei istorii Urala: Sbornik nauchnykh rabot*, Nizhnii Tagil: NTGSPA, pp. 26–44.

Serikov Iu.B., 2007a. Galechnye skulptury — izobrazitel'nye simvoly obriadovoi deiatel'nosti drevnego cheloveka [Pebble sculptures, pictorial symbols of ritual activity of the ancient man]. *Mif i simvol v proshlom i nastoiashchem*, Nizhnii Tagil: NTGSPA, pp. 28–39, 155–163.

Serikov Iu.B., 2007b. *Garinskaia paleoliticheskaiia stoianka i nekotorye problemy ural'skogo paleolitovedeniia* [The Garinskaya Paleolithic site and some problems of the Ural paleolithology], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 138 p.

Serikov Iu.B., 2007c. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoi praktiki u paleoliticheskogo naseleniia Urala [The formation of ritual and cult practices in the Paleolithic population of the Urals]. *Mirovozzrenie naseleniia luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi perspektive*, 1, Barnaul: Azbuka, pp. 7–24.

Serikov Iu.B., 2014. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on the primitive art of the Urals], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 268 p.

Shchelinskii V.E., 2009. Il'skaia stoianka na Kubani. Unikal'nyi pamiatnik srednego paleolita na territorii Rossii [Il'skaya site at the Kuban River. A unique monument of the Middle Paleolithic on the territory of Russia]. *Arkheologicheskie otkrytiia, 1991–2004 gg. Evropeiskaia Rossiia*, Moscow: IA RAN, pp. 23–34.

Shirokov V.N., Kosintsev P.A., Volkov R.B., 1996. Paleoliticheskaiia stoianka Troitskaia I na reke Ui [The Paleolithic site of Troitskaya I at the Uy River]. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Rifei, pp. 3–17.

Stoliar A.D., 1985. *Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva* [The origin of pictorial art], Moscow: Iskusstvo, 299 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРЕВЕСИНЫ В г. ТАРЕ В XVII–XVIII вв.¹

Статья основана на материалах археологических исследований одного из первых русских городов в Западной Сибири — Тары. Цель работы — показать значимость древесины в жизни сибирского города: от строительства жилищ и оборонительных сооружений до использования в качестве топлива для обогрева построек в зимнее время и приготовления пищи и как материала для изготовления орудий труда и предметов быта. Задачей исследования было показать дефицит древесины в жизни г. Тары; в частности, выявлено вторичное использование дерева при строительстве новых объектов. Можно выделить несколько направлений вторичного применения: сооружение хозяйственных построек, фундаментов под строения, заборов и заплотов, завалинок, ремонт мостовых и дорог, использование на дрова. В качестве примера мы представили постройку на Базарной площади, которая была срублена из бревен частоккола Тарской крепости. В ходе исследования выяснилось, что основными причинами нехватки дерева были многочисленные пожары, высокое расположение грунтовых вод и наличие в непосредственной близости от острожной части города большого заболоченного массива. Служилое население города в свободное от караулов время было вынуждено постоянно заниматься ремонтом оборонительных сооружений и административных зданий, пострадавших от огня или сгнивших в насыщенном водой грунте. Существенных трудозатрат требовали прокладка мостовых и тротуаров по улицам города, строительство водоотводных желобов и поддержание их в нормальном состоянии. Также мы выяснили, что в зимний период город потреблял более 3 тыс. м³ дров — значительное количество для небольшого города-крепости. Фактически ежегодно вырубался лес на площади в несколько гектаров. Исследование показало определенную зависимость города от регулярных поставок дерева как в качестве строительного материала, так и на дрова. Подобная ситуация была характерна для большинства первых русских городов в Западной Сибири, поэтому результаты нашей работы могут найти применение при археологическом исследовании их исторических центров.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, история, город, Тара, древесина, пожар, вода, строительство.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-028-035

Археологические исследования исторического центра одного из первых русских городов в Западной Сибири — Тары, проводимые Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН последние десять лет, позволяют говорить о нем как об одном из самых информативных объектов для изучения русской истории Сибири конца XVI — XVIII в. В силу исторического развития застройка города производилась с учетом фортификационной системы и не выходила за ее пределы. В результате культурный слой в Тарской крепости достигает 4,5 м при очень хорошей сохранности органических материалов — древесины, изделий из кожи, тканей и т.д. По сохранности материалов Тара уступает, пожалуй, только памятникам, расположенным за Полярным кругом, — Мангазее и русским острогам на севере Якутии. Сохранность дерева в культурном слое города позволяет определять строительные уровни примерно для каждых 50 лет истории города, а соответственно фиксировать новации в обработке дерева и приемах домостроительства. Новые инструменты и технологии являются датирующим фактором для культурных горизонтов. Например, в культурных слоях Тары появление такого деревообрабатывающего инструмента, как пила, прослеживается на деревянных конструкциях, относящихся к середине XVIII в. Толчком для появления новой технологии — пиления дерева послужило достаточно бурное развитие каменного строительства в городе: храмов и купеческих особняков. Новая архитектура потребовала нового строительного материала — пиленой доски, которая быстро вытеснила тесаные плахи. Распространение доски связано с появлением в культурных

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 14-50-00036).

горизонтах еще одной категории находок — железных гвоздей [Татауров, 2004]. Гвоздь, в свою очередь, вытеснил из конструкций деревянные крепления. Таким образом, наличие тех или иных инструментов или свидетельств их применения может служить датирующим маркером для культурного слоя.

Тара была срублена в рекордно короткое время — за несколько месяцев конца лета и осени 1594 г. Была поставлена Тарская крепость, в которой размещались дом воеводы и комплекс военно-административных зданий, и острог, со своими укреплениями и домами для служилых людей. К 15 августа следующего года была закончена Успенская церковь и, в принципе, город был построен. Быстроте постройки способствовало то, что город был окружен сосново-кедровыми борами, а своевременно доставлять дерево должно было местное татарское население. «А делати город всеми ратными людьми и татары тутошними волостями, сколько тутошних людей зберется к городовому делу, которые туто близко подошли. А сперва их б[ере]чь, велети и лес ронить и привозить под город; а стояли бы под городом, а в город их не пушать, покаместа город укрепиться, чтоб и[м] людей государевых не смечать. А которые не учнут слушать и лесу к городовому [делу] возить, и их велеть воевать и пои [мав укро]щать» [Миллер, 1999, с. 348]. Заметим, что повинность в поставках строевого леса в Тару, а также дров стала со временем одним из прибыльных промыслов у населения окружающих город татарских деревень. Пользуясь тем, что за ними были закреплены практически все лесные угодья, татары превратили этот фактор в способ обогащения. П.А. Словцов писал: «Татары и бухарцы, владея по писцовым книгам лучшими угодьями, лесами, землями, озерами, урочищами ягодными, ореховыми, звериными, пользуясь льготою от рекрутства и довольствуясь доходами с угодий, не жили, а плесневели в беспечной ленности» [1886, с. 65].

Дерево до сих пор играет важную роль в системе жизнеобеспечения сельского населения Западной Сибири: в первую очередь как строительный материал, а также топливо для обогрева домов и приготовления пищи, бань и сырье для изготовления самого разнообразного инвентаря. Археологические исследования Тары наглядно показывают значимость древесины в жизни человека в исследуемое нами время. Несмотря на то что русские первопроходцы пришли на земли, богатейшие лесными ресурсами, потребность в древесине была столь велика, что вызвала значительные проблемы при основании городов и острогов, поддержании в порядке фортификаций, которые также полностью строились из древесины, в целом в жизнедеятельности поселенцев на новых территориях. Анализ использованной древесины показывает, что за первые 100 лет истории города количество строевого леса в округе существенно уменьшилось. Кедровые леса были вырублены полностью, а строевую сосну и лиственницу везли почти за 100 км. Со временем нехватка строительного материала стала одной из насущных проблем города.

Самые большие потребности в дереве были из-за потерь от огня и воды. Особенный урон наносили городу пожары, которые иногда уничтожали всю застройку, в том числе деревянные укрепления. Тара горела фактически постоянно, но с определенной периодичностью пожары принимали вид стихийного бедствия: сгорала большая часть или весь город, как, например, в 1624, 1669, 1709 гг. Воевода князь Мещерский писал в Москву о пожаре 1669 г., что город «згорел Божьей волей», так как «дворы были тесны гораздо и улицы были узки»². Во время этого пожара сгорело 360 дворов, приказная изба, воеводский дом и другие постройки [Цветкова, 1994, с. 22]. Прямое подтверждение пожаров фиксируется в ходе археологических раскопок: культурный слой состоит из угольно-зольных прослоек следов сгоревших зданий. Через некоторое время пожарища разравнивались, засыпались мусором, суглинком и песком и на этом месте строились новые здания. Рубка зданий велась непосредственно на месте их возведения и строительный мусор не убирался, а засыпался тонким слоем песка или суглинка. Таким образом, раскопки дают возможность исследовать не только сами конструкции, но и строительные отходы, т.е. технологию рубки.

² Тара действительно горела неисчислимое количество раз. Пожары нередки и сегодня. Но следует критически относиться к запискам тарских воевод. Пожары были одной из статей пополнения воеводской казны, так как только после реформ Екатерины II появилась городская казна, а до этого все финансы поступали к воеводе. В Москву и Тобольск из Тары ежегодно отправлялись многочисленные письма-челобитные с просьбами о восстановлении сгоревших церквей, административных зданий, фортификационных сооружений, и в ответ на восстановление сгоревших зданий выделялись необходимые средства [Строгова, Татауров, 2012]. В то же время погорельцы отнюдь не торопились восстанавливать пожарища. Так, сгоревшую в 1669 г. крепость окончательно починили лишь в 1701 г., а письма с просьбой о ее ремонте шли в Москву даже когда крепость уже срыли.

Высокое залегание грунтовых вод приводило к быстрому гниению нижних венцов построек и основания частоколов. Горожане постоянно чинили заборы и заплоты, меняли нижние венцы срубов домов и хозяйственных построек, обновляли городни и частоколы крепостных стен. Наиболее часто приходилось менять межусадебные и междомовые частоколы, которые сооружались из жердей диаметром 10–15 см; такие загородки строились заново каждые 5–7 лет. К середине XVIII в. в центре города была проложена система водоотводных желобов и канав, но окончательно отвести воду с окружающих город болот удалось только в начале XX в.; однако, несмотря на это, Тара и сейчас местами находится в полузаболоченном состоянии. Смена нижних венцов тарских домов — обычное явление на современных тарских улицах.

Поскольку гражданского населения в Таре в первые два века ее существования было очень мало, все ремонтные работы ложились на служилых людей. Тобольск в XVII в. был завален челобитными тарских служилых людей: «Всякие государевы изделия делаем, амбары, избы, и бани, и воеводские дворы ставим и починиваем, и бревна и тес, и всякий лес возим, и печи бьем, и изгороди около государевых полей городим» [Никитин, 1988, с. 87]. Недовольство было вызвано тем, что более половины тарского гарнизона находилось на полевых караулах, которые продолжались от одного месяца до полугода. На семейное хозяйство времени у казаков и стрельцов не оставалось.

О дефиците дерева как строительного материала свидетельствует такой факт, как вторичное использование древесины. При исследовании выяснилось, что тарчане максимально применяли древесину, которая в силу каких-то обстоятельств — пожаров или гниения — стала непригодной в своем первичном назначении. Для русских поселенцев в Западной Сибири это было обычным явлением. Так, в Мангазее практически во всех постройках фиксировалось дерево с разобранных кочей [Визгалов, 2008]. Отсутствие пригодного к строительству леса заставляло жителей Мангазеи максимально использовать имеющиеся материалы и в случае необходимости перестраивать свои постройки с наименьшими потерями. Город Тара, расположенный в южно-таежной зоне и окруженный лесами, тем не менее, как и Мангазея, постоянно испытывал потребность в древесине. Особенно сложная ситуация была в XVII в., когда Тара непрерывно находилась в состоянии полуосады; несколько раз ее обитатели отражали попытки взять город штурмом, предпринимавшиеся кочевниками во главе с сыновьями и внуками хана Кучума. У тарчан просто не было возможности постоянно восполнять запасы строевой древесины, и только в самом конце века, с ослаблением военной напряженности, поставки леса стали регулярными.

Изучение древесины в культурном слое города показало, что крупных сгоревших или полусгнивших фрагментов древесины практически нет. Все дерево, которое хоть в какой-то степени подходило для вторичного использования, шло в дело. Однако следует отметить, что при строительстве жилых домов и административных зданий, а также крепостных укреплений мы не зафиксировали ни одного случая вторичного применения древесины. Выделяется несколько направлений такого применения: сооружение хозяйственных построек, фундаментов под строения, заборов и заплотов, завалинок, ремонт мостовых и дорог, использование на дрова.

В 2013 г. в горизонте конца XVIII — начала XIX в. исследовалась постройка, бывшая, по всей видимости, избой сторожа при городском рынке на Базарной площади (рис. 1). Об этом свидетельствуют как ее расположение, так и размеры и планиграфия. Достаточно сказать, что печи в этой постройке не было — это не удивительно, так как зимой рынок не работал. Для нас это строение интересно тем, что оно было срублено целиком из частокола острожной крепостной стены города. Отметим некоторые особенности фортификации города. Стены Тарской крепости состояли из восьми- и четырехугольных башен и «городен» срубов примерно 4×2,5 м, заполненных землей, стены острога — из таких же башен и частокола, бревна которого (бальсины) были украшены «луковицами» и имели с внутренней стороны стены пазы для скрепления друг с другом. Такое бревно с «луковицей» лежало в нижнем венце исследованной нами постройки. Строители срубили ее в лапу и не выровняли выпуски нижнего ряда с верхними венцами, поэтому украшение бревна осталось. Достаточно длинные выпуски оставили, так как сруб не имел фундамента или мертвяков под углы сруба, что вообще традиционно для Тары. Но данная постройка срублена из бревен стены, которые, вероятно всего, сгнили в своей нижней части, поэтому многие венцы в срубе, в том числе в нижнем, составлены из нескольких частей. По этой причине бревна могли ровно лежать только непосредственно на земле, что мы и зафиксировали. Нижний венец состоял из массивных, как и с «луковицей», бревен диаметром 0,45–0,5 м, а уже на второй венец пошли бревна диаметром 0,3 м, но тоже из острожной стены.

Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре...

Одно из бревен было заострено (но без «луковицы») и имело, как и нижние бревна, характерные пазы-крепления. Таким образом, можно говорить, что острожный частокол состоял из толстых, диаметром около 0,5 м, бревен с «луковицами» и более тонких — около 0,3 м, с простым заострением. На втором и третьем венцах постройки на бревнах заметны следы пожара, не совпадающие и не представляющие единую картину горения: очевидно, что частокол горел, но был потушен, а обгорелые бревна пошли на строительство. Чтобы обитатели данного строения не замазались о стены, бревна горелой стороной развернули наружу.

Рис. 1. Нижний венец сруба. Раскоп 2013 г. Фото М.П. Черной.

Еще один интересный случай использования бревен из фортификационных сооружений города на постройку хозяйственных объектов был зафиксирован при раскопках бани в усадьбе на территории Тарской крепости (рис. 2). Под первым венцом сруба, чтобы закрыть пространство между венцом и землей, положили бревно от крепостной восьмиугольной башни. В 2010–2011 гг. мы раскопали одну из башен Тарской крепости такого типа. Венцы у башни были срублены в «чистый угол» с углом 45° , длина бревен в сохранившихся венцах от 1,7 до 2,4 м, диаметр 0,4 м; зафиксированное нами бревно полностью соответствует этим размерам. Бревно от башни по размерам не годилось для венца бани, поэтому его использовали в качестве подкладки под нижний венец бани.

Рис. 2. Баня. Бревно под нижним венцом сруба. Раскоп 2011 г. Фото С.Ф. Татаурова.

Из пришедших в негодность бревен тарчане строили основания-фундаменты под здания и заплоты (рис. 3). Заплоты были распространены первоначально преимущественно в Тарской крепости, и только после формирования погоста эти ограждения появляются и в этой части города [Татауров, Черная, 2015, с. 102]. Если диаметр был достаточен — около 0,5 м, то использовали одно бревно, а если диаметр был меньше, то делали выкладки из двух или трех чурок длиной 0,8–1 м. Под основание заплотов использовали длинные бревна, в которых выдалбливали глубокий паз, куда вставлялись тесаные доски. Как и при строительстве вышеописанной избы, в этих бревнах есть пазы от предыдущих строений, что указывает на их вторичное применение. Вторично использовали бревна и для вертикальных оснований-окончаний заплотов — брали большие бревна с «луковицами». Верхняя часть бревен заплота не сохранилась, но одно из бревен, с частично удаленной «луковицей», было закопано этим украшением вниз.

Рис. 3. Фундамент-основание под заплот и под угол сруба. Раскоп 2013 г. Фото М.П. Черной.

Бедой для тарчан были высокое залегание грунтовых вод и глинистая почва, что сильно затрудняло перемещение по городу. Жители Тары строили деревянные мостовые для гужевого транспорта и тротуары для пешеходов. И те и другие носят следы длительного использования и многочисленных ремонтов: выбоины, выступы на месте сучков, проломы и т.д. Меняли лежаки, на которые был положен собственно тротуар, и отдельные плахи, из которых он состоял. На мостовых (рис. 4) наиболее изношенные бревна не вынимались, а на них сверху клались такие же по диаметру полубревна или дранка. Свидетельством того, что дранка использовалась вторично, являются следы крепления (подтесывания) на ее концах для вставки под охлупень и в другие крепления крыши.

Рис. 4. Мостовая в Тарской крепости. Раскоп 2012 г. Фото М.П. Черной.

Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре...

Завалинка в Таре является лучшей демонстрацией вторичного использования дерева жителями города (рис. 5). Собственно завалинка состояла из ограждения и грунта, который засыпался между ним и домом. Но сверху на нее складывалось вышедшее из употребления дерево, которое еще могло найти какое-то применение. Это фрагменты бревен и досок, жерди, изношенные детали ткацких станков и телег и т.д. Многие фрагменты несут следы огня, другие частично сгнили, но по мере надобности находили применение — для починки, для того чтобы загатить грязь перед домом или просто на дрова. Таким образом, завалинка являлась для хозяина усадьбы или двора своеобразной дровяной биржей вторичного сырья.

Рис. 5. Завалинка у избы для «челяди» в Тарской крепости. Раскоп 2013 г. Фото М.П. Черной.

Дерево на завалинках применялось в экстренных случаях, когда было необходимо ликвидировать последствия какого-то бедствия. Такая ситуация была зафиксирована в 2016 г., когда вскрыли горизонт в острожной части города и обнаружили ряд изб, сгоревших в 1669 г. Пожар тогда уничтожил практически весь город, и жителям нужно было где-то временно обустраиваться. Один из погребов был перестроен в землянку, и на ее перекрытие пошли фрагменты недогоревших бревен, неошкуренные березовые жерди, фрагменты березовой коры и т.д. — все, что было под рукой у хозяина этого погреба (рис. 6). Землянка просуществовала короткое время (жерди не успели сгнить) и была засыпана остатками пожарища и разным хламом, а новую избу построили рядом с этим жилищем.

Рис. 6. Перекрытие сгоревшего погреба в острожной части города. Раскоп 2016 г. Фото С.Ф. Татаурова.

Немало древесины шло в тарские печи. Суровые продолжительные зимы требовали значительного количества дров для отопления жилищ тарчан. В связи с этим избы в острожной части города строились небольших размеров. Исследованная нами изба XVII в. была площадью около 9 м². В XVIII в. площадь изб достигает 20–22 м². Но и сравнительно небольшие помещения требовали заготовки на зиму не меньше кубической сажени дров (около 8 м³. — С. Т.). В ходе раскопок было найдено достаточно большое количество березовых и осиновых поленьев. В связи с тем что дрова заготавливались исключительно с помощью топора, на них шел в основном молодой лес диаметром не более 0,25 м. Бревно разрубалось на чурки длиной в среднем 0,7 м и колосось на две или четыре части. Значительное количество осины объясняется более мягкой древесиной, что важно для заготовки, а также тем, что при горении осиновых дров выделяется существенно меньше угарного газа. Березовые дрова дают больше жара, но много угара.

Помимо жилищ дрова шли на отопление воеводского дома и административных зданий в Тарской крепости. Раскопки Княжьей башни Тарской крепости показали, что в подобных объектах стояли небольшие печи для обогрева караульных. Так как в крепости было шесть башен и двое ворот (на воротах также были башни. — С. Т.), в остроге — четверо ворот и шесть башен, то дров на их отопление требовалось большое количество.

Дрова заготавливали преимущественно в зимнее время, что объясняется их доставкой санным путем. После колки их складывали в поленицы в междомовом пространстве. По упомянутой выше записке князя Мещерского можно определить общее количество отапливаемых объектов в городе на 1669 г. примерно в 400, т.е. для отопления необходимо было столько же кубических сажень дров. Цифра может быть несколько великовата, но мы не учитывали расход дров на топку бань, которых, судя по материалам раскопок, в Таре было достаточно много, и на приготовление пищи в теплое время года. В пересчете на современные меры это 3200 м³ дров, или лес в несколько десятков гектаров, который вырубали тарчане ежегодно на дрова.

Таким образом, можно сделать вывод, что жители г. Тары максимально использовали имеющуюся в городе древесину. Все выходящее из прямого употребления дерево находило применение во вспомогательных постройках, при ремонте дорог, шло на отопление домов и т.д. Это необходимо учитывать при дендрохронологических определениях, и я приношу большую благодарность В.С. Мыглану и его коллегам, которые провели соответствующие исследования для русских комплексов Тарского Прииртышья, в том числе Тары [Сидорова и др., 2016]. Полученные данные позволяют связать строительные горизонты разных лет, т.е. разных поколений, и наглядно продемонстрировать и отнести к конкретному времени изменения в деревянной архитектуре, в том числе в технологии обработки дерева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазья: Новые археологические исследования: (Материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург, Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
- Никитин Н.И.* Служилые люди Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
- Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Мыглан В.С.* Определение календарного времени сооружения памятников деревянного зодчества историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» (Омская область) // Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 33–39.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. IV период. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 765 с.
- Строгова Е.А., Татауров С.Ф.* История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы VI регион. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию со дня рождения А.В. Ваганова (г. Тара, 1–2 марта 2012 г.). Омск, 2012. С. 72–77.
- Татауров С.Ф.* Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2004. Т. 8. С. 234–241.
- Татауров С.Ф., Черная М.П.* Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестник ТГУ. История. 2015. № 6 (38). С. 100–107.
- Цветкова Г.Я.* Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 6–45.

ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL SOURCES ON THE USE OF WOOD IN THE CITY OF TARA IN THE 17–18TH CENTURIES

This article is based on materials of archaeological researches of Tara, one of the first Russian cities in Western Siberia. The aim of the work is to show the importance of wood in life of the Siberian city — from construction of dwellings and defensive works to its use as the main fuel for heating of constructions in winter time, for cooking and as the main material for production of instruments of labor and household items. The aim of the research is to show deficit of wood in life of the city of Tara which is exemplified by reusing of wood in case new objects were constructed. It is possible to single out several directions of the reuse: economic constructions, bases under structures, fences, zavalinkas, for repairment of pavements and roads, as firewood. The construction of the Market square is used as an example of reusing wood as it was made of logs which had formed part of the wooden fence of the Tara fortress. The study revealed that the main reasons of the lack of wood were numerous fires, high level of groundwater and a large swamped area in close proximity to the paled part of the city. The service class population was forced to pass their time free from guard constantly repairing defensive constructions and administrative buildings of the city which suffered of fire or decayed because of the soil saturated with water. Many labor costs were accounted for making pavements and sidewalks on city streets, building drainage trenches and maintaining them in normal state. We also found it interesting to determine the number of gathered firewood for the winter period: it turned out that the city consumed more than three thousand cubic meters for these needs, which is a very large number for a small fortified city. In fact, a small forest on the area of several hectares was annually cut down. The conducted research showed a certain dependence of the city on regular deliveries of wood, both as a construction material, and as firewood. This situation was typical of most of the first Russian cities in Western Siberia, so the results of our work can be used even in the archaeological research of their historical centers.

Key words: Western Siberia, history, city, Tara, wood, fire, water, construction.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-028-035

REFERENCES

- Miller G.F., 1999. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia], vol. 1, Moscow: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 630 p.
- Nikitin N.I., 1988. *Sluzhilyie lyudi Zapadnoy Sibiri* [Service class men of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 254 p.
- Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Myiglan V.S., 2016. Opredelenie kalendarnogo vremeni sooruzheniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva istoriko-kulturnogo kompleksa «Starina Sibirskaya» (Omskaya oblast). [Determination of calendar time of construction of wooden monuments of the historical and cultural complex «Starina Sibirskaya» (Omsk region)]. *Arhitektura i stroitelstvo*, no. 1, Moscow: RAASN, p. 33–39.
- Slovtsov P.A., 1886. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. IV period* [Historical review of Siberia. IV period], St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorohodova, 765 p.
- Strogova E.A., Tataurov S.F., 2012. Istoriya odnogo pozhara [The story of one fire]. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye i istoriko-kulturnoe nasledie Tarskogo Priirtyishya: Materialy VI regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Vaganova* (g. Tara, 1–2 marta 2012 g.), Omsk: Amfora, pp. 72–77.
- Tataurov S.F., 2004. Gvozd v Sibiri [The nail in Siberia]. *Etnografo-arheologicheskie komplekisy: Problemy kultury i sotsiuma*, vol. 8, Novosibirsk, pp. 234–241.
- Tataurov S.F., Chemaya M.P., 2015. Ograzhdeniya v bytovom kontekste gorodskoy usadby (po materialam Tomsk i Tary) [Defensive constructions in a household context of a city farm yard (on the materials of Tomsk and Tara)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriya*, no. 6 (38), pp. 100–107.
- Tsvetkova G.Ya., 1994. Gorod na reke Arkarke [A city on the Arkarka River]. *Tarskaya mozaika*, Omsk: Omskoe knizhnoe izdatelstvo, pp. 6–45.
- Vizgalov G.P., Parhimovich S.G., 2008. *Mangazeya: Novyie arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 godov)* [Mangazeya: New archaeological researches (materials of 2001–2004 years), Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 296 p.

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красновардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОФОРМЛЕНИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА

Анализируются различные аспекты организации пространства в виде сакрально отмеченных его точек — священных мест. Именно в этих точках: пещерах, гротах, под навесами, на вершинах гор, скал, холмов, шиханах, каменистых мысах и т.п. — и располагались древние святилища. В каждом сакральном пространстве в зависимости от его размеров мог быть один или несколько сакральных центров. Самым ранним объектом сакрализованного пространства являлась пещера. В палеолите пещерные святилища представлены двумя основными типами: пещерами с рисунками и пещерами, в которых центральной частью культового комплекса являлись демонстрационные комплексы в виде выставленных черепов животных. Также в каменном веке у населения Урала и Сибири зарождается почитание гор, скал, шиханов, холмов, высоких мысов. Часто маркерами границы сакрального пространства являлись погребения и клады. Иногда выделяющиеся элементы ландшафта — скалы — оформлялись нанесением на них рисованных изображений. В сакральную практику местного населения включались и отдельные водные объекты — озера и болота. Это доказывается находками на дне озер и торфяников древних кладов, предметов бронзового и костяного вооружения, целых сосудов, а также большого числа костей и тел человека. Сакральное пространство святилищ или поселений иногда освящалось охрой или россыпью кальцинированных человеческих костей. Исследование древних святилищ показывает, что именно на границе сакрального пространства можно ожидать самых неожиданных, неординарных и информативных находок.

Ключевые слова: Урал, сакральное пространство, пещеры, горы, культовые маркеры, символическая граница.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-036-045

С глубокой древности человек жил и развивался в природном окружении. Поскольку основным способом осмысления мира в древности являлся миф, уже в верхнем палеолите, осваивая новые пространства, человек создавал и пространство мифологическое. Освоенное пространство сразу же сакрализовалось и приобретало определенную структуру. Взаимодействуя с окружающей его природой, первобытный человек пытался отобразить природное окружение в виде определенной суммы представлений о нем. В результате такого отображения создавалась мифопоэтическая модель мира. Назначение модели мира — выявлять и описывать космологизированный образ жизни, а также основные параметры вселенной. В данном случае нас интересуют пространственные параметры, т.е. организация пространства в виде сакрально отмеченных его точек — священных мест.

Осваивая новое пространство, человек прежде всего устанавливал новые границы, отделяющие освоенный мир от чужого, неосвоенного. В мифопоэтической традиции эта задача решалась путем обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства [Байбури, 1989, с. 82–86]. Именно в этих сакрально отмеченных точках и располагались различные типы культовых памятников.

Культовые памятники Урала отличаются большим разнообразием. К ним относятся святилища в пещерах, на вершинах гор, скалах и шиханах. Особо следует выделить скалы с писаницами (наскальными изображениями) и жертвенными остатками под ними. Данные культовые памятники входят в категорию археологических памятников. Они стоят в одном ряду с поселениями, стоянками, мастерскими, могильниками и т.д. Кроме них существовали и культовые объекты в виде культовых «амбарчиков», культовых площадок, священных озер. Известны также культовые комплексы и даже культовые артефакты (например, идолы), которые могут быть

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

на любом археологическом памятнике. Каждый культовый памятник, объект, артефакт обладает сакральным пространством. Сакральное пространство — это понятие совсем другого плана. Оно практически неосознано, его границы за редким исключением трудноуловимы. Тем не менее любое сакральное пространство всегда имеет определенные границы. Границы бывают естественными и искусственными. Естественные границы имеет сакральное пространство в пещерах, на вершинах возвышенностей и в акваториях озер. В тех случаях, когда сакральное пространство не ограничено природными (естественными) рамками, границы его определить значительно сложнее.

Возможно, сакральное пространство следует поставить в один ряд с охотничьей территорией, зоной хозяйственного освоения и т.п.

В каждом сакральном пространстве в зависимости от его размеров мог быть один или несколько сакральных центров. Например, в столбовой ямке под скалой Камня Дыроватого мог находиться идол. На Островке в болоте в центре находилось сооружение из трех поставленных на ребро плит с очагом между плитами. На Шайтанском шихане сакральным центром была 4-метровая гранитная плита с вышлифованными чашевидными углублениями — своеобразный жертвенник. На Острове Веры таких центров могло быть несколько — жертвенная плита, менгиры [Григорьев, Меньшенин, 2004, с. 209–213]. Определить специфику сакрального пространства, наличие одного или нескольких центров, функциональное назначение различных его участков, а также местонахождение ограничивающих его культовых маркеров можно только при полном (или почти полном) его изучении раскопками. К сожалению, такие всесторонние и полноценные исследования культовых памятников проводятся очень редко.

В некоторых случаях фиксируется освящение сакрального пространства, например, охрой разных оттенков (Чепкуль-21) [Усачева, 2009, с. 106–108]. На трех шиханах Шайтанского озера (Шайтанском, Среднем и Южном) сакральное пространство было отмечено россыпью кальцинированных человеческих костей мужчины, женщины и ребенка (ранний железный век) [Сериков, 2013, с. 128, 146, 151–152].

На территории Урала известны культовые памятники всех эпох от позднего палеолита до средневековья. Самым ранним объектом сакрализованного пространства являлась пещера (грот, навес). Современные материалы показывают, что освоение уральских пещер относится к периоду 34–33 тыс. лет назад. С появлением на Урале постоянного населения (19–12 тыс. лет назад) пещеры становятся центрами ритуально-символической деятельности палеолитического человека. Особенно это характерно для пещер, функционировавших 14–12 тыс. лет назад.

К настоящему времени пещерные святилища эпохи палеолита представлены двумя основными типами: пещерами с росписями (Капова, Игнatieвская, 2-я Серпиевская — Южный Урал) и пещерами, в которых центральной частью культового комплекса являлись демонстрационные комплексы в виде выставленных черепов животных (медведя, пещерного льва, лошади). Такие демонстрационные комплексы выявлены в пещерах Заповедная, Сикияз-Тамак I (Южный Урал), Кумышанская, Тайн, Малютка (Средний Урал) [Сериков, 2007b, с. 7–17].

Следует подчеркнуть, что даже внутри двух типов святилищ оформление сакрального пространства сильно различается. А это свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности ритуалов и обрядов, проводившихся в святилищах. Многогранность и разнообразие ритуальной практики палеолитического населения Урала подтверждают и менее выразительные культовые комплексы, выявленные в целом ряде пещер (Медвежья и Уньинская на Северном Урале, Котел, Безымянный, Усть-Койвинская на Среднем Урале).

Очень интересна точка зрения Т.Н. Дмитриевой, которая считает, что в эпоху палеолита пещера должна была оказывать на людей огромное эмоциональное воздействие. Даже современный человек при всех своих знаниях испытывает особые чувства при посещении пещер. Из этого Т.Н. Дмитриева делает предположение, что первичным было посещение пещеры как места чрезвычайно священного. Рисунки же в пещере — вторичны, они только оформляли священное место. Доказательством этой гипотезы могли бы служить более ранние по сравнению с возрастом рисунков даты следов посещений пещеры, а также находки культового характера в пещерах без рисунков [Дмитриева, 1997, с. 60].

Каждая пещера ограничена своими размерами. Вход в пещеру — наиболее уязвимое место в сакральном пространстве, поэтому он блокировался различными сакральными ценностями. Нередко такими культовыми маркерами являлись погребения. Погребения различных эпох обнаружены в целом ряде пещер и гротов Южного и Среднего Урала: Бурановская пещера, Бур-

мантовский грот, грот в Камне Дождевом, грот Жилище Сокола, грот Каменное Кольцо, Кульметовский грот, Кумышанская пещера, навес Старичный Гребень, Усть-Катавская II пещера [Сериков, 2005, с. 329–332]. Сюда же можно добавить захоронение двух человеческих черепов позднего бронзового века в Купольном зале Каповой пещеры [Котов, 2016, с. 43].

Но когда сакральных комплексов нет, определить характер использования пещер сложно из-за преобладания традиционного взгляда на пещеры как на убежища и кратковременные стоянки. Проблема состоит в том, что культовый характер комплексов определяется по наличию в них прежде всего изделий неутилитарного назначения — произведений искусства и украшений. Но мы часто забываем, что «любую вещь можно использовать и как собственно вещь и как знак, символ» [Байбурин, 1983, с. 8]. Превращение вещи в знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Однако предметов неутилитарного характера и на явно культовых памятниках и объектах очень немного. И сакральность комплексов отражалась в обычных изделиях производственно-бытового назначения. Именно поэтому вопрос о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов приобретает особую актуальность [Сериков, 2008, с. 302–306].

Когда мы находим скребки или пряслица на вершинах гор, где люди определенно не жили, мы не считаем, что они там обрабатывали шкуры и занимались ткачеством. Нет. Скребки являлись кресальными кремнями и были знаками огня. А пряслица в контексте святилища воспринимались как солярные знаки.

Раскопки в Каповой пещере под палеолитическими рисунками в зале Знаков, в 200 м от входа, выявили около 240 находок. Поскольку они обнаружены непосредственно под рисунками, да еще в 200 м от входа на среднем ярусе пещеры, сомневаться в их сакральном предназначении не приходится. Но как раз в данном случае мы и встречаемся с первым парадоксом. Если найденные под рисунками бусины, подвески, костяные изделия, кусочки охры и глиняная жировая лампа не вызывают сомнений в их культовом назначении, то присутствие в этом комплексе 196 изделий из камня, значительную часть которых составляют невзрачные мелкие отщепы (53 экз.) и чешуйки (67 экз.), не может не вызывать удивления. К тому же трасологический анализ комплекса показал, что большая часть сколов использовалась в работе [Щелинский, 2016, с. 30–37]. Вот здесь и возникает вопрос: а каково, собственно, сакральное назначение обычных отщепов и чешуек в древнем ритуале? Если бы этот комплекс был обнаружен не в глубине пещеры под рисунками, а у ее входа, любой исследователь определил бы его как свидетельство проживания в пещере. Но, тем не менее, этот комплекс является культовым [Сериков, 2007а, с. 128–132].

Естественные границы имеет и сакральное пространство на вершинах гор скал, холмов, шиханов, каменистых мысах, островах. Многие исследователи культовых памятников отмечают, что с глубоких времен возвышенные места обладали сакральным наполнением. Именно поэтому горы часто являлись местом поклонения местных жителей. Почитание гор, скал, шиханов, холмов, высоких мысов и т.п. у населения Урала и Сибири зарождается в каменном веке и сохраняется вплоть до XX в., о чем свидетельствуют многочисленные исследования этнографов и археологов [Малахов, 1908, с. 13; Кызласов, 1988, с. 144–154; Тиваненко, 1989, с. 16, 167; Викторова, 2004, с. 174–191; Сериков, 2013, с. 122–160]. При отсутствии возвышенных мест святилища устраивались на возвышающихся над окружающей местностью городищах.

Все культовые памятники на вершинах гор и скал вытянулись цепочкой вдоль восточного склона Среднего Урала с юга на север. Основная их часть расположена в полосе предгорий. Условно можно выделить четыре района их расположения. Крайними южными являются памятники, расположенные в районе г. Полевского (горы Азов, Думная, Караульная). Немного севернее находится Екатеринбургская группа памятников (Шабровские и Шарташские каменные палатки, горы Матаиха, Петрогром, Чертово городище, мыс Еловый и др.). Довольно близко к ним примыкает группа памятников, расположенных в верховьях р. Нейвы (Нейвинская) (Вороний Камень, скалы Три Сестры, горы Скворцовская, Лубная). Крайняя северная группа памятников сконцентрирована вокруг г. Нижнего Тагила (Голый Камень, горы Деляночная, Елевая, Лисья, Медведь-Камень, горы Пихтовая, Синяя и др.) [Мищенко, 2001]. Исследования последних лет привели к открытию святилищ на вершинах гор и на территории Южного Урала (горы Чека, Лысая и др.) [Дюрягин, 2009].

Интересно отметить, что святилища располагались далеко не на каждой горе. Причины выбора той или иной вершины горы или скалы под святилище еще предстоит определить. Но нет сомнения, что этот выбор основывался на особенностях топографии гор и скал. Например, с вер-

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

шины г. Азов открывается замечательный вид на цепочку гор, на которых зафиксированы следы выплавки металла. По всей видимости, предпочтению отдавалось тем горам, которые по природным особенностям можно считать семантической доминантой окружающего ландшафта. Такой принцип выбора зафиксирован А.И. Готлибом при анализе феномена сибирских «све» — крепостных культовых сооружений на вершинах гор. Интересен и его взгляд на семантику подобных памятников. По его мнению, они отображали процесс структурированного ритуального восхождения, которое символизировало овладение пространством [Готлиб, 2004, с. 92–95].

Обычно естественным центром сакрализованного пространства на вершинах гор являлось выступающее над вершиной скальное образование, которое на Урале называют шиханом. Границы сакрального пространства совпадают с границами шихана. Тем не менее на этих естественных границах могут присутствовать культовые маркеры, которые обнаруживаются только при полном исследовании сакрального пространства памятника (что бывает крайне редко) или благодаря какой-то случайности.

При исследовании шихана на г. Голый Камень (а он исследован полностью) у его подножья с северо-восточной стороны были найдены пять стоящих рядом средневековых сосудов петрогромской культуры, а с противоположной стороны — юго-западной — еще один. На Шайтанском шихане Шайтанского озера граница энеолитического времени была обозначена захоронением человеческого черепа у его подножья. А сакральную границу иткульской культуры отмечали изделия металлопластики, с одной стороны (южной) шихана также у подножья был найден медный идол, а с другой (северной) — круглая медная бляха — солярный знак. Граница сакрального пространства на Южном шихане маркировалась с одной стороны медным птицевидным идолом, а с другой — таким же солярным знаком, но другого типа — это был крест, вписанный в круг. Центральными объектами Островка в болоте являлись своеобразный алтарь из вертикально поставленных плит и круг из каменных валунов. Обход острова по периметру неожиданно привел к открытию культового маркера. На самой границе с болотом упала береза, а под ее корнями был обнаружен развал сосуда без орнамента.

Возможно, такими же маркерами границы сакрального пространства являлись погребения и клады. Погребение на вершине горы на Урале известно только одно — на г. Шаманихе. Особенности его залегания автору неизвестны, поэтому о нем можно говорить только в предположительном плане.

То же можно сказать о кладах. Все клады на вершинах гор связаны с захоронением медных фигурок. К сожалению, все клады найдены местными жителями при случайных обстоятельствах, поэтому информация о них всегда неполная. Самый богатый и интересный клад обнаружен на г. Азов. Он находился под перевернутым камнем у края скалистого обрыва. В кладе было 40 медных (или бронзовых) изделий — наконечник копья, зеркало, фигурные бляхи, а также около 30 фигурок, изображающих всадника, антропоморфных и птицевидных идолов. На г. Малой завернутый в кожу и бересту клад был обнаружен под валуном. В состав клада входили два медных идола, семь наконечников копий, различные изделия из кремня, мрамора и других пород камня, фрагменты керамических сосудов. Еще один клад был найден в расселине Адуйского камня. От него сохранились медные фигурки в виде антропоморфного и птицевидного идолов и обломок каменной булавы. Интересный клад происходит с вершины г. Караульной. Он содержал несколько десятков медных птицевидных идолов, круглую бляху и наконечники стрел. Круглая бляшка и семь медных птицевидных изображений найдены в гроте Сухореченском, расположенном на вершине горы. Кроме кладов на вершинах гор нередко находили отдельные антропоморфные и птицевидные фигурки [Викторова, 2004b, с. 159–162], семантическое назначение которых, видимо, идентично кладам.

Своеобразным типом скальных святилищ являются «писанные скалы». Все уральские писаницы расположены на береговых скалах рек, иногда озер. Территория их распространения охватывает Северный, Средний и Южный Урал на протяжении около 800 км. Крайние северные писаницы находятся на реках Колва и Вишера, крайние южные — на р. Белой. Большая часть писаниц сосредоточена в горно-лесной зоне на восточном склоне Среднего Урала на реках Тагил, Нейва, Реж, Исеть и на западном склоне Южного Урала на реках Ай и Юрюзань. На остальных реках и озерах писаницы встречаются единично. В настоящее время известно около 70 пунктов с древними рисунками [Чернецов, 1971].

Скалы с рисованными изображениями имеют разную высоту (от 6 до 80 м) и протяженность (от 10–15 до 200 м). Почти все рисунки нанесены на скальных плоскостях, обращенных к воде.

Они всегда выполнялись на вертикальных или с небольшим наклоном плоскостях. Большая часть рисунков хорошо просматривается от подножья скал. Все уральские писаницы нарисованы различными оттенками красного цвета. В последние годы удалось обнаружить единичные изображения, выполненные шлифовкой (р. Исеть) и гравировкой (р. Реж).

Под некоторыми писаницами обнаружены жертвенные площадки. К сожалению, раскопки проводились только в единичных случаях и очень фрагментарно. Однако даже небольшие раскопки дали возможность увидеть святилища, которые представляют собой совокупность скал с наскальными изображениями и жертвенных мест у подножья этих скал или на их вершинах.

В плане границ сакрального пространства интересно рассмотреть святилище с наскальными изображениями на оз. Большие Аллаки (Челябинская обл.). Группа скальных останцов высотой до 8 м располагается на берегу озера. На двух скалах нанесены различные изображения (в том числе антропоморфные существа с раздвоенной головой). Раскопки В.Я. Толмачева и В.Т. Петрина дали несколько сотен находок, почти половина которых представлена наконечниками стрел [Чернецов, 1971, с. 44–47; Петрин, 1986, с. 121–123]. С напольной стороны скал (южной и восточной) были обнаружены медное копье, медный птицевидный идол и захоронение двух человеческих черепов. По всей видимости, эти находки и являлись маркерами сакрального пространства. Но раскопки в лучшем случае охватывают площадь непосредственно под рисунками. Копать в десятках метров от скал с рисунками никому из археологов в голову не приходило. Поэтому остается надеяться на счастливую случайность.

На других территориях, где раскопки под скалами с рисунками проводились значительно шире, чем на Урале, результаты более существенны. В ряде случаев под писаницами обнаружены погребения: в Читинской обл. (Копчил, Усть-Цорон, Малый Улистай, Нортуй II), Забайкалье (Поворот п. III, Шаболинская), Якутии (Воробьевы писаницы). Также у скал с рисунками находят человеческие кости, которые могли являться культовыми маркерами. Такие находки неоднократно фиксировались в Забайкалье, Якутии, Приамурье [Ефремова, 2009, с. 132–134].

К нижнему миру у сибирского населения также относился мир воды. Вода считалась противоположностью структурированному миру людей. Именно поэтому вода соединяется с образом смерти как формой перехода из мира живых в мир мертвых. В данном случае символической границей между мирами являлась пограничная полоса между водой и сушей.

Многолетние (15 лет) исследования берегов Шайтанского озера не зафиксировали на окружающих его 20 памятниках ни одного жилищного комплекса, тогда как на 15 из них выявлены следы ритуальных действий. Это позволило предположить, что Шайтанское озеро в древности являлось священным [Сериков, 2013].

В этнографии многих народов озера воспринимались как места локализации водной стихии, хаотических сил нижнего мира. «Хозяин» или «Дух озера» символизировал одного из представителей хтонических существ, через которого поддерживались взаимосвязи между миром людей и силами нижнего мира. У хантов Приобья священными местами становились разнообразные водные элементы: реки, ручьи, заводи, водовороты, омуты, места слияния рек, перекаты, повороты. Но наиболее крупными и почитаемыми водными объектами, которые включались в сакральную практику местного населения, были озера и болота [Балалаева, с. 144–145]. Подобные святые озера существовали и у ненцев [Малолетко, 1985, с. 85–86]. Почитаемые священные озера зафиксированы этнографами на территории Татарстана и Кировской обл. [Шутова и др., 2009, с. 30–34].

Если акватория озер являлась сакральным пространством, то вполне объяснимыми становятся находки на дне озер (и торфяников) кладов бронзовых изделий, бронзового вооружения, целых сосудов, а также большого числа костей и тел человека [Сериков, 2015, с. 440–446].

В Нидамском болоте (Дания) было найдено около 100 целых железных мечей, до 500 копий, 30 топоров, 80 ножей, шлемы, украшения и т.п. Там же была обнаружена большая лодка, нагруженная мечами, копьями, топорами, ножами, украшениями и посудой [Леббок, 1876, с. 6–7].

В западно-европейских торфяниках, по данным М.Б. Медниковой, обнаружено около 1800 тел людей. Часть из них не имели головы, некоторым нанесены смертельные раны, некоторые удушены. Вполне вероятно, что данные находки представляют собой особые ритуальные жертвы. Думается, что и на уральских торфяниках не все человеческие кости следует интерпретировать как останки утопленников. По-видимому, в древности существовали и специальные ритуалы, связанные с жертвоприношением людей в воду [Медникова, 2001, с. 162].

Одной из известных подобных находок является тело человека, обнаруженное в торфянике Линдау-Мосс под Манчестером. Найденного человека называли Пит Марш. Он был убит сильны-

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

ми ударами в свод черепа. Затем в ритуальных целях из него выпустили всю кровь. Тело Пита Марша пролежало в болоте около 2500 лет [Хакенс, 1985, с. 17].

Возможно, жертвоприношением являлся и «клад» из 11 костяных мезолитических наконечников, найденный М.Г. Жилиным в болоте перед Второй Береговой стоянкой Горбуновского торфяника [Жилин, Савченко, 2010, с. 36].

На Кокшаровском торфянике М.Г. Жилиным в 8 м от берега найден жезл из рога с наметенной головой лося, который, возможно, намеренно был помещен в воду озера.

На дне оз. Увильды (окрестности г. Карабаша Челябинской обл.) челябинскими аквалангистами на расстоянии 30 м от берега на глубине 22–23 м в донном иле был найден целый глиняный сосуд с неолитическим орнаментом. Внутри его находились сосуд поменьше и деревянный ковш, выполненный в виде водоплавающей птицы [Юрин, 2006, с. 62–64].

На Шигирском торфянике (Новый Шигирский прииск) тоже известен ряд находок неутилитарного назначения. Это каменные пряслица, целые глиняные сосуды, деревянная ложка с вырезанной на рукояти головкой лося. Также на дне озера (в восточной части под слоем черного торфа на глубине 1,8 м) в 1907 г. обнаружили три человеческих черепа с нижними челюстями. Рядом с одним из черепов лежал костяной кинжал. Эти находки были настолько необычными, что уральские археологи допускают, что часть изделий была оставлена в водной акватории озера преднамеренно [Чаиркина и др., 2001, с. 126–127].

На Урале известны искусственно созданные культовые холмы. Среди них два холма — Кокшаровский и Усть-Вагильский достаточно широко исследованы раскопками [Шорин, 2010; Панина, 2008].

В центре Кокшаровского холма на глубине около 4 м был найден фигурный молот в виде головы бобра. По всей видимости, он маркировал центр сакрального пространства. К сожалению, раскопки 1960 г. проводились при помощи экскаватора, и что находилось рядом с наверх, осталось неизвестным. По периметру холм был окружен двумя рвами, которые вполне обоснованно можно считать маркерами сакрального пространства.

Усть-Вагильский холм исследован в меньшей степени. Но и здесь имеются факты маркировки сакрального пространства. Одним из таких сакральных маркеров можно считать энеолитическое погребение, найденное у подошвы холма с юго-западной его стороны.

Аналогичными, но более сложными способами маркировалось сакральное пространство энеолитических святилищ лесостепного Зауралья — Савин-1 и Слободчики-1.

Савин-1 расположен в самой высокой части песчаной гривы. Сакральное пространство представлено двумя соединенными кольцевыми структурами, окруженными неглубокими рвами. На дне рвов были установлены свыше сотни столбов, которые также являлись маркерами сакрального пространства. В одном рву было найдено ярусное погребение из трех человек. Слободчики-1 также были обрамлены кольцевым рвом, в котором находилось погребение старшей женщины [Потемкина, 2007, с. 199–207].

Культовая площадка бронзового века на Шайтанском озере маркировалась ритуальнымикладами бронзовых изделий и погребениями, а ее границы отмечались вертикально закопанными бронзовыми предметами [Сериков, 2013, с. 171–176].

Абсолютно ясно, что в рамках сакрального пространства разные его участки имели различное сакральное наполнение и функциональное назначение, что фиксируется различными культовыми объектами и артефактами. Но в данной работе эти вопросы не рассматриваются.

Следует отметить некоторые аспекты сакрального пространства, обычно не являющиеся объектами исследования. Это табуирование сакрального пространства и его десакрализация.

На площадке под скалой Камня Дыроватого раскопками было получено свыше 4 тыс. наконечников стрел. Строго под пещерой в центральной части площадки у самой скалы зафиксирована единственная на площадке столбовая яма. Можно предположить, что в ней находился деревянный идол или столб, поскольку все наконечники остриями были направлены к ямке. Никаких следов жертвенных костров и других находок кроме наконечников стрел и костей животных на площадке не обнаружено. Следовательно, люди на площадке не бывали. Иначе остались бы следы посещения в виде керамики, каменных и костяных изделий. Жертвы (стрелы и кости животных) приносились только издалека путем выстрела из лука. Это позволяет предполагать, что посещение площадки под пещерой было запрещено, т.е. данное сакральное пространство было табуировано.

Многие древние святилища существовали в различные археологические эпохи. Часто периоды функционирования разделяли большие перерывы. Это означает, что в отдельные промежутки времени происходила десакрализация пространства: либо в результате появления нового (пришлого) населения, либо из-за изменений образа жизни местного населения. К сожалению, этими аспектами сакрализованного пространства практически никто не занимается.

Анализируя хронологические аспекты сакрализации пространства, можно отметить некоторые наблюдения. В эпоху палеолита сакрализованное пространство связано только с пещерными полостями. Единственный на настоящий момент культовый памятник эпохи палеолита под открытым небом — это хрустальный комплекс у основания шихана на оз. Большие Аллаки. Святилища эпохи мезолита на Урале представлены незначительными комплексами находок в пещерах и на шиханах. Единственным крупным мезолитическим святилищем является пещера в Камне Дыроватом. Незначительность культовых мезолитических комплексов можно попытаться объяснить двумя причинами: или они свидетельствуют о большой подвижности местного населения, т.е. представляют собой так называемые путевые святилища, или же мы еще не научились выделять культовые памятники мезолита из-за отсутствия на них предметов неупотребительного характера. В качестве примеров можно назвать мезолитические комплексы на Шайтанском озере I [Сериков, 2012] и памятник Вершина I в Палкино (окрестности г. Екатеринбург) [Викторова, Сериков, 2015].

Видимо, только с эпохи неолита наблюдается усложнение конструкции сакрального пространства и его более четкое структурирование. Что и просматривается на культовых памятниках этой и последующих эпох. Следует подчеркнуть, что культовые памятники разных археологических эпох исследованы на Урале неравноценно. Слабо изучены культовые памятники мезолита, неолита и бронзы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–87.
- Балалаева О.Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999.
- Викторова В.Д.* Жертвенные места на горах и холмах // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004а. С. 174–191.
- Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004б. С. 169–171.
- Викторова В.Д., Сериков Ю.Б.* Микролитические комплексы на острове Каменные палатки (Среднее Зауралье) // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т. I: Материалы V Твер. археол. конф. и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 325–342.
- Готлиб А.И.* Феномен сибирских «све» // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 88–97.
- Григорьев С.А., Меньшенин Н.М.* Мегалитические сооружения острова Веры на озере Тургояк в Южном Зауралье // Известия Челябин. науч. центра. 2004. Вып. 1 (22). С. 209–213.
- Дмитриева Т.Н.* Пещера как целостность (к проблеме интерпретации палеолитической пещерной живописи) // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа: ПРИНТ, 1997. С. 58–61.
- Дюрягин В.С.* Святилище «Лысая гора» раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской обл. // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 46–71
- Ефремова Н.С.* Антропологические материалы на святилище Кучерла-1 (Куйлю): Проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. С. 132–137.
- Жилин М.Г., Савченко С.Н.* Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: Опыт и перспективы комплексного исследования // Тагил. вестник: Историко-культурное наследие родного края: Изучение, сохранение и популяризация: Ист.-краевед. альманах. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2010. Вып. 6. С. 30–42.
- Котов В.Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. Уфа, 2016. С. 41–63.
- Кызласов И.Л.* Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.: Наука, 1988. С. 145–166.
- Леббок Дж.* Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. М., 1876. 500 с.

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

- Малахов М.В.* Доисторические времена на Уральских горах // ЗУОЛЕ. Т. XXVII. 1908. С. 3–50.
- Малолетко А.М.* Культурная лексика в гидронимике Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск, 1985. С. 85–87.
- Медникова М.Б.* Трепанация у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 314 с.
- Мищенко О.П.* География, топография и хронология культовых мест на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. Вып. I. С. 73–77.
- Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Петрин В.Т.* Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 99–132.
- Потемкина Т.М.* Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 197–223.
- Сериков Ю.Б.* Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2005. С. 329–332.
- Сериков Ю.Б.* Об использовании уральских пещер в древности: (К вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень, 2007а. Вып. 3. С. 128–132.
- Сериков Ю.Б.* Становление ритуально-культурной практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2007b. Вып. 1. С. 7–24.
- Сериков Ю.Б.* Сакральное в обыденном (по материалам культовых памятников Среднего Зауралья) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 302–306.
- Сериков Ю.Б.* Мезолитические комплексы Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М: ИА РАН., 2012. С. 383–400.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро — священное озеро древности. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном использовании акватории озер и рек // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т. I: Материалы V Твер. археол. конф. и 16-го и 17-го заседаний науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 440–446.
- Тиваненко А.В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.
- Усачева И.В.* Чепкуль 21А — ритуальный комплекс? // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. Тюмень, 2009. С. 106–108.
- Хакенс Т.* Тайны, раскрытые наукой // Курьер ЮНЕСКО. № 8. 1985. С. 17.
- Чауркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С.* Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 196 с.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В4-12(2). 118 с.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: Маркеры сакрального пространства // УИВ. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
- Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2009. 244 с.
- Щелинский В.Е.* Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): Настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы междунар. науч. симп. Уфа, 2016. С. 4–40.
- Юрин В.И.* Неолитическое местонахождение Красный Камень. Челябинск // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. С. 62–64.

Yu.B. Serikov

Russian State Professional Pedagogical University (Nizhny Tagil Branch)
Krasnogvardeyskaya st., 57. Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

SOME ASPECTS OF SACRAL SPACE MARKERING IN THE URAL TERRITORY

The article analyses different aspects of organization of space as its sacred points — sacred places. Ancient sanctuaries were situated exactly in those marked points: caves, grottos, awnings, mountain peaks, rocks, hills, bald mountains, stone capes, etc. There could be one or several sacral centers in each sacred space depending on its dimensions. A cave was the earliest object of sacred place. There were two basic types of cave sanctuaries in the Paleolithic era: caves with painting and caves where demonstration complexes in form of animal skulls formed the central part of the cult complex. Veneration of mountains, rocks, hills, bald mountains, tall capes origi-

nated in the Stone Age among the population of the Urals and Siberia as well. Interments and hoards were often used as markers of the sacral space border. Sometimes special elements of the landscape — rocks — were marked with images. Separate water objects — lakes and bogs — were also included into the sacral practice of the local population. This is proved by such findings as ancient hoards, bronze and bone weapons, whole vessels and also large number of human bones and bodies at the bottom of lakes and peat lands. A sacral space of sanctuaries or settlements was sometimes sanctified with ocher or scattering of calcified human bones. The research of ancient sanctuaries shows that we may expect the most unordinary, unexpected and informative findings exactly at the border of a sacral space.

Key words: the Urals, sacral space, caves, mountains, cult markers, symbolic border.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-036-045

REFERENCES

- Baiburin A.K., 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian* [A dwelling in rites and ideas of the Eastern Slavs], Leningrad: Nauka, 188 p.
- Baiburin A.K., 1989. Semioticheskie aspekty funkcionirovaniia veshchei [Semiotic aspects of things]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*, Leningrad: Nauka, pp. 63–87.
- Balalaeva O.E., 1999. Sviashchennye mesta khantov Srednei i Nizhnei Obi [Sacred places of the Khanty of the Middle and Lower Ob River]. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: (Materialy k atlasu)*, Ekaterinburg: Tezis.
- Chairkina N.M., Savchenko S.N., Serikovlu. B., Litviak A.S., 2001. *Arkheologicheskie pamiatniki Shigirskogo torfianika* [Archeological sites of Shigirskiy peat-bog], Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 196 p.
- Chernetsov V.N., 1971. Naskal'nye izobrazheniia Urala [Rock paintings of the Urals]. *SAI*, V4-12 (2), 118 p.
- Gotlib A.I., 2004. Fenomen sibirskikh «sve» [Phenomenon of Siberian «sve»]. *Evraziia: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*, 3: Paradoksy arkheologii. Novosibirsk: Izd-vo NGU, pp. 88–97.
- Grigor'ev S.A., Men'shenin N.M., 2004. Megaliticheskie sooruzheniia ostrova Very na ozere Turgoiak v luzhnom Zaural'e [Megalithic structures of the Vera island on the Turoyak lake in the Southern Transurals]. *Izvestiia Cheliabinskogo nauchnogo tsentra*, 1 (22), pp. 209–213.
- Dmitrieva T.N., 1997. Peshchera kak tselostnost': (K probleme interpretatsii paleoliticheskoi peshchernoii zhivopisi) [A cave as integrity (on the problem of interpretation of Paleolithic cave paintings)]. *Peshchernyi paleolit Urala: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Ufa, pp. 58–61.
- Diuriagin V.S., 2009. Sviatilishche «Lysaia gora» rannego zheleznoogo veka na oz. Bol'shoi Terenkul' v Chebarkul'skom raione Cheliabinskoi obl. [The sanctuary of «Lisaya gora» of the Early Iron Age on the Bolshoy Terenkul Lake in Chebarkul area of Cheljabinsk region]. *Problemy arkheologicheskogo izucheniia luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: ABRIS, pp. 46–71.
- Efremova N.S., 2009. Antropologicheskie materialy na sviatilishche Kucherla-1 (Kujilu): Problemy interpretatsii [Anthropological materials at the sanctuary of Kucherla-1 (Kujilu): Problems of interpretation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seria Istoriia, filologiya, vol. 8, 5: Arkheologiya i etnografiia, pp. 132–137.
- Iurin V.I., 2006. Neoliticheskoe mestonakhozhdenie Krasnyi Kamen'. Cheliabinsk [The Neolithic site of Krasnij Kamen. Cheljabinsk]. *Piatye Bersovskie chteniia*, Ekaterinburg: KVADRAT, pp. 62–64.
- Khakens T., 1985. Tainy, raskrytye naukoj [Secrets revealed by science]. *Kur'er UNESCO*, no. 8, p. 17.
- Kotov V.G., 2016. Peshchernoe sviatilishche Shul'gan-Tash (Kapovaia): Struktura, sledy ritualov, semantika izobrazhenii [The cave sanctuary of Shulgan-Tash (Kapova): structure, traces of rituals, semantics of images]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa, pp. 4–40.
- Kyzlasov I.L., 1988. Rannie formy osoznannogo vozdeistviia cheloveka na prirodnye sily [Early forms of human conscious impact on natural forces]. *Arkheologicheskie istochniki ob obshchestvennykh otnosheniakh epokhi srednevekov'ia*, Moscow: Nauka, pp. 145–166.
- Lubbock J., 1876. *Doistoricheskie vremena ili pervobytnaia epokha chelovechestva, predstavleniia na osnovanii izucheniia ostatkov drevnosti i nravov i obychaev sovremennykh dikarei* [Prehistorical times or human primitive age presented on the base of a study of ancient remnants and manners and customs of modern savages]. Moscow, 500 p.
- Malakhov M.V., 1908. Doistoricheskie vremena na Ural'skikh gorakh [Prehistorical times on the Ural Mountains]. *Zapiski UOLE*, vol. XXVII, pp. 3–50.
- Maloletko A.M., 1985. Kul'tovaia leksika v gidronimike Zapadnoi Sibiri [Cult vocabulary in hydronymics of Western Siberia]. *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym: Tezisy dokladov*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 85–87.
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsiia u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanation among ancient peoples of Eurasia], Moscow: Nauchnyi mir, 314 p.
- Mishchenko O.P., 2001. Geografiia, topografiia i khronologiia kul'tovykh mest na vershinakh gor v Srednem Zaural'e [Geography, topography and chronology of cult places on the tops of mountains in the Middle Transurals]. *Arkheologiya i etnografiia Srednego Priural'ia*, I, Berezniki: Izdatel'skii dom Tipografiia kuptsa Tarasova, pp. 73–77.

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

- Panina S.N., 2008. Arkheologicheskie issledovaniia na Ust'-Vagil'skom kholme (2005–2006 gg.) [Archeological researches on the Ust-Vagil'sky hill (2005–2006 гг.)]. *Voprosy arkheologii Urala*, 25, pp. 137–146.
- Petrin V.T., 1986. Novye naskal'nye izobrazheniia Urala [New rock paintings of the Urals]. *Problemy arkheologii Severnoi i Vostochnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, pp. 99–132.
- Potemkina T.M., 2007. Drevnie sviatilishcha kak istochnik issledovaniia mirovozzrencheskikh traditsii (po materialam Ob'-Irtysht'sia) [Ancient sanctuaries as a source for researches of world outlook traditions (based on materials of the Ob-Irtish interfluve)]. *Mif, obriad i ritual'nyi predmet v drevnosti*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 197–223.
- Serikov Iu.B., 2005. Simvolicheskaiia granitsa mezhdu mirami po dannym arkheologii [A symbolic border between worlds based on archeological data]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-étnograficheskoi konferentsii*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 329–332.
- Serikov Iu.B., 2007. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoi praktiki u paleoliticheskogo naseleniia Urala [Formation of ritual and cultural practice by the Paleolithic population of the Urals]. *Mirovozzrenie naseleniia luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 1, Barnaul: Azbuka, pp. 7–24.
- Serikov Iu.B., 2007a. Ob ispol'zovanii ural'skikh peshcher v drevnosti: (K voprosu o sootnoshenii proizvodstvenno-bytovykh i kul'tovykh kompleksov) [About the use of Ural caves in ancient time (about the issue of correlation between industrial and household and cultic complexes)]. *Ékologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Doklady konferentsii*, 3. Tiumen', pp. 128–132.
- Serikov Iu.B., 2008. Sakral'noe v obydenom (po materialam kul'tovykh pamiatnikov Srednego Zaural'ia) [The sacral in the mundane (based on materials of cult sites of the Middle Transurals)]. *Vremia i kul'tura v arkheologo-étnograficheskikh issledovaniakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Problemy interpretatsii i rekonstruktsii: Materialy Zapadno-Sibirskoi arkheologo-étnograficheskoi konferentsii*, Tomsk, pp. 302–306.
- Serikov Iu.B., 2012. Mezoliticheskie komplekсы Shaitanskogo ozera (Srednee Zaural'e) [Mesolithic complexes of the Shaitanskoje lake (Middle Transurals)]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiiu A.N Sorokina*, Moscow: IA RAN., pp. 383–400.
- Serikov Iu.B., 2013. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti* [Shaitanskoye lake, a sacred lake of the ancient time], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 408 p.
- Serikov Iu.B., 2015. K voprosu o sakral'nom ispol'zovanii akvatorii ozer i rek [About the issue of sacral use of rivers and lakes water areas]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy V Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 16-go i 17-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»*, 10, vol. I, Tver': Triada. pp. 440–446.
- Tivanenko A.V., 1989. *Drevnie sviatilishcha Vostochnoi Sibiri v épokhu kamnia i bronzy* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the Stone and Bronze Ages], Novosibirsk: Nauka, 202 p.
- Shorin A.F., 2010. Sviatilishche Koksharovskii kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva [The sanctuary of Koksharovskiy hill in the Middle Transurals: Markers of sacred space]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (26), pp. 32–42.
- Shutova N.I., Kapitonov V.I., Kirillova L.E., Ostanina T.I., 2009. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Kamsko-Viatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of Kama-Viatka region], Izhevsk: UIIAL UrO RAN, 244 p.
- Shchelinskii V.E., 2016. Paleoliticheskoe sviatilishche v peshchere Shul'gan-Tash/Kapovoi (Bashkortostan): Nastennye risunki i arkheologicheskie svidetel'stva [A Paleolithic sanctuary in the Shulgan-Tash/Kapova cave (Bashkortostan): Cave art and archeological evidence]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa, pp. 4–40.
- Usacheva I.V., 2009. Chepkul' 21A – ritual'nyi kompleks? [Is Chepkul 21A a ritual complex?]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ékologiya: Materialy Vserossiiskoi konferentsii*, Tiumen': IPOS SO RAN, pp. 106–108.
- Viktorova V.D., 2004a. Zhertvennye mesta na gorakh i kholmakh [Sacrificial places on the mountains and hills]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 174–191.
- Viktorova V.D., 2004b. Klady na verшинakh gor [Hoards on the mountain tops]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 169–171.
- Viktorova V.D., Serikov Iu.B., 2015. Mikroliticheskie komplekсы na ostrove Kamennye palatki (Srednee Zaural'e) [Microlithic complexes on the island of Kamennye Palatki (Middle Transurals)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy V Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 16-go i 17-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»*, 10, vol. I, Tver', pp. 325–342.
- Zhilin M.G., Savchenko S.N., 2010. Torfianikovye pamiatniki mezolita i rannego neolita Zaural'ia: Opyt i perspektivy kompleksnogo issledovaniia [Peat sites of the Mesolithic and Early Neolithic in the Transurals: An attempt and perspectives of complex researches]. *Tagil'skii vestnik: Istoriko-kul'turnoe nasledie rodnogo kraia: Izuchenie, sokhranenie i popularizatsiia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh*, 6, Nizhnii Tagil: NTGSPA, pp. 30–42.

АНТРОПОЛОГИЯ

К.Н. Солодовников, М.П. Рыкун

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: solodk@list.ru

Национальный исследовательский Томский государственный университет
просп. Ленина, 36, Томск, 634050
E-mail: m_rykun@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АВТОХТОННОМ КОМПОНЕНТЕ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ: МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВА КАБИНЕТА АНТРОПОЛОГИИ ТОМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА¹

Вводятся в научный оборот палеоантропологические материалы из погребения улитинского типа эпохи бронзы Карасу II и ранее не публиковавшиеся измерения черепов из раскопок 1964 г. могильника афанасьевской культуры Усть-Куюм (Горный Алтай). Остеометрическая характеристика индивидов из погребения улитинского типа свидетельствует об их принадлежности к степному морфотипу, широко распространенному среди популяций эпохи бронзы степей и лесостепей Евразии. По краниометрическим параметрам женский череп из Карасу II проявляет особенности антропологического типа местного населения Алтае-Саянского нагорья с брахикранной формой черепа и некоторыми монголоидными особенностями. Два женских черепа из афанасьевского Усть-Куюмского могильника происходят из погребений с отличающимся от единокультурных археологических комплексов набором украшений. При их европеоидном облике, характерном для пришлого протоевропеоидного населения, один из черепов также характеризуется брахикранией, что рассматривается как влияние местных краниологических комплексов.

Ключевые слова: афанасьевская культура, эпоха энеолита и бронзы, Горный Алтай, палеоантропология, краниометрия, протоевропеоиды, монголоиды.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059

Памяти томских антропологов Н.С. Розова и В.А. Дремова

Введение

Афанасьевская культура, существовавшая в конце IV — первой половине III тыс. до н.э. на обширных пространствах межгорных котловин и горно-степных областей Алтае-Саяно-Хангайского нагорья, представляла собой яркое этнокультурное образование древности [Савинов, 1994; Афанасьевский сборник, 2010; Афанасьевский сборник 2, 2012; Вадецкая и др., 2014]. С ее формированием на территории Сибири появляются развитые навыки производящего хозяйства в виде скотоводства, металлургия меди и новый антропологический тип населения [Грязнов, 1999]. Большинство археологов и антропологов высказывалось мнение о ее миграционном характере и восточно-европейском происхождении, что отражает обширная историография, учтенная до середины 1960-х гг. в работе В.А. Эрлих [1995]. Эта гипотеза, которую и ныне разделяет большинство исследователей афанасьевской проблематики, основывается на выводах о сходстве в погребальном обряде, материальной культуре, хозяйственном типе и антропологическом облике афанасьевского населения с восточно-европейскими скотоводческими популяциями, представленными различными культурно-хронологическими группами энеолита — ранней бронзы, в частности, в составе древнейшей общности восточно-европейских степей и лесостепей.

Афанасьевское население характеризовалось в среднем длинной долихокранной высокой мозговой коробкой, широким и невысоким лицом с низкими орбитами. В строении лицевой час-

¹ Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0034, и при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00779).

ти черепов зафиксированы выраженные европеоидные особенности, такие как резкая горизонтальная профилировка, высокая спинка носа в сочетании с очень сильным его выступанием относительно линии общего лицевого профиля [Дебец, 1948; Алексеев, 1961b]. Выраженность европеоидных морфологических особенностей указывает на поздний этап расовой дифференциации и пришлый характер — происхождение из западной части европеоидного ареала [Козинцев, 2010]. В целом появление в Южной Сибири и Центральной Азии афанасьевского населения с присущим ему протоевропеоидным антропологическим обликом связано с масштабными миграциями древнескотоводческого населения с территории Восточной Европы [Алексеев, 1961b; Солодовников, 2003]. При этом среди всех синхронных и предшествующих восточно-европейских групп наибольшее сходство суммарных серий черепов из погребений собственно афанасьевской культуры и близких к ней культурных типов Горного Алтая прослеживается с краниологическими сериями ямной культуры и связанных с ней культурно-хронологических групп ранней и начала средней бронзы степей и лесостепей Волго-Уралья [Хохлов и др., 2016].

На отдельных краниологических находках из погребений Минусинской котловины, интерпретируемых на тот момент как афанасьевские, был обнаружен комплекс признаков, который в настоящее время можно считать местным для населения Алтае-Саянского нагорья [Алексеев, 1961a, b]. Однако вскоре была определена принадлежность таких морфологически отличающихся черепов к отдельной окуневской культуре постафанасьевского времени. Ее выделению способствовала и выявленная В.П. Алексеевым [Там же] антропологическая неоднородность древнего населения через соотнесение индивидуальных краниологических особенностей захороненных с характеристиками погребального обряда и инвентаря [Максименков, 1965; Иванова, 1966]. Местное доафанасьевское население Алтае-Саянского нагорья, представленное преимущественно краниологическими находками нео-энеолитического времени из погребений в пещерах Горного Алтая (Нижнетыткескенская I и Каминная) и могильников Красноярско-Канского района, характеризовалось брахикранной невысокой мозговой коробкой и промежуточными монголоидно-европеоидными характеристиками в строении лицевого отдела. Этот же морфологический комплекс фиксируется на материалах окуневской и каракольской культур постафанасьевского времени. В настоящее время он выделяется в особую южную евразийскую антропологическую формацию местного населения Алтае-Саянского нагорья [Чикишева, 2012].

Постановка проблемы

На некоторых палеоантропологических материалах афанасьевской культуры из Горного Алтая были отмечены морфологические особенности, характеризующиеся как проявление краниологических черт местного населения и свидетельство участия автохтонных групп в формировании населения афанасьевской культуры Горного Алтая. Так, на отдельных черепах из могильника Бертек 33 фиксировались небольшой угол выступления и небольшая высота спинки носа по сравнению с остальными афанасьевскими [Чикишева, 1994, 2000, 2012 и др.]. Это сочетание признаков позволяет говорить о возможном участии в формировании антропологического состава отдельных групп афанасьевского населения автохтонных для центрально-азиатского региона протоморфных комплексов, вероятно также восходящих к южной евразийской антропологической формации [Чикишева, 2010]. Однако, при некотором ослаблении выступления носа и профилированности переноса на афанасьевском морфологическом фоне, эти краниологические находки характеризуются резкой горизонтальной профилировкой лицевого отдела. Данный морфологический комплекс принципиально не отличается по параметрам от остальных афанасьевских материалов, характеризуясь очень большой длиной и высотой резко долихокранной мозговой коробки [Там же, табл. 1], что противоположно краниологическим особенностям автохтонного населения. Внутригрупповой статистический анализ мужских черепов афанасьевской культуры Горного Алтая с включением в него краниологических материалов из предполагаемых предковых групп восточно-европейского населения дает возможность полагать, что вышеперечисленные особенности черепов из Бертека 33 и некоторых других горно-алтайских афанасьевских могильников связаны с исходным краниологическим полиморфизмом восточно-европейского населения, а не с участием местных групп в формировании афанасьевских популяций [Солодовников, 2010].

В обосновании присутствия местного антропологического компонента в составе афанасьевского населения Горного Алтая особая роль отводится краниологическим материалам из могильника Урускин Лог I (ранее в литературе — Каракол, Усть-Канский р-н, раскопки А.П. Пого-

жевой в 1982 г.), насчитывающим два женских и один мужской череп [Чикишева, 2000, 2003, 2010, 2012]. Мнение об антропологическом облике этой группы базируется на измерительных данных одного женского черепа, характеристика двух других индивидов проведена в значительной степени по визуальным впечатлениям о морфологическом сходстве с ним. Женский череп из центральной ямы кургана 1 имеет брахикранную форму, что отличает его от остальных краниологических материалов афанасьевской культуры Горного Алтая и морфологически сближает с черепами доафанасьевского времени из Каминной и Нижнетыткескенской I пещер. Это может рассматриваться в качестве свидетельства участия автохтонного антропологического компонента в формировании афанасьевских популяций [Там же]. Однако в краниологических материалах афанасьевской культуры Горного Алтая были зафиксированы другие брахикранные черепа (мужские из могильников Первый Межелик I и Нижний Тюмечин I на р. Урсул) [Солодовников, 2003]. Как и исследованный Т.А Чикишевой женский череп из могильника Урускин Лог I, при отличающем их от других афанасьевских черепов соотношении продольного и поперечного диаметров они не выделяются по таксономически значимым признакам для европеоидных популяций и групп с монголоидным компонентом. В качестве объяснения брахикрании на отдельных горно-алтайских черепах предполагалось проявление нормальной внутригрупповой изменчивости (три случая в умеренно долихокранной серии при ста наблюдениях) или участие в миграции на восток восточно-европейского населения с такой формой мозговой коробки. В частности, отмечалось, что в древнеямное время степное Предкавказье и Нижнее Поволжье были зоной сплошной брахикрании [Солодовников, 2003, 2005].

Таким образом, существует две основные точки зрения об участии групп автохтонного населения в формировании горно-алтайских популяций ранних этапов бронзового века. Согласно первой, в антропологическом составе афанасьевского населения имеется местный компонент, по разным системам признаков более проявляющийся по краниометрической программе, что лучше соответствует модели взаимодействия пришлого населения с местным. Согласно другой точке зрения, особенности, указываемые в качестве проявления на некоторых черепах местного антропологического влияния, отражают краниологический полиморфизм предковых групп восточно-европейского древнескотоводческого населения.

Материал и методика

В исследовании рассматриваемого вопроса большое значение имеют обнаруженные недавно в коллекциях кабинета антропологии Томского госуниверситета антропологические материалы из могильника Карасу II (Онгудайский р-н Республики Алтай, раскопки В.А. Могильникова в 1983 г.) [Могильников, 1987]. Территориально он входит в круг афанасьевских и близких в культурном отношении памятников бассейна Средней Катуни, тяготея к р. Урсул, из могильников в долине которой происходит существенная часть антропологических материалов афанасьевской культуры Горного Алтая [Солодовников, Рыкун, 2017]. В соответствии с последней схемой культурно-хронологической дифференциации памятников энеолита — бронзы Горного Алтая, могильник Карасу II относится к улитинскому типу эпохи бронзы, хронологически близкому к позднеафанасьевским и каракольским памятникам [Степанова, 2010; Вадецкая и др., 2014]. Также в архиве КА ТГУ обнаружены бланки измерения черепов из Усть-Куюмского могильника афанасьевской культуры Горного Алтая (раскопки Е.М. Берс 1964 г.), в том числе тех, индивидуальные данные которых ранее не были введены в научный оборот. Костные антропологические материалы изучались по стандартным остео- и краниометрическим методикам [Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964] с дополнением высоты поперечного изгиба лба [Гохман, 1961]. Из-за плохой сохранности материала длина определялась только по таблицам, рассчитанным М. Троттер и Г. Глезер [Алексеев, 1966, с. 234–235, 239]. При подсчете веса тела использовались регрессионные формулы [Ruff et al., 1991; McHenry, 1992; Crine et al., 1995] с учетом значений высоты и ширины головки бедренной кости. Статистический анализ проводился с помощью программ STATISTICA 10.0.

Результаты и обсуждение

Карасу II. Курган 1, погребение 2, скелет 1 (череп КА ТГУ № 5682). Женщина 25–30 лет. Костяк представлен окрашенными охрой фрагментами краниума и посткраниального скелета в обломках. Материал плохой сохранности, посткраниум не в полном составе, большая часть костей либо отсутствует, либо повреждена. Наиболее хорошо сохранилась правая плечевая кость, которая характеризуется небольшими продольными размерами, однако обладает доста-

точно хорошо выраженной массивностью (табл. 1). В целом, учитывая невысокие величины линейных размеров и значительные широтных, а также указателей прочности и сечения, можем констатировать, что принадлежавшая женщине плечевая кость была достаточно устойчива к механическому стрессу и способна выдерживать большие физические нагрузки. При сравнении с остеометрическими характеристиками населения афанасьевской культуры Горного Алтая исследуемый скелет женщины из могильника Карасу II по индивидуальным показателям демонстрирует некоторое сходство с материалами из могильников Ело-Баши (огр. 9) и Первый Межелик I (огр. 9). При сравнении со средними значениями сборной серии (Озерное II, Айрыдаш I, Нижний Тюмечин I, Нижний Айры-Таш, Ело-Баши, Первый Межелик I, Сальдяр I) [Тур, Рыкун, 2006, с. 98–99] по многим параметрам, кроме линейных, вполне проявляет сходство с населением афанасьевской культуры Горного Алтая. К сожалению, из длиннотных характеристик нижних конечностей имеется только восстановленное значение наибольшей длины правой бедренной кости (415). Это значение меньше в сравнении с алтайскими афанасьевцами из могильника Курота II (443,451; 441,445) [Медникова, 2010, с. 217]. Длина малой берцовой кости исследуемого женского скелета показывает небольшую величину в масштабе населения евразийских степей эпохи бронзы. При весе 55,14 кг [Ruff et al., 1991] вычисленная длина тела 160 см (по Троттер и Глезер) в соответствии с условной рубрикацией по Мартину попадает в категорию больших величин.

Для получения краниометрической характеристики удалось реставрировать черепную коробку (рис. 1). От лицевого отдела сохранились лишь фрагмент правой верхнечелюстной кости и правая половина нижней челюсти с очень широкой ветвью, очень высокими симфизом и телом. Индивидуальные измерения представлены в табл. 2. Главная морфологическая особенность данной краниологической находки, сразу выделяющая ее на фоне антропологических материалов афанасьевской культуры и связанных с ней типов погребений, — широкая суббрахиальная мозговая коробка сфеноидной формы. Продольный и поперечный диаметры черепа большие, высотный от базиона — средний, высота от порионов малая. Череп массивный, наружный рельеф выражен значительно, особенно — крупные для женского пола сосцевидные отростки. Длина основания черепа малая, а ширина лба, основания черепа и затылка большие. Высота и указатель сагиттального изгиба лба средние. Затылок выступающий и очень резко изогнутый, с сильным развитием наружного бугра, затылочный участок сагиттальной дуги протяженный как абсолютно, так и по отношению к теменному. Сохранившиеся скуловые отростки височных костей позволяют измерить ширину лица, характеризующуюся большой величиной. Большое значение и у верхней ширины лица. По визуальное впечатление лицо на зигмаксиллярном уровне было профилировано средне или сильно, что подчеркивается глубоким корнем носа, сильно развитой подносковой остью и атропинной формой нижнего края грушевидного отверстия. В отличие от отдельных брахиальных горно-алтайских афанасьевских черепов, исследованных ранее [Чикишева, 2000, 2012; Солодовников, 2003, 2010], женский череп из могильника Карасу II выделяется заметной горизонтальной уплощенностью лица на назомаллярном уровне, а также на уровне наибольшего сужения височных линий. В сочетании с большими значениями затылочно-теменного указателя и скулового диаметра данная краниологическая находка проявляет сходство с черепами из погребений доафанасьевского времени из Нижнетыктескенской I и Каминной пещер, а из относительно синхронных — каракольской и окуневской культур постафанасьевского времени, для которых характерны морфологические особенности автохтонного населения Южной Сибири.

Карасу II. Курган 1, погребение 2, скелет 2 (черепа нет). Мужчина 30–40 лет. Степень сохранности посткраниального скелета очень плохая, имеются окрашенные охрой обломки длинных костей, ребра, позвонки, другие мелкие кости, остеометрическая характеристика представлена в табл. 1. Так как многих костей нет, она немного сокращена, то же касается и размеров. Наибольшую информацию дает характеристика нижних конечностей, которые по многим размерам поперечных диаметров проявляют сходство со средними значениями сборной афанасьевской серии Горного Алтая. Судя по морфологическим данным, мужчина был высокого роста (175 см), вес его составлял 75,47 кг. У мужчины наблюдаются те же показатели, что и у исследуемого женского костяка: укорочение костей голени и достаточно высокая степень их прочности.

**Индивидуальные значения остеометрических характеристик скелетов
из погребения 2 кургана 1 могильника Карасу II**

Пол, возраст	Скелет 1, женщина 25–30 лет		Скелет 2, мужчина 30–40 лет	
	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
Плечевая кость				
1. Наибольшая длина	304	—	—	—
2. Полная длина	300	—	—	—
3. Ширина верхнего эпифиза	46	47	57	—
4. Ширина нижнего эпифиза	60	60	69	68
5. Наибольший диаметр середины диафиза	24	24	—	—
6. Наименьший диаметр середины диафиза	17	17	—	—
7. Наименьшая окружность диафиза	65	—	—	70
9. Наибольшая ширина головки	—	40	52	—
10. Вертикальный диаметр головки	—	44	48	—
7:1. Указатель прочности	21,4	—	—	—
6:5. Указатель поперечного сечения диафиза	70,8	70,8	—	—
Лучевая кость				
4. Поперечный диаметр диафиза	—	—	—	18
5. Сагиттальный диаметр диафиза	—	—	—	12
5:4. Указатель поперечного сечения диафиза	—	—	—	66,7
Локтевая кость				
13. Верхний поперечный диаметр диафиза	—	—	—	19
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	—	—	—	22
13:14. Указатель платолении	—	—	—	86,4
Бедренная кость				
1. Наибольшая длина	415?	—	—	—
21. Ширина нижнего эпифиза	—	80	90	91
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	—	30	31	31
7а. Ширина середины диафиза	—	28	30	31
9. Верхний поперечный диаметр	38	37	—	—
10. Верхний сагиттальный диаметр	27	28	—	—
8. Окружность середины диафиза	—	90	100	96
18. Высота головки	44	—	53?	—
19. Ширина головки	43	—	52	—
6:7а. Указатель пиластрии	—	107,1	103,3	100,0
10:9. Указатель платимерии	71,1	75,7	—	—
(18+19):2. Указатель массивности головки	43,5	—	52,5	—
Большая берцовая кость				
1. Полная длина	—	—	384	—
1а. Наибольшая длина	—	351	—	—
3. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	72	—	—	—
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	50	50	—	—
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	—	29	—	—
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	35	—	39	41
9. Поперечный диаметр середины диафиза	—	22?	—	—
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	25	—	29?	28
10б. Наименьшая окружность диафиза	75?	—	87	90
9а:8а. Указатель платикнемии	71,4	—	74,4	68,3
10б:1. Указатель прочности	—	—	22,7	—
Малая берцовая кость				
1. Наибольшая длина	334	—	—	—
4а. Наименьшая окружность середины диафиза	35	—	—	—
4а:1. Указатель массивности	10,5	—	—	—
Ключица				
1. Длина	—	145	—	—
6. Окружность	—	37	—	—
6:1. Указатель массивности	—	25,5	—	—

К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая...

Рис. 1. Череп женщины из погребения 2 кургана 1 могильника Карасу II.

Таблица 2

Индивидуальные измерения черепов женщин из погребений энеолита — бронзы Горного Алтая

		Карасу II, кург. 1, погр. 2, ск. 1	Усть-Куюм, мог. 18	Усть-Куюм, мог. 19
		25–30 лет	25–35 лет	40–45 лет
1	Продольный диаметр	181	186	173
8	Поперечный диаметр	144	138	137
8:1	Черепной указатель	79,6	74,2	79,2
17	Высотный диаметр от ба.	128?	130	128
17:1	Высотно-продольный указатель от ба.	70,7?	69,9	74,0
17:8	Высотно-поперечный указатель от ба.	88,9?	94,2	93,4
20	Высотный диаметр от ро.	105	101	106
20:1	Высотно-продольный указатель от ро.	58,0	54,3	61,3
20:8	Высотно-поперечный указатель от ро.	72,9	73,2	77,4
5	Длина основания черепа	93?	113	92
9	Наименьшая ширина лба	97,0	95,0	98,0
ВПИЛ	Высота поперечного изгиба лба	17,0		
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	141,4		
9:8	Лобно-поперечный указатель	67,4	68,8	71,5
10	Наибольшая ширина лба	117	119	118
9:10	Лобный указатель	82,9	79,8	83,1
11	Ширина основания черепа	134	120	118
12	Ширина затылка	110	111	112
29	Лобная хорда	109	114	106
Sub. Nß	Высота изгиба лба	24,8?	28,5	25,0
Sub.Nß:29	Указатель выпуклости лба	22,8?	25,0	23,6
30	Теменная хорда	111		
31	Затылочная хорда	96		
OS	Высота изгиба затылка	34,9		
25	Сагиттальная дуга	372		
26	Лобная дуга	123?		
27	Теменная дуга	123		
28	Затылочная дуга	126		
26:25	Лобно-сагиттальный указатель	33,1		
27:25	Теменно-сагиттальный указатель	33,1		
28:25	Затылочно-сагиттальный указатель	33,9		
28:27	Затылочно-теменной указатель	102,4		
7	Длина затылочного отверстия	33,0?	35,0	34,0
16	Ширина затылочного отверстия	31,5	27,0	26,0
16:7	Указатель затылочного отверстия	95,5?	77,1	76,5
32	Угол профиля лба от п.	—	82,5	85
GM/FH	Угол профиля лба от gl.	—	79	80
33 (4)	Угол перегиба затылка	109		
Надпереносье (1–6)		3	2	2
Надбровные дуги (1–3)		2	2	2
Наружный затылочный бугор (0–5)		5?	4	3
Сосцевидный отросток (1–3)		3		2
Форма черепа сверху		Sphenoid.	Ovoid.	Sphenoid.

		Карасу II, кург. 1, погр. 2, ск. 1	Усть-Куюм, мог. 18	Усть-Куюм, мог. 19
		25–30 лет	25–35 лет	40–45 лет
40	Длина основания лица	—	110	—
40:5	Указатель выступания лица	—	97,3	—
45	Скуловой диаметр	140	124	124
48	Верхняя высота лица	—	73	—
47	Полная высота лица	—	115,5	113,5
48:45	Верхний лицевой указатель	—	58,9	—
47:45	Полный лицевой указатель	—	93,1	91,5
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	97,2	89,9	90,5
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	—	56,2	—
9:45	Лобно-скуловой указатель	69,3	76,6	79,0
43	Верхняя ширина лица	106	107	107
46	Средняя ширина лица	—	95	85
60	Длина альвеолярной дуги	—	51,5	—
61	Ширина альвеолярной дуги	—	59	55
61:60	Челюстно-альвеолярный указатель	—	114,6	—
62	Длина неба	—	46,0	45,0?
63	Ширина неба	—	40,0	36,0
63:62	Небный указатель	—	87,0	80,0?
51	Ширина орбиты от mf.	—	48,0	41,0
51a	Ширина орбиты от d.	—	44,0	39,5
52	Высота орбиты	—	35,0	32,0
52:51	Орбитный указатель от mf.	—	72,9	78,0
52:51a	Орбитный указатель от d.	—	79,5	81,0
55	Высота носа	—	52,0	45,0
54	Ширина носа	—	26,0	24,0
54:55	Носовой указатель	—	50,0	53,3
Нижний край грушевидного отверстия		Anth.	Fos. pr.	Infant.
Передноносая ось (1–5)		4	5	—
SC	Симотическая ширина	—	10,0	5,5
SS	Симотическая высота	—	7,0	4,0
SS:SC	Симотический указатель	—	70,0	72,7
MC	Максиллофронтальная ширина	—	14,5	16,0
MS	Максиллофронтальная высота	—	8,0	6,0
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	—	55,2	37,5
DC	Дакриальная ширина	—	20,0	18,0
DS	Дакриальная высота	—	14,0	9,5
DS:DC	Дакриальный указатель	—	70,0	52,8
FC	Глубина кльковой ямки	—	4,0	8,0
43 (1)	Биорбитальная ширина	96,3	100,0	96,0
BH	Высота назона	14,3?	20,0	13,5
77	Назомалярный угол	146,9?	136,4	148,6
ЗМШ	Зигомаксиллярная ширина	—	95,0	83,5
BC	Высота субспинале	—	20,5	23,0
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	—	133,3	122,3
72	Общий лицевой угол	—	85	81
73	Средний лицевой угол	—	87	82
74	Угол альвеолярной части лица	—	79	—
75	Угол наклона носовых костей	—	54	48
75 (1)	Угол выступания носа	—	31	33
68 (1)	Длина нижней челюсти от мышцелков	—	104,5	105
79	Угол ветви нижней челюсти	—	107	129
68	Длина нижней челюсти от углов	—	78	77
70	Высота ветви нижней челюсти	—	66,5	52,5
71a	Наименьшая ширина ветви	36,7 ^{np}	34,0	30,5
65	Мышцелковая ширина	—	114	111
66	Угловая ширина	—	—	100
69	Высота симфиза	35,2?	—	—
69 (1)	Высота тела нижней челюсти	33,1 ^{np}	—	—
69 (3)	Толщина тела нижней челюсти	12,5 ^{np}	—	—
∠C'	Угол выступания подбородка	—	—	69

По фрагментарным останкам и при отсутствии костей сегментов конечностей (предплечья) можно констатировать, что, по-видимому, мужской и женский костяки из погребения 2 кургана 1 Карасу II принадлежат к локальному варианту «степного» морфотипа разнообразного населения евразийских степей эпохи бронзы. Его характерной особенностью «является сбалансированность линейных пропорций и, как правило, повышенные длиннотные параметры костей конечностей» [Медникова, 1995, с. 41]. К носителям данного комплекса отнесены группы эпохи бронзы, например минусинские афанасьевцы (Афанасьевская Гора, Карасук III), а также окуневцы, минусинские андроновцы, ямники Урала (Увак), андроновцы Урала (Увак и Хабарное), ямники, катакомбники и срубники Украины, срубники Пруто-Днестровского междуречья [Там же, с. 41–42]. По данным М.Б. Медниковой [1995, 2010], алтайские афанасьевцы (Курота II, Усть-Куюм) по скелетной конституции принадлежат к степному морфотипу и в масштабе населения Евразии эпохи бронзы являются одной из самых высокорослых групп. Комплексный анализ новых остеометрических данных по населению Горного Алтая афанасьевской культуры и связанных с ней культурных типов подтверждают эти выводы [Тур, Рыкун, 2006].

Кроме того, в архиве кабинета антропологии Томского госуниверситета обнаружены предварительное заключение и бланки измерений черепов из Усть-Куюмского могильника афанасьевской культуры в среднем течении Катунь. В заключении (Список 2) от 5 марта 1965 г., за подписью В.А. Дремова, указано, что черепа из раскопок в Горном Алтае летом 1964 г. археологической экспедиции (руководитель — чл.-кор. АН СССР А.П. Окладников, начальник отряда Е.М. Берс) поступили для реставрации и заключения. Из могильника периода энеолита в урочище Куюм происходят три черепа: могила 1, погребение 1, пол мужской, возраст 25–30 лет (*adultus*); могила 2, погребение 2, пол мужской, возраст 25–35 лет (*adultus*); могила 3, погребение 4, пол женский, возраст 40–50 лет (*maturus*). Внешний вид черепов позволяет отнести их к европеоидной большой расе, они сходны с черепами афанасьевской культуры из Минусинской котловины и с Алтая, опубликованными В.П. Алексеевым [1961b], от которых отличаются несколько меньшими размерами, что можно объяснить индивидуальными особенностями.

В части половозрастных определений рассматриваемые данные совпадают с имеющимися в публикации по раскопкам Усть-Куюмского могильника 1964–1965 гг., в которой указано, что они предоставлены томским антропологом Н.С. Розовым [Берс, 1974, с. 25]. В краниологических бланках, заполненных В.А. Дремовым, который в тот период начинал свою профессиональную деятельность в качестве антрополога, пол первых двух из трех индивидов заменен на женский, местом хранения уже значится НГУ. Помимо измерений, в легенде и на обороте бланков имеются сведения, позволяющие уточнить морфологию скелетов, а также идентифицировать эти три женских черепа с конкретными погребениями могильника Усть-Куюм, нумерация которых изменилась в публикации археологических материалов на сквозную с учетом раскопок 1930-х гг. [Берс, 1974]. На первом бланке — мог. 1, погр. 1 (по публикации Е.М. Берс 1974 г. — мог. 16) или выкладка 1, погр. 16, на обороте — «размеры костей ♀ и измерительные признаки за это». Второй бланк — мог. 2, погр. 2 (по публикации Е.М. Берс — мог. 18) или выкладка 2, погр. 18, возраст 25–35 лет; с пометкой, что по данным Н.С. Розова возраст 30–35 лет; на обороте помечено, что, по сведениям Е.М. Берс, в могиле найдено «ожерелье, могила женская, таз ♀, кости массивные, размеры большие, но ближе к женскому полу, за то же — указатели прочности». И третий бланк — мог. 3, погр. 4 (по публикации Е.М. Берс — мог. 19), на обороте — «размеры костей ♀, и измерительные признаки за это». Измерения данных черепов, выполненные В.А. Дремовым, по-видимому, в середине 1960-х гг., являются ценным источником по антропологии энеолита — ранней бронзы Горного Алтая. Позже Т.А. Чикишевой [2000, 2012] были опубликованы данные лишь по одному черепу из трех из могилы 16 (мог. 1, погр. 1 в антропологических публикациях), с определением пола как женского, и размеры черепа, в общем, совпадают с измерениями В.А. Дремова. Поскольку данные черепов из могил 18 и 19 не опубликованы и они не хранятся в КА ТГУ (были, вероятно, утеряны), считаем своим долгом ввести их индивидуальные измерения в научный оборот. Научная ценность этих материалов обусловлена также своеобразием инвентаря в могилах № 18 и 19 Усть-Куюмского могильника, наличием в них украшений из камня и кости, не характерных для афанасьевских комплексов Горного Алтая [Погожева и др., 2006].

Судя по краниометрическим показателям, приведенным в табл. 2, оба черепа сходны по многим размерам и указателям и характеризуются средней шириной и высотой мозговой коробки, довольно большой шириной выпуклого и средненаклонного лба, несильно выраженным наружным рельефом, средней шириной лица на уровне скуловых дуг (малой в масштабе кранио-

логических данных афанасьевской культуры Горного Алтая) и большой — на верхнем уровне, выражено хамеконхными пропорциями орбит, длинной среднеширокой в мыщелках нижней челюстью. Однако череп из могилы 19 по сравнению с другим и в целом с большинством черепов афанасьевской культуры выделяется небольшой длиной суббрахиальной невысокой мозговой коробки и значительной уплощенностью лица на уровне орбит при мезогнатности лицевого профиля. При этом, как и у долихокранного длинноголового черепа из могилы 18, угол выступления носа очень большой, переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения высокие абсолютно и особенно по симотическому и дакриальному указателям. В целом, учитывая и резкую горизонтальную профилировку лица на нижнем уровне, череп из могилы 19 следует также характеризовать как европеоидный. Однако ряд его морфологических особенностей заставляет предполагать влияние автохтонных краниологических комплексов.

Для более объективной оценки различий данных краниологических находок на афанасьевском внутригрупповом фоне проведен факторный анализ женских краниологических материалов, как более показательных при выделении субстратных антропологических комплексов. В него, помимо индивидуальных данных женских черепов из погребений собственно афанасьевской культуры, куротинского и улигинского типов памятников, большинство из которых исследовано авторами данной работы и частью еще не введено в научный оборот, включены краниологические материалы неолита — энеолита Горного Алтая (Каминная пещера), его северных предгорий (Усть-Иша, Солонцы V), предгорно-равнинного Алтая (Иткуль/Большой Мыс, Фирсово XI), а также каракольской культуры эпохи бронзы (могильник Каракол) [Дремов, 1986, 1997; Чикишева, 2012; Солодовников, Тур, 2017]. На данном уровне накопления материалов многомерное статистическое исследование этих краниологических находок позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимодействия афанасьевцев с автохтонным населением Горного Алтая.

Таблица 3

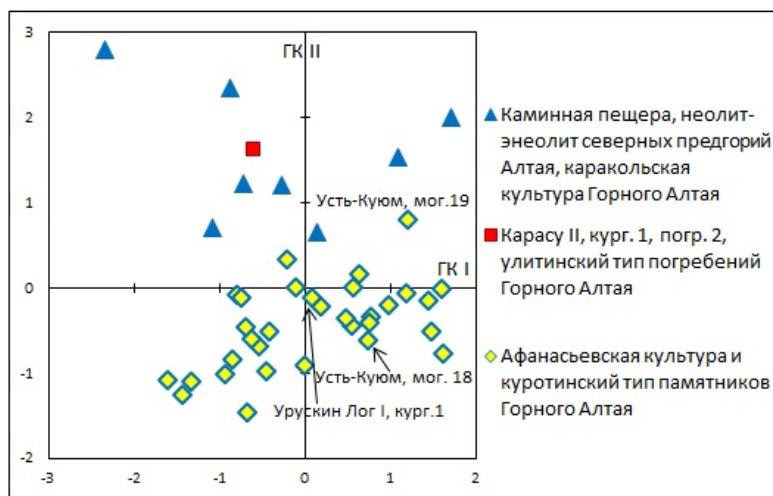
Факторные нагрузки двух первых главных компонент женских черепов по признакам мозговой коробки, ширины и горизонтальной профилировки лица на верхнем уровне (вариант 1) и с учетом других признаков лицевого отдела (вариант 2)

Признак		Вариант 1		Вариант 2	
		ГК I	ГК II	ГК I	ГК II
1	Продольный диаметр	-0,587	-0,551	-0,712	-0,194
8	Поперечный диаметр	-0,812	0,239	-0,578	0,445
20	Высотный диаметр от ро.	-0,701	-0,421	-0,699	-0,099
9	Наименьшая ширина лба	-0,405	-0,340	-0,456	-0,223
11	Ширина основания черепа	-0,759	0,444	-0,550	0,537
29	Лобная хорда	-0,716	-0,380	-0,810	0,016
Sub.Nß:29	Указатель выпуклости лба	0,155	-0,689	-0,061	-0,728
45	Скуловой диаметр	-0,810	0,392	-0,659	0,488
77	Назональный угол	-0,100	0,739	0,229	0,666
32	Угол профиля лба от п.	—	—	0,033	-0,459
48	Верхняя высота лица	—	—	-0,474	0,130
72	Общий лицевой угол	—	—	-0,320	-0,232
∠Zm'	Зигмаксиллярный угол	—	—	-0,233	0,424
51	Ширина орбиты от mf.	—	—	-0,569	0,451
52	Высота орбиты	—	—	0,021	0,421
55	Высота носа	—	—	-0,610	-0,009
54	Ширина носа	—	—	-0,582	-0,167
75(1)	Угол выступления носа	—	—	-0,099	-0,602
SC	Симотическая ширина	—	—	-0,486	-0,589
SS	Симотическая высота	—	—	-0,403	-0,699
λ	Собственные числа	3,438	2,170	4,814	3,864
P, %	Доля в общей дисперсии	38,203	24,112	24,068	19,319

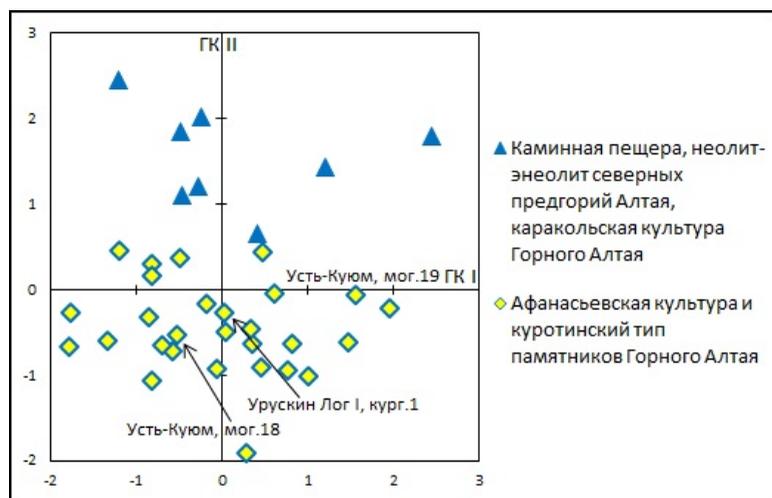
В первом варианте анализа, по признакам, характеризующим строение мозговой коробки, ширину лица и его профилировку на верхнем уровне, первая главная компонента является, фактически «фактором размера». Вторая главная компонента разделяет местные промежуточные европеоидно-монголоидные краниокомплексы с более коротким и низким черепом с широким основанием, слабовыпуклой лобной костью, более широким и уплощенным на верхнем

К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая...

уровне лицом и пришлые европеоидные краниологические типы с противоположными характеристиками в масштабе анализируемых материалов (табл. 3). Положение черепов в двухфакторном поле главных компонент демонстрирует морфологическое отличие краниологической находки из Карасу II от афанасьевских Горного Алтая и сходство с черепами, представляющими антропологический комплекс автохтонного населения (рис. 2)². Череп из могилы 19 Усть-Куомского могильника афанасьевской культуры, занимая промежуточное положение между ними и остальными афанасьевскими, также тяготеет к материалам, представляющим субстратные краниологические комплексы. Краниум женщины из могильника Урускин Лог I, как и из могилы 18 Усть-Куюма, на внутригрупповом морфологическом фоне по признакам строения черепной коробки, ширины и уплощенности лица на верхнем уровне существенно не отличается от остальных афанасьевских. Череп из Урускина Лога I демонстрирует лишь очень слабую тенденцию сближения с находками, представляющими местный антропологический компонент. В значительно большей степени такое тяготение проявляет, например, череп женщины из кургана 1 могильника Чобурак I на Средней Катуне (неопубликованные данные К.Н. Солодовникова и С.С. Тур).

Рис. 2. Положение женских черепов в пространстве I и II главных компонент (ГК) по признакам мозговой коробки, ширины и горизонтальной профилировки лица на верхнем уровне.

Рис. 3. Положение женских черепов в пространстве I и II главных компонент (ГК).

² Ранее были известны измерения одного мужского черепа из погребения улитинского типа (Балыкты-Юл, курган № 2), который, судя по индивидуальным данным [Дебец, 1948, прил. 29], не отличается от большинства материалов энеолита — ранней бронзы Горного Алтая: длинная высокая долихокранная черепная коробка, широкий лоб, крупное лицо и сильно выступающий нос.

Во втором варианте в анализ добавлены остальные наиболее важные расово-разграничительные признаки (ширина и высота орбит, носа, носовых костей, верхняя высота лица, углы — профиля лба, общего лицевого профиля, зигомаксиллярный и выступания носа) (табл. 3), исключен из анализа череп из Карасу II ввиду неполной сохранности. По «полному» набору признаков отличия женского черепа из могильника Урускин Лог I от краниологического комплекса, присущего местному населению, и его морфологическое сходство с большинством других черепов афанасьевской культуры проявляются еще более явно (рис. 3). При этом краниум из могилы 19 Усть-Куюма уже не демонстрирует морфологическую промежуточность, хотя и тяготеет к краниологическим находкам до- и постафанасьевского времени. В то же время такое тяготение по «полному» набору признаков проявляет также ряд черепов из погребений афанасьевской культуры и куротинского типа памятников (из могильников Кара-Коба I, Нижний Тюмечин I, Ело-Баши, Курота II, Чобурак I), а череп европеоидного облика из погребения 7 неолитического могильника Усть-Иша морфологически заметно сближается с афанасьевскими.

Выводы

Таким образом, анализ ставших известными в последнее время антропологических материалов из коллекций и архива КА ТГУ позволяет предполагать, что при доминирующих западных антропологических связях населения энеолита — бронзы Горного Алтая были вероятны его единичные контакты с потомками местного доафанасьевского населения. Осуществлялись они, по-видимому, через женскую часть популяции и/или население, оставившее отличные от собственно афанасьевской культуры типы погребений. Вместе с тем на черепах, специфика строения которых ранее рассматривались как проявление такого взаимодействия, при статистическом анализе всей совокупности краниологических данных не обнаруживаются морфологические особенности, свидетельствующие о влиянии антропологического типа местного населения Алтае-Саянского нагорья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961а. № 1. С. 116–129.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961b. С. 107–206.
- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Афанасьевский сборник /* Отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.
- Афанасьевский сборник 2 /* Отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. 226 с.
- Берс Е.М.* Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 18–31.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Грязнов М.П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (ТИЭ; Т. 4).
- Дремов В.А.* Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Иванова Л.А.* О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1966. № 3. С. 82–91.
- Козинцев А.Г.* Ранние индоевропейцы Сибири и Центральной Азии по данным антропологии // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 419–421.
- Максименков Г.А.* Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 205–211.
- Медникова М.Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.
- Медникова М.Б.* Курота-2 и Куюм: Данные антропологии к реконструкции условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 200–224.

К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая...

- Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 23–34.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. 234 с.
- Савинов Д.Г. Афанасьевская культура // А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 130–135.
- Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 3–27.
- Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // О.В. Ларин. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдьяр-1. Прил. 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 120–154.
- Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катунь // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 233–244.
- Солодовников К.Н., Рыкун М.П. Население р. Урсул эпохи энеолита-ранней бронзы по краниологическим данным // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе: В 3 т. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. III. С. 78–81.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–70.
- Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Слово, 2010. С. 24–37.
- Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология афанасьевской культуры // А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. Ч. 1. С. 60–114.
- Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
- Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 157–175.
- Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139–148.
- Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения Южных районов Западной Сибири в эпохи неолита и бронзы // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 430–437.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Эрлих В.А. Из истории изучения афанасьевской культуры (по опубликованной литературе 1920 — середины 1960-х годов) // Археология Сибири: Историография. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. Ч. 2. С. 3–16.
- Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M. Fossil Homo femur from Berg Aukas, northern Namibia // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1995. Vol. 26. P. 67–78.
- McHenry H.M. Body size and proportions in early Hominids // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1992. Vol. 87. P. 407–431.
- Ruff C.B., Scott W.W., Liu A.Y.-C. Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1991. Vol. 86. P. 397–413.

K.N. Solodovnikov, M.P. Rykun

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: solodk@list.ru
National Research Tomsk State University
Lenina Ave, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: m_rykun@mail.ru

AN AUTOCHTHONOUS COMPONENT IN THE COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE ENEOLITHIC — BRONZE AGE IN THE ALTAI MOUNTAINS REVISITED: MATERIALS FROM THE COLLECTION AND ARCHIVE OF THE ANTHROPOLOGY ROOM AT TOMSK STATE UNIVERSITY

The Eneolithic — Bronze Age paleoanthropological materials from the Ulitinsky type Bronze Age burial of Karasu II (the Altai Mountains), as well as previously unpublished measurements of skulls from 1964 excavations of the Afanasievo cemetery of Ust-Kuium are introduced into scientific use. Osteometric characteristics of the individuals from the Ulitinsky type burial affirm that they belong to the steppe morphotype, which is widespread among the populations of the Bronze Age in the steppes and forest-steppe areas of Eurasia. According to the

craniometric parameters, a female skull from Karasu II shows features of the anthropological type of the local population of the Altai-Sayan highland with a brachycranial skull shape and some Mongoloid features. Two female skulls from the Afanasievo burial ground of Ust-Kuium originate from burials with a set of ornaments which differ from one-culture complexes. Their Europeoid appearance is typical of the alien Protoeuropeoid population, but one of the skulls is also characterized by brachyrania, which is considered to be influence of local craniological complexes.

Key words: Afanasievo culture, the Eneolithic and the Bronze Age, the Altai Mountains, paleoanthropology, craniometry, Protoeuropeoids, Mongoloids.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059

REFERENCES

Alekseev V.P., 1961a. O brakhikrannom komponente v sostave naseleniia afanas'evskoi kul'tury [About the brachycranial component in the composition of the Afanasievo culture population]. *Sovetskaia etnografiia*, no 1, pp. 116–129.

Alekseev V.P., 1961b. Paleoantropologiya Altae-Saianskogo nagor'ia epokhi neolita i bronzy [Paleoanthropology of the Altai-Sayan Highland during the Neolithic and the Bronze Age], *Antropologicheskii sbornik III*, Moscow: AS USSR Publ., pp. 107–206.

Alekseev V.P., 1966. *Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methodology of anthropological researches], Moscow: Nauka, 252 p.

Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methodology of anthropological researches], Moscow: Nauka, 128 p.

Bers E.M., 1974. Iz raskopok v Gornom Altae v ust'e r. Kuium [From excavations in the Altai Mountains in the orifice of the Kuium river]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 18–31.

Chikisheva T.A., 1994. Kharakteristika paleoantropologicheskogo materiala pamiatnikov Bertekskoi doliny [Characteristics of paleoanthropological materials of the Bertek valley monuments]. *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny (Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok)*, Novosibirsk: Nauka, pp. 157–175.

Chikisheva T.A., 2000. Novye dannye ob antropologicheskom sostave naseleniia Altaia v epokhi neolita-bronzy [New data about anthropological composition of the population of Altai in the Neolithic and the Bronze Age]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1, pp. 139–148.

Chikisheva T.A., 2003. K voprosu ob antropologicheskom sostave naseleniia luzhnykh raionov Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita i bronzy [Anthropological composition of the population of Southern parts of Western Siberia in the Neolithic and the Bronze Age revisited]. *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akad. V.P. Alekseeva*, Moscow: Nauka, pp. 430–437.

Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita-rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of Southern parts of Western Siberia in the Neolithic and the Early Iron Age], Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 468 p.

Dremov V.A., 1986. Izmereniia cherepov i skeletov iz neoliticheskikh mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (Verkhnee Priob'e) [Measurements of skulls and skeletons from Neolithic burial grounds of Ust'-Isha and Itkul' (Upper Ob River area)]. *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniia Sovetskoi Azii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 56–73.

Dremov V.A., 1997. *Naselenie Verkhnepriob'ia v epokhu bronzy: (Antropologicheskii ocherk)* [Population of the Upper Ob River area in the Bronze Age: (An anthropological essay)], Tomsk: Tom. Univ. Publ., 264 p.

Erlikh V.A., 1995. Iz istorii izucheniia afanas'evskoi kul'tury (po opublikovannoi literature 1920 — serediny 1960-kh godov) [From the history of studying the Afanasievo culture: (according to published literature of 1920 — the middle of 1960s)]. *Arkheologiya Sibiri: Istorografiia*, part 2, Omsk: Om. St. Univ. Publ., pp. 3–16.

Griaznov M.P., 1999. *Afnas'evskaia kul'tura na Enisee* [The Afanasievo culture at the Enisei River], St. Petersburg: In-t istorii material. kul'tury RAN: «Dmitrii Bulanin Publ.», 136 p.

Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M., 1995. Fossil Homo femur from Berg Aukas, northern Namibia. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 26, pp. 67–78.

Ivanova L.A., 1966. O proiskhozhdenii brakhikrannogo komponenta v sostave naseleniia afanas'evskoi kul'tury [About the origins of the brachycranial component in the composition of the Afanasievo culture population]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 82–91.

Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P., 2016. Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populiatsii iamnoi i afanas'evskoi kul'tur Evrazii nachalnogo etapa bronzovogo veka [Cranio-logical data regarding the problem of connections between Yamnaya and Afanasievo cultures of Eurasia of the early stage of the Bronze Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (34), pp. 86–106, available at: http://ipdn.ru/rics/va/_private/a34/86-106.pdf.

Kozintsev A.G., 2010. Rannie indoevropeitsy Sibiri i Tsentral'noi Azii po dannym antropologii [Early Indo-Europeans of Siberia and Central Asia according to anthropological data]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy*, Tomsk: Agraf-Press Publ., pp. 419–421.

К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая...

- Maksimenkov G.A., 1965. Vpusknye mogily okunevskogo etapa v afanas'evskikh kurganakh [Inlet graves of the Okunevo stage of the Afanasievo burial grounds]. *Sovetskaiia arkheologiiia*, no. 4, pp. 205–211.
- McHenry H.M., 1992. Body size and proportions in early Hominids. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 87, pp. 407–431.
- Mednikova M.B., 1995. *Drevnie skotovody luzhnoi Sibiri: Paleoeologicheskaia rekonstruktsiia po dannym antropologii* [Ancient cattle breeders of South Siberia: paleoecological reconstruction according to anthropological data], Moscow: IA RAS, 216 p.
- Mednikova M.B., 2010. Kurota-2 i Kuium: Dannye antropologii k rekonstruktsii uslovii zhizni altaiskikh afanas'evtsev [Kurota-2 and Kuium: Anthropological data towards reconstruction of life conditions of the Altai Afanasievo population]. *Afnas'evskii sbornik*, Barnaul: Azbuka Publ., pp. 200–224.
- Mogil'nikov V.A., 1987. Nekotorye pamiatniki epokhi rannego metalla iz Tsentral'nogo Altaia [Some monuments of the Early Iron Age from the Central Altai region]. *Problemy istorii Gornogo Altaia*, Gorno-Altai: Publ. GARIHLL, pp. 23–34.
- Pogozheva A.P., Rykun M.P., Stepanova N.F., Tur S.S., 2006. *Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaia* [The Eneolithic and the Bronze Age in the Altai Mountains], Barnaul: Azbuka Publ., 234 p.
- Ruff C.B., Scott W.W., Liu A.Y.-C., 1991. Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 86, pp. 397–413.
- Savinov D.G., 1994. Afanas'evskaia kul'tura [Afanasievo culture], *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny (Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok)*, Novosibirsk: Nauka, pp. 130–135.
- Solodovnikov K.N., 2003. Materialy k antropologii afanas'evskoi kul'tury [Materials to the anthropology of the Afanasievo culture]. *Drevnosti Altaia*, no. 10, Gorno-Altai: GASU Publ., pp. 3–27.
- Solodovnikov K.N., 2005. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika Sal'diar I v sviazi s voprosami proiskhozhdeniia afanas'evskoi kul'tury [Anthropological materials from the burial ground of Saldiar I in connection to the origins of the Afanasievo culture]. *O.V. Larin. Afanas'evskaia kul'tura Gornogo Altaia: Mogil'nik Sal'diar-1*, Barnaul: AltSU Publ., pp. 120–154.
- Solodovnikov K.N., 2010. Cherepa iz pogrebenii afanas'evskoi kul'tury Srednei i Nizhnei Katuni [Skulls from burials of the Afanasievo culture on the Middle and Lower Katun River]. *Afnas'evskii sbornik*, Barnaul: Azbuka Publ., pp. 233–244.
- Solodovnikov K.N., Rykun M.P., 2017. Naselenie r. Ursul epokhi eneolita-rannei bronzy po kraniologicheskim dannym [The population of the Ursul River of the Eneolithic-Early Bronze Age according to craniological data]. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Barnaule — Belokurikhe*, vol. III, Barnaul: AltSU Publ., pp. 78–81.
- Solodovnikov K.N., Tur S.S., 2017. K antropologii neoliticheskogo naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia (po materialam mogil'nika Firsovo XI) [On anthropology of the Neolithic population of the Ob River basin near Barnaul (based on the materials of the burial ground of Firsovo XI)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (38), pp. 60–70, available at: http://ipdn.ru/rics/va/_private/a38/60-72.pdf.
- Stepanova N.F., 2010. Arago'skii i ulitinskii tipy pogrebenii epokhi bronzy (Gornyi Altai) [Aragolsky and Ulitinsky types of burial grounds of the Bronze Age (the Altai Mountains)]. *Khoziaistvenno-kul'turnye traditsii Altaia v epokhu bronzy*, Barnaul: Slovo Publ., pp. 24–37.
- Stepanova N.F., 2012, (ed.). *Afnas'evskii sbornik 2* [Afanasievo collection of articles 2], Barnaul: Azbuka Publ., 226 p.
- Stepanova N.F., Poliakov A.V., 2010, (ed.). *Afnas'evskii sbornik* [Afanasievo collection of articles], Barnaul: Azbuka Publ., 293 p.
- Tur S.S., Rykun M.P., 2006. Paleoeologiiia afanas'evskoi kul'tury [Palaeoecology of the Afanasievo culture]. *A.P. Pogozheva, M.P. Rykun N.F., Stepanova, S.S. Tur. Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaia*, part 1, Barnaul: Azbuka Publ., pp. 60–114.
- Vadetskaia E.B., Poliakov A.V., Stepanova N.F., 2014. *Svod pamiatnikov afanas'evskoi kul'tury* [Collection of the Afanasievo culture settlements], Barnaul: Azbuka Publ., 380 p.

А.Ю. Худавердян*, **А.С. Жамкочян***, **Н.Г. Акоюн***, **Ф.С. Бабаян***,
А.А. Енгибарян**, **А.А. Хачатрян*****, **Л.Г. Еганян*****

*Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru;
meri.axababyan@yandex.ru;
husik.melkonyan@mail.ru
safdav@yahoo.com

**Ереванский государственный медицинский университет им. Мхитара Гераци
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru

***Центр арменоведческих исследований Ширака НАН РА
ул. Мясникяна, 118, Гюмри, 3114, Республика Армения
E-mail: smuseum@web.am;
larisayeganyan@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Публикуются предварительные результаты антропологического исследования костных останков, полученных при раскопках средневековых памятников на территории Республики Армении. Выявлены случаи преднамеренной искусственной кольцевой деформации головы и непреднамеренной деформации колыбельного типа. Зафиксированы две необычные формы (треугольной, круговой) прокладок на затылочных костях у индивидов с лобно-затылочной деформацией. У индивида из Бюракна с преднамеренной искусственной кольцевой деформации головы наблюдается статическая асимметрия мозгового отдела, лицевого скелета и зубной системы. Краниологические данные указывают на неоднородный антропологический состав населения. Среди жителей Ованнаванка в период позднего средневековья наличествует специфический комплекс признаков, близкий к кавкасионскому типу. Наиболее близкими морфологически к средневековым сериям из Армении оказались группы с Южного и Северо-Западного Кавказа, из Ирана, Месопотамии. Рассматриваются также морфологические особенности посткраниального скелета. Мышечный рельеф на останках исследованных индивидов в подавляющем большинстве случаев развит очень хорошо.

Ключевые слова: *Армения, средневековье, краниология, остеология, одонтология, искусственная деформация черепа, мышечная кривошея, гетерогенность населения.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-060-088

*Светлой памяти Г.А. Тирацяна и А.А. Калантаряна —
руководителей экспедиций, исследовавших Армавир и Двин*

Введение

Несмотря на многочисленность на территории Республики Армении средневековых археологических памятников, в том числе могильников, в палеоантропологическом отношении оставшее их население изучено крайне слабо. Первый антропологический материал раннего средневековья был описан В.П. Алексеевым [1974]. Это серия из Гарни, которая состоит из шести черепов: трех мужских и трех женских. За последние годы А.Ю. Худавердян были изучены новые средневековые краниологические серии из памятников Двин [Худавердян и др., 2014, 2017; Бабаян, Худавердян, 2015], Армавир, Уши, Бюракн и Ованнаванк [Худавердян и др., 2016]. В данной публикации мы постараемся кратко охарактеризовать памятники, палеоантропологический материал из которых привлекается для исследования.

По преданию Армавир был основан Арамаисом, внуком Хайка, легендарного прародителя армянского народа. Археологическое изучение памятника выявило его многослойный характер. Древнейшие слои относятся к концу IV тыс. до н.э. и концу II — I тыс. до н.э., далее следуют урартский

(VIII–VI вв. до н.э.), древнеармянский (VI в. до н.э. — III в. н.э.) и средневековый (X–XIII вв.) слои [Тирацян, 1980]. В 645 г., до арабского завоевания, город находился в подчинении Ервандидов (200–190 г. до н.э.), далее — Великой Армении (190 г. до н.э. — 428 г. н.э.), временами подвергаясь оккупации римлян и парфян, а после падения Великой Армении в 428 г. вошел в состав государства Сасанидов.

Двин — крупный ремесленно-торговый город, столица древней Армении. С IV в. здесь находилась резиденция армянских царей династии Аршакидов. После падения Армянского царства в 428 г. город стал резиденцией персидских, а с 702 г. — арабских правителей области Арминийа, включавшей в свой состав, помимо армянских земель, Картли, Арран и Баб аль-Абваб (Дербент). В 2012–2014 гг. на северо-восточном склоне холма археологом Ф.С. Бабаян была открыта кирпичная постройка XII–XIII вв. восьмиугольной формы площадью 4×3 м. Во внутренних стенах постройки имеются ниши со стрельчатыми арками, расстояние между нишами заполнено рельефным и гравированным гипсовым декором. В северной части здания под твердой массой купола был обнаружен череп женщины, посткраниальный скелет находился в юго-западной части строения [Бабаян, Худавердян, 2015]. В 2013 г. археологом А.С. Жамкочян при расчистке внутренней стены большого здания в слое XI–XIII вв. были открыты большие глубокие ямы (тонир) с кирпичной облицовкой, гончарными водоотводными трубами и разбросанными вокруг обломками простой и глазурованной керамики. На глубине 1,63 м недалеко от ямы был обнаружен изолированный череп мужчины с костями животных. В основании черепа индивида отмечались механические разломы затылочных мыщелков и повреждение левого сосцевидного отростка (декапитация) [Худавердян и др., 2014]. В 2016 г. в развалинах кафедрального собора Св. Григория археологами А.С. Жамкочян и Н.Г. Акопян были обнаружены скелетные останки двух молодых индивидов, у которых выявлены следы задержки ростовых процессов [Худавердян и др., 2017].

В области Арагацотн расположен монастырский комплекс Св. Саргиса, являвшийся в средневековой Армении одним из крупных центров духовной культуры. Строения монастыря возводились в разные периоды с V по XVIII в. В 1827 г. в результате сильного землетрясения он был полностью разрушен. Раскопки на территории монастырского комплекса в Уши были начаты в 1999 г. под руководством Ф.С. Бабаян. Раскопаны развалины всех сохранившихся построек: церкви-часовни Св. Саргиса, церкви Св. Богородицы, притвора, колокольни, наружного зала, монашеских келий, общественных, жилых и хозяйственных помещений, крепостной стены с пятью башнями, главного и второго входов в монастырь и других строений. Ованнаванк также является одним из средневековых монастырских комплексов Армении, он расположен на краю скалистого обрыва ущелья р. Касах, напротив горы Араилер. Строительство Ованнаванка народное предание приписывает Гр. Просветителю (начало IV в.). В историографической же литературе монастырь Ованнаванк фигурирует уже в VII в. В Ованнаванке (раскопки Н.Г. Акопян, А.С. Жамкочян) у исследованных индивидов фиксируется преднамеренная лобно-затылочная деформация. Обычай преднамеренной деформации головы известен и по материалам могильника раннефеодального времени Бюракн, расположенного в с. Бюракн Ширакской провинции, изученного в 2008 г. (раскопки А.А. Хачатряна, Л.Г. Еганян).

Цель работы — введение в научный оборот новых антропологических материалов: их описание посредством таблиц и иллюстраций и сравнительная характеристика. Сравнительный фон, выбранный для статистического анализа, охватывает территории Кавказа, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы.

Материалы и методы

В основу работы положены палеоантропологические коллекции (Двин: 3 ♂, 2 ♀, 8 детей; Армавир: 2 ♂, 1 ♀, 1 ребенок; Уши: 11 ♂, 3 ♀, 1 — пол не определен, 13 детей; Бюракн: 2 ♂, 1 ♀; Ованнаванк: 4 ♂, 2 ♀, 3 детей) кабинета антропологии Института археологии и этнографии НАН РА (рис. 1). Костные останки из Двина, Уши и Ованнаванка находились не в анатомическом порядке, индивидуальные могильные камеры отсутствовали. Разрозненность костных материалов из Уши не позволила соотнести черепа и посткраниальные скелеты с индивидуумами. Всего было изучено 22 мужских костяка, 9 женских, 25 детских, у одного — пол не определен. Палеоантропологические материалы были реставрированы и изучены А.Ю. Худавердян.

Материал изучался по общепринятым антропологическим методикам [Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968b; Buikstra, Ubelaker, 1994]. У индивида № 2 из могильника Бюракн (♂, 20–25 лет) была выявлена мышечная кривошея. Данный череп также был измерен

по краниотригонометрической программе [Васильев, 1996]. Измерения сторон треугольников производились непосредственно на черепе с помощью скользящего, толстотного циркулей и штангенциркуля. Полученные измерения хорд пересчитывались в углы при помощи теоремы косинусов. Обследованные зубы индивида из Бюракна находились *in situ*. Измерения диаметров коронок выполнялись по методу Р. Сельмера-Олсена, предполагающему опору на морфологически контактные точки. Пределы размерных категорий для каждого диаметра устанавливались в соответствии со шкалой А.А. Зубова [1968а, табл. 26, с. 98–99]. Рубрикации и размах вариаций показателей скелета взяты из работ Я.Я. Рогинского, М.Г. Левина [1978], Д.В. Пежемского [2011], И.М. Синевой [2013]. Развитие рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивалось по системе В.Н. Федосовой [1986]. Использовалась трехбалльная шкала, в которую были введены промежуточные значения — 1,5 и 2,5. Вычислялись следующие показатели: 1) средние баллы по отдельным признакам; 2) средний балл развития рельефа кости; 3) суммарный средний балл (правой и левой костей).

Рис. 1. Расположение средневековых памятников на карте Армении.

С целью предварительной оценки краниометрических особенностей средневековых выборок из Армении в масштабе иных популяций был проведен межгрупповой канонический анализ. Краниологические материалы из памятников Бюракн и Уши не подверглись статистической обработке из-за асимметрии лицевого скелета и ограниченности доступных индивидуальных данных. Межгрупповое сопоставление 96 краниологических серий было проведено в два этапа. Все расчеты проводились в стандартных программах Microsoft Excel 2010 и Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург).

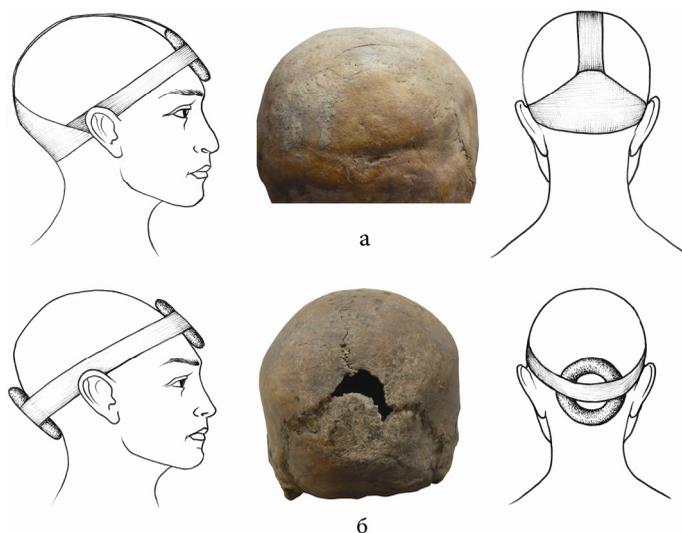
Результаты и обсуждение

1. Деформированные черепа из средневековых памятников Армении

Искусственная деформация головы представляет собой метод целенаправленного продолжительного внешнего механического воздействия на голову растущего ребенка. Самый ранний череп с искусственной кольцевой деформацией обнаружен на территории Армении в серии VIII–VI вв. до н.э. из поселения Норатус [Khudaverdyan, 2016]. Подобный тип деформации часто встречается среди населения II–III вв. н.э. провинции Ширак [Khudaverdyan, 2010]. Одновременно обычай искусственной деформации черепа существовал на территориях Грузии [Абдушлишвили, 1966] и Азербайджана [Касимова, 1960; Кириченко, 2013]. Вероятнее всего, он проникает на Южный Кавказ с волнами ираноязычных мигрантов. Традиция преднамеренной искусственной деформации черепа продолжает бытовать и в эпоху средневековья [Касимова,

1960; Худавердян и др., 2016; Khudaverdyan, 2012]. Возможно, указанная практика являлась пережитком феномена, который был распространен на территории Южного Кавказа в более раннюю эпоху. В основном изменения являются вариациями одного типа, полностью соответствующего описаниям кольцевой деформации, при которой повязки, формирующие череп, оборачиваются вокруг головы ребенка через лоб и затылок.

Мы наблюдали на черепах деформации двух подтипов: кольцевая лобно-затылочная, приближающаяся по форме к конусу, и кольцевая лобно-затылочная башенная. Были также зафиксированы две необычные формы прокладок на затылочных костях. Деформирующие воздействия поверхности затылка имели треугольную (рис. 2, а) и круговую (рис. 2, б) формы. Как видно на фотографии (рис. 2, б), медиальные части затылочной кости (в области опистион) симметрично вдавлены, причем образовавшиеся борозды сближаются друг с другом в вентральной части вдавления. Внутренняя часть вдавлена не так сильно. У пяти черепов из средневековых памятников Армении (Бюракн: № 2; Ованнаванк: № 2, 3, 5, 6) углубления по строению и местоположению сходны. У одного индивида из этой хронологической группы (Ованнаванк: № 1) заметно в этом местоположении вдавление треугольной формы (рис. 2, а). Наиболее выражены вдавления в области ламбды и симметричные угловые вдавления латеральной части затылочной кости. Внутренняя часть не сильно пострадала. Подобные виды деформирующих воздействий (на затылочных костях) по материалам более ранних эпох с территории Республики Армении не фиксировались. А.В. Громовым [2006] были обнаружены аналогичные вдавления округлой формы на некоторых черепах (на теменных, затылочных костях) из Осинкинского могильника (XI–XIII вв. н.э.). В отличие от черепов из Бюракна и Ованнаванка, на них не отмечено следов искусственного изменения формы черепной коробки в целом, большинство из них имели только следы локального воздействия.

Рис. 2. Реконструкция деформирующих воздействий поверхности черепа:
а — Ованнаванк, № 1; б — Бюракн, № 2.

Хорошо известно, что искусственная деформация головы может быть преднамеренной и непреднамеренной. Во многих работах приводятся примеры произвольной искусственной деформации головы у народов, применяющих для воспитания грудных детей жесткую колыбель. Полотнищами ткани ребенок так закрепляется в деревянной люльке («оророце» или «бешике»), что не может ни выпасть, ни сильно повернуться в ней, часто даже не может сильно поворачивать голову. Уплотненность, таким образом, формируется на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасающейся с теменем и затылком. Сопоставление различных форм колыбели с формой головы показывает, что в районах, где бытует колыбель типа «оророц», голова имеет значительно более круглую форму. Деформация колыбельного типа (затылочная деформация — *cradle deformation*) была обнаружена у индивидов из Армавира.

Вначале рассмотрим случаи преднамеренной искусственной деформации в средневековых выборках Бюракн и Ованнаванк.

Рельеф черепа № 1 из могильника Бюракан (♀, 40–45 лет) развит слабо (рис. 3). Швы на лобной и затылочной костях характеризуются дополнительными отростками, отходящими от боковых, а на теменной — шов зубчатый. У индивида наблюдается кольцевая лобно-затылочная деформация, приближающаяся по форме к конусу. При этом типе лобная кость наклонена кзади и вытянута вверх, теменно-затылочный отдел уплощен и вытянут вверх. Сверху мозговая коробка сфероидной формы, характеризуется как долихокранная, с большим продольным и малым поперечным диаметрами (табл. 1). Ширина затылка находится на границе средних и больших величин, с большими дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории средних и больших размеров. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лицо высокое. Высота носа очень большая, ширина — малая, указатель очень маленький (лепториния). Передняя носовая ость выступает слабо. Боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Орбиты высокие и широкие (мезоконхные). Проекционная длина нижней челюсти большая. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви средняя. Бугристость в области наружной поверхности угла (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) с обеих сторон выражена средне. Тело нижней челюсти низкое с очень большой толщиной.

Рис. 3. Кольцевая лобно-затылочная деформация, приближающаяся по форме к конусу (Бюракан, № 1).

Сверху черепная коробка индивида № 2 из могильника Бюракан (♂, 20–25 лет) сфероидной формы. Швы на темени и затылке (*sutura sagittalis*, *sutura lambdoidea*) зубчатые, лобный шов (*sutura metopica*) характеризуется дополнительными отростками, отходящими от боковых. У индивида наблюдается кольцевая лобно-затылочная деформация башенного типа. Воздействие тугой повязки привело к уплощению лобной кости и теменно-затылочного отдела. От давления циркулярной повязки на лобной кости остался след широкой уплощенной полоски, на затылочной кости — неглубокий желоб шириной 4 см. Зафиксировано также углубление в области сагиттальной линии. Циркулярная повязка вызвала уплощенность верхних отделов лобной и теменной костей, резкое увеличение кривизны теменных костей, принявших форму башни, а на затылке остался след от прокладки в форме круга (рис. 2, а). Мозговая коробка индивида характеризуется как мезокранная, с очень малым продольным и малым поперечным диаметром (табл. 1). Она очень высокая абсолютно и относительно по высотно-поперечному указателю (гипсикрания). Ширина основания черепа большая, затылок средней ширины, с малой дугой и средней хордой. Наружный затылочный выступ развит очень слабо. Величины теменной дуги и хорды очень малые и малые. Лоб очень узкий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Лобная дуга средняя, хорда большая. Надпереносье (балл 3) и надбровные дуги выражены средне. Скуловой диаметр находится на границе средних и больших величин. Лицо высокое, малое по значению верхней ширины и на уровне зигмаксиллярных точек. Горизонтальная профилировка как на верхнем уровне, так и на среднем довольно сильная. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен. Высота носа большая, ширина малая, указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина средняя, высота очень большая, указатель большой. Симотическая ширина средняя, высота большая, указатель большой. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Передняя носовая ость выступает сильно (балл 4). Правый боковой край грушевидного отверстия притуплен, левый не переходит в нижний край, а продолжается вниз, пространство внутри него образует с нижним краем предносовую ямку. Орбиты среднеширокие, средневысокие и мезоконхные. Длина неба очень ма-

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

лая, ширина выходит за нижнюю границу нормы. Длина и ширина альвеолярной дуги малые. Проекционная длина нижней челюсти большая. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Передняя ширина большая. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностями углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз и тело нижней челюсти средневысокие с очень большой толщиной.

Таблица 1

Индивидуальные размеры и указатели черепов из Армавира и Бюракан

№ по Мартину и др.	Признак	Армавир № 1-4	Армавир № 1-41	Армавир № 2 (03)	Бюракан № 1	Бюракан № 2
		♂	♂	♀	♀	♂
1	Продольный диаметр	190	191	181	177	169
8	Поперечный диаметр	140	137	138	131,5	135
8:1	Черепной указатель	73,69	71,73	76,25	74,294	79,89
17	Высотный диаметр от ба	135	123	121	—	146?
17:1	Высотно-продольный указатель	71,06	64,398	66,86	—	86,391
17:8	Высотно-поперечный указатель	96,43	89,79	87,69	—	105,798
20	Высотный диаметр от ро	126	119,5	116	—	—
20:1	Высотно-продольный указатель	66,32	62,57	64,09	—	—
20:8	Высотно-поперечный указатель	90,0	87,23	84,06	—	—
5	Длина основания черепа	106	98	95	—	102?
9	Наименьшая ширина лба	97	97,8	97,5	—	89
9:8	Лобно-поперечный указатель	69,29	71,39	70,66	—	65,93
10	Наибольшая ширина лба	128	115,5	120	—	113,5
11	Ширина основания черепа	119	119	117	123,5	129,9
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	85,0	86,87	84,79	93,92	96,23
12	Ширина затылка	113,5	110	108	107,5	111
29	Лобная хорда	119	113	110	112	115,5
30	Теменная хорда	120	109	100	114?	102?
31	Затылочная хорда	92	100,5	102	100?	95,5
23а	Горизонтальная окружность черепа	300	295	290	290	280
24	Поперечная дуга (ро-br-ро)	312	292	291	307	316
25	Сагиттальная дуга	330	337	320	325	312
26	Лобная дуга	134	128	126	120	124
27	Теменная дуга	135	120	109	125	118?
28	Затылочная дуга	111	131	128	117	109?
7	Длина затылочного отверстия	35	36	40	—	37?
16	Ширина затылочного отверстия	31,5	31	34	—	33,3
32	Угол профиля лба от п	79	85	81	—	75?
GM/FH	Угол профиля лба от g	75	81	79	—	70?
40	Длина основания лица	98	99	92	—	89,5?
40:5	Указатель выступания лица	92,46	101,03	96,85	—	87,75
45	Скуловой диаметр	129?	122	119,5	—	136,8
48	Верхняя высота лица	77	72	71,5	70	74,2
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	92,15	89,06	86,595	—	101,34
9:45	Лобно-скуловой указатель	75,194	80,17	81,59	—	65,06
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	57,04	58,54	59,091	—	50,83
48:45	Верхний лицевой указатель	59,69	59,02	59,84	—	54,24
43	Верхняя ширина лица	104	104,5	102,8	—	100
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	93,27	93,59	94,85	—	89,0
46	Средняя ширина лица	93,5	90?	85	—	94
60	Длина альвеолярной дуги	53,3	58	53	—	51,5
61	Ширина альвеолярной дуги	68,5	60,5	57	—	65,5
62	Длина неба	46,5	46,8	45	—	44,5
63	Ширина неба	33	31,8	29	—	34
63:62	Небный указатель	70,97	67,96	64,0	—	76,41
55	Высота носа	56	52,5	52,5	55?	54
54	Ширина носа	21?	21?	17?	22	23,5
54:55	Носовой указатель	37,5	40,0	32,39	40,0	43,52
51	Ширина орбиты от mf	44	44	40	426	43
51а	Ширина орбиты от d	41,2	42	37	37	38
52	Высота орбиты	35,5	33	34	35,5	33,8
52:51	Орбитный указатель (mf)	80,69	75,0	85,0	84,53	78,61
52:51а	Орбитный указатель (d)	86,17	78,58	91,892	95,95	88,95
MC	Максиллофронтальная ширина	21	20,5	17,5	—	17,5
MS	Максиллофронтальная высота	8,2	7	7	—	9
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	39,05	34,15	40,0	—	51,43
DC	Дакриальная ширина	22	24	21,5	—	22,8
DS	Дакриальная высота	14	13,2	10	—	13,5
DS:DC	Дакриальный указатель	63,64	55,0	46,52	—	59,22
SC	Симотическая ширина	9	12	8	—	9,5
SS	Симотическая высота	5	6	4,5	—	4,8
SS:SC	Симотический указатель	55,56	50,0	56,25	—	50,53
72	Общий лицевой угол	89	86	87	—	88?
73	Средний лицевой угол	88	86	86	—	86?
74	Угол альвеолярной части	92	92	92	—	94?
75(1)	Угол выступания носа	35	34	35	—	27?
77	Назомаллярный угол	131	131	141	—	136
<zm	Зигомаксиллярный угол	124	124	127	—	126
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	—	—	—	106,5?	112
79	Угол ветви н.ч.	—	—	—	30	33,5
68	Длина н.ч. от углов	—	—	—	76,5?	78,5

№ по Мартину и др.	Признак	Армавир № 1-4	Армавир № 1-41	Армавир № 2 (03)	Бюракн № 1	Бюракн № 2
		♂	♂	♀	♀	♂
70	Высота ветви	—	—	—	59,5	66,5
71а	Наименьшая ширина ветви	—	—	—	31,5?	32 (прав.)
65	Мышелковая ширина	—	—	—	—	—
66	Угловая ширина	—	—	—	—	—
67	Передняя ширина	—	—	—	—	48
69	Высота симфиза	—	—	—	—	33
69 (1)	Высота тела	—	—	—	25 (прав.)	30
69 (2)	Толщина тела	—	—	—	15,5 (прав.)	15
47	Полная высота лица	—	—	—	—	121,0
	Форма черепной коробки	Овоидная	Овоидная	Пентагон.	Сфеноид.	Сфеноид.
	Надпереносье (1–6)	1	1	1	1	3
	Надбровные дуги (1–3)	1	1	1	1	1
	Наружный затылочный бугор (0–5)	2	1	1	0	0
	Затылочные валики TOT (0–4)	1	2	2	0	1
	Позадисосцевидный отросток PR (0–4)	1	0	1	0	0
	Сосцевидный отросток (1–3)	2	2	1	2	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Антропин.	Преднос. ямки	Антропин.	Антропин.	Преднос. ямка (лев.)
	Передненосовая ось (1–5)	5	5	5	2	5

У исследованного индивида экспертиза выявила мышечную кривошею (рис. 4). Причинами врожденной кривошеи могут быть патологическое течение беременности и родов, аномальное положение плода, травма в перинатальном периоде, а приобретенной кривошеи у взрослых — эндокринные заболевания, хорей, опухоль головного мозга, нейроинфекции, нарушение кровотока по церебральным сосудам, центральный паралич и т.д. Перечислим основные признаки кривошеи у взрослых: патологический наклон головы в сторону, тугоподвижность шеи, невозможность самостоятельно придать голове правильное положение (требуется помощь рук), асимметрия лица (если заболевание возникло в раннем детском возрасте), произвольные движения головой, которые усиливаются при ходьбе, приподнятое положение плеча на стороне патологии, раннее формирование остеохондроза и межпозвонковых грыж [Davids et al., 1993; Golden et al., 1999; и т.д.]. Зафиксирована также корреляция между неправильным прикусом (асимметричный класс III), кривошеей и асимметрией основания черепа [Yuan et al., 2012].

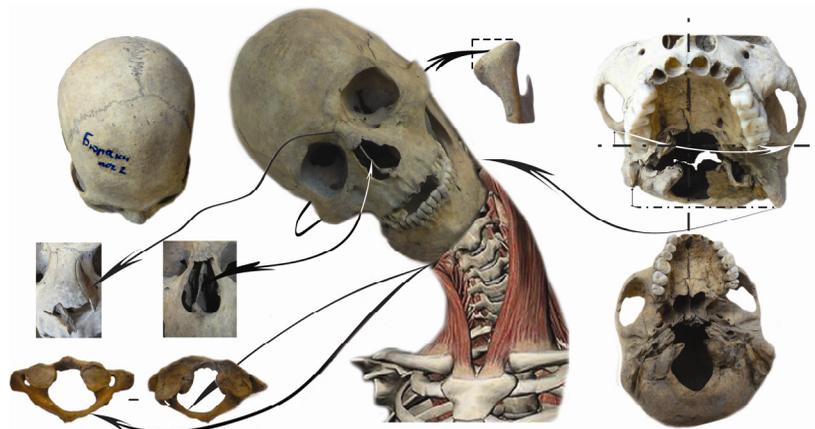

Рис. 4. Мышечная кривошея, морфологическая асимметрия мозгового отдела и лицевого скелета (Бюракн, № 2).

У мужчины наблюдается статическая (морфологическая) асимметрия мозгового отдела и лицевого скелета, характеризующаяся отличиями в строении, размере, пропорциях и форме отдельных элементов. Условными пределами этого отличия мы считаем 3–5° (в угловых величинах) и 2–3 мм (в линейных). Причиной такой асимметрии является нарушение развития кивательной (грудинно-ключично-сосцевидной) мышцы (рис. 4). Асимметрия у индивида правосторонняя. Смещение и ротация затылочно-височных, височно-клиновидных, клиновидно-лобных швов привело к смещению и ротации краев и углов теменных костей в соответствующих швах. Наблюдается также левостороннее смещение сагиттального шва (6 мм). Сосцевидные отростки развиты на правой стороне слабо (балл 2), а на левой — сильно (балл 5) (рис. 2, б). Правый

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

мышцелковый отросток нижней челюсти направлен вниз и внутрь. Правая часть верхней челюсти ротирована против часовой стрелки относительно оси, боковой фрагмент челюсти западает, смещен орально. Смещение и ротация верхнечелюстных костей приводят к такому же смещению и ротации положения носа. Наблюдается также искривление носовой перегородки (рис. 4). Как в цифровом выражении (табл. 2), так и в краниограммах (рис. 5) четко демонстрируются различия между правой и левой сторонами лица. Наиболее заметны различия в треугольниках № 2 (n-fmt-zm), № 3 (nl-zm-fmt), № 4 (nl-infor-zm), № 5 (pr-infor-zm), № 10 (n-ns-nl), № 11 (nl-infor-zpinf) и № 12 (infor-zpinf-zm). Как видно из приведенных данных, с увеличением угла fmt два других уменьшаются, причем в большей степени *nl*, и наоборот (треугольник № 2). Более высокие значения угла fmt фиксируются на левой стороне лица. Увеличение или уменьшение угла fmt происходит благодаря изменению верхней высоты лицевого скелета. С уменьшением угла *nl* (треугольник № 3) угол *zm* увеличивается, а увеличение угла *zm* уменьшается *fmt*, и наоборот. И здесь более высокие значения углов фиксируются на левой стороне лица. Следовательно, можно предположить, что взаимосвязь угловых параметров связана с изменением пропорциональных соотношений, асимметрией верхней и средней ширины лицевого скелета, т.е. с вертикальной ориентацией по отношению друг к другу точек *fmt* и *zm*. В треугольнике № 4 высокие значения углов фиксируются на правой стороне. Это отражает изменения в конфигурации скуловой области лицевого скелета (поворот в левую сторону). Ту же тенденцию в изменении формы скуловой области лицевого скелета демонстрируют углы треугольников № 5 и 11. В треугольнике № 12 при увеличении *zpinf* угол *zm* уменьшается, что влечет к увеличению *infor* (показатель расположения и конфигурации височного отростка скуловой кости). Здесь более высокие значения угла *infor* фиксируются на левой стороне лица.

Таблица 2

Угловые параметры лицевого скелета (в градусах)

Угол			Бюракн № 2	
			Левая	Правая
1	1	zm-n-zm	91	
	2	n-zm (прав.)-zm (лев.)	45	
	3	n-zm (лев.)-zm (прав.)	44	
2	4	n-fmt-zm	89	84
	5	zm-n-fmt	48	51
	6	n-zm-fmt	44	47
3	7	nl-zm-fmt	83	76
	8	zm-nl-fmt	51	46
	9	nl-fmt-zm	33	33
4	10	nl-infor-zm	85	87
	11	nl-zm-infor	44	51
	12	zm-nl-infor	42	44
5	13	pr-infor-zm	77	83
	14	zm-pr-infor	30	29
	15	pr-zm-infor	72	69
6	16	fmt- pr-zm	87	
	17	fmt (лев.)-fmt (прав.)-pr	63	
	18	fmt (прав.)-fmt (лев.)-pr	67	
7	19	pr-n-fmt	85	83
	20	fmt-zm-infor	35	34
8	21	zm-infor-fmt	88	88
	22	zm-fmt-infor	54	59
9	23	infor-n-infor	64	
	24	n-infor (прав.)-infor (лев.)	80	
	25	n-infor (лев.)-infor (прав.)	82	
10	26	n-ns-nl	60	64
	27	n-nl-ns	87	83
	28	ns-n-nl	15	16
11	29	nl-infor-zpinf	73	91
	30	nl-zpinf-infor	11	16
	31	zpinf-nl-infor	52	72
12	32	infor-zpinf-zm	85	69
	33	infor-zm -zpinf	40	48
	34	zm-infor-zpinf	22	24

Наблюдается четкая асимметрия неба. Так, правая часть неба (т.е. до срединного небного шва — *sutura palatina mediana*) имеет ширину 14 мм, левая — 20 мм. Фиксируются несращение срединного небного шва, прижизненные трещины на левой горизонтальной пластинке небной

кости (*lamina horizontalis ossis*) и на левой носовой полости (*cavitas nasi*) ближе к сошнику. При наличии несращения шва наблюдается неправильное расположение межчелюстной кости и расположенных в ней зубов. У индивида отмечаются оральный наклон правой стороны верхней челюсти, неправильное положение зубов (в частности, премоляров), при котором имеет место смещение зубов кнутри от зубной дуги, в небном направлении. При наклоне корни указанных зубов находятся в альвеолярном отростке, только их корона отклонена в сторону. Фиксируется также асимметрия зубов. Тип прикуса у индивида псалидодонтный.

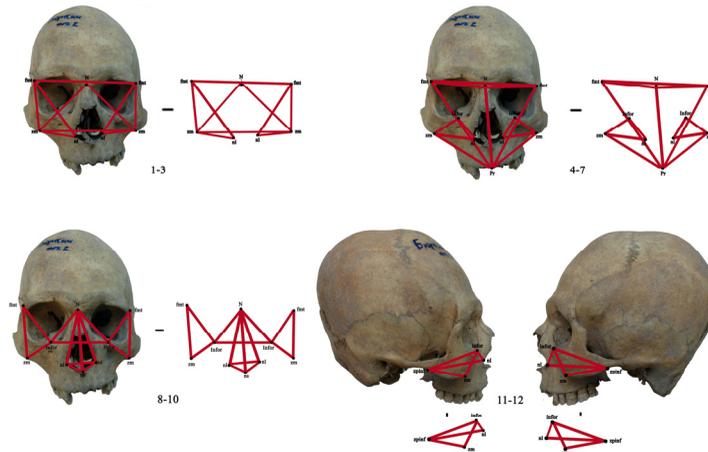

Рис. 5. Краниограммы лицевого скелета индивида с мышечной кривошеей (Бюракн, № 2).

Мезиодистальные размеры правых верхних первых и вторых моляров попадают в категорию малых и средних значений, левых — в категорию больших (табл. 3). Ширина коронки (VL) верхних моляров преобладает над ее длиной (MD). Величина третьего стэп-индекса, вычисленная по мезиодистальному диаметру (100 мм (пр.), 109,091 мм (лев.)), здесь выше рассчитанной по вестибулолингвальному (100 мм (пр.), 104,76 мм (лев.)). Мезиодистальные размеры шейки правого верхнего первого моляра попадают в категорию очень малых значений, левых — в категорию средних. А мезиодистальные размеры шейки правого нижнего второго моляра характеризуются большими значениями, левых — очень большими. Площади коронок левых верхних первых и вторых моляров больше, чем правых. Аналогична ситуация с левым нижним вторым моляром. А площадь коронки правого нижнего первого моляра больше, чем левого. Индекс коронки правых первых и вторых моляров верхней и нижней челюстей больше, чем левых. А индекс коронки левого третьего верхнего моляра выше, чем правого.

На верхнем правом клыке можно отметить слабо выраженную вестибулярную лопатообразность. На верхних первых премолярах размеры вестибулярного бугорка несколько больше (тип 2), чем лингвального. По шкале А.А. Зубова [1968b, с. 51–52] одонтоглифический узор коронки на правом первом премоляре находится между баллами 3 и 5, на левом — имеет низкий уровень дифференциации. На вторых премолярах лингвальный и вестибулярный бугорки приблизительно одинакового размера. Узор борозд жевательной поверхности имеет низкий уровень дифференциации. Первые верхние моляры не редуцированы. Дополнительные морфологические детали отсутствуют. На вторых молярах гипоконус не образует угла, уменьшен, вытянут, как бы срезан с дистально-лингвальной стороны (тип 4-). Дробление метаконуса наблюдается только на правом втором верхнем моляре (M²me). Эмалевый затек на вторых молярах отсутствует (балл 3). На третьих молярах гипоконус отсутствует. На резцах нижней челюсти краевые гребни лингвальной поверхности выражены очень слабо. Наблюдается ротация левого клыка, на клыках краевые гребни лингвальной поверхности были выражены очень слабо. Первые премоляры не дифференцированы, гребень на вторых премолярах рассечен межбугорковой бороздой, вместо лингвального бугорка имеется полукруглый пояс, а на пояске четко выражена вершина (балл 4).

Первые моляры нижней челюсти имеют 5-бугорковое строение с «У»-узором коронки. Дополнительные морфологические детали отсутствуют. Вторые моляры 5-бугорковые, с узором коронки на правом зубе «+», на левом — «Х». Эмалевый затек на вестибулярной стороне вто-

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

рого правого нижнего моляра оценивается баллом 4. Третий правый моляр 4-бугорковый с «У» узором коронки. Из дополнительных особенностей здесь отмечена передняя ямка в мезиальном отделе.

Таблица 3

Размеры зубов индивида № 2 из Бюракан

	Верхняя челюсть		Нижняя челюсть	
	Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}			
	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
I1	—	—	6,2*	6,8?
I2	—	—	6,2?	6,5?
C	8,2	—	7,5	7,8
P1	8,2	8,5	7,2	7,2
P2	8,8	9	8	8,2
M1	11	11,5	11	10,5
M2	11,2	11,5	11	11
M3	10	10	9,9	—
Мезиодистальный диаметр MD_{cor}				
I1	—	—	5,2	5
I2	—	—	5,8	5,8
C	7,8	—	7	7,2
P1	7	7	6,5	6,8
P2	7	6	7	7,5
M1	10	11	11	11
M2	9	10	11	12
M3	7,2	7	10	—
Высота коронки H_{cor}				
M1	6	6,8?	5	4,2
M2	6	5,8	5	5
M3	4	4,2	4	—
Мезиодистальный диаметр шейки MD_{col}				
M1	7	8	9	8,8
M2	7,8	8	9,8	10
M3	5	5,2	8	—
Площадь коронки MD×VL				
M1	110	126,5	121	115,5
M2	100,8	115	121	132
M3	72	70	99	—
Индекс коронки I_{cor} (VL/MD)×100				
M1	110	104,55	100	95,46
M2	124,45	115	100	91,67
M3	138,89	142,86	99	—
Модуль коронки m_{cor} MD+VL/2				
M1	10,5	11,25	11	10,75
M2	10,1	10,75	11	22,25
M3	8,6	8,5	9,95	—

* Вопросительный знак из-за зубного налета.

Асимметрия затронула и первый шейный позвонок С1 (атлант) (рис. 4). Различия между боковыми массами позвонка существенны. Между асимметрией черепа и атланты имеется тесная взаимосвязь. Наблюдаются перелом и истощения правого поперечного отростка первого позвонка. Вероятно, перелом отростка обусловлен резким движением или сильным сокращением мышц.

У трех индивидов из Ованнаванка искусственная деформация головы башенного типа (черепа № 2, 4, 5) (рис. 6), у четырех — в форме конуса (черепа № 1, 3, 6, 7).

Рис. 6. Кольцевая лбно-затылочная деформация башенного типа (Ованнаванк, № 2).

Средние размеры и указатели позднесредневековых деформированных черепов из Ованнаванка

№ по Мартину и др.	Признак	♂				♀	
		n	x	min-max	s	n	x
1	Продольный диаметр	3	167,0	165-168	1,7	1	170
8	Поперечный диаметр	4	139,88	137,5-141	1,6	2	146,0
8:1	Черепной указатель	3	83,58	81,9-85,5	1,8	1	86,48
17	Высотный диаметр от ba	3	137,34	134-143	4,9	2	130,0
17:1	Высотно-продольный указатель	3	82,27	79,8-86,7	3,8	1	77,06
17:8	Высотно-поперечный указатель	3	98,44	96,5-101,5	2,6	2	89,05
20	Высотный диаметр от ро	3	126,67	124-131	3,7	2	118,5
20:1	Высотно-продольный указатель	3	75,88	73,9-79,4	4,7	1	70,0
20:8	Высотно-поперечный указатель	3	90,8	88,6-92,91	2,1	2	81,17
5	Длина основания черепа	3	98,5	97-101	2,1	1	97
9	Наименьшая ширина лба	3	95,67	89-102	6,5	1	90,5
9:8	Лобно-поперечный указатель	3	68,59	63,6-72,35	4,5	1	61,57
10	Наибольшая ширина лба	3	122,0	119-126	3,6	2	120,0
11	Ширина основания черепа	4	121,25	116-127	4,5	2	125,0
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	4	86,74	82,3-90,8	3,7	2	85,66
12	Ширина затылка	4	110,03	108-112	2,0	2	110,5
29	Лобная хорда	3	108,34	106-110	2,0	1	110
30	Теменная хорда	4	102,25	93,5-111	7,3	2	102,5
31	Затылочная хорда	4	99,25	92,5-105	6,1	2	95
23a	Горизонтальная окружность черепа	3	271,67	270-275	2,8	1	275
24	Поперечная дуга (ро-бг-ро)	4	307	302-310	3,8	2	313,0
25	Сагиттальная дуга	3	307,67	305-310	2,5	1	318
26	Лобная дуга	3	117,5	115-120	2,5	1	121
27	Теменная дуга	4	115,13	104,5-126	9,6	2	117
28	Затылочная дуга	4	115,25	105-129	10,4	2	109,5
32	Угол профиля лба от n	3	80,67	76-85	4,5	1	82
GM/FH	Угол профиля лба от g	3	76	71-81	5,0	1	80
45	Скуловой диаметр	3	131,67	126-136	5,1		126
48	Верхняя высота лица	3	74,7	70,5-76,8	3,6	1	62
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	3	94,43	89,4-98,91	4,7	1	85,72
9:45	Лобно-скуловой указатель	3	72,83	66,92-80,96	7,2	1	71,83
48:45	Верхний лицевой указатель	3	56,73	55,96-57,75	0,9	1	49,21
43	Верхняя ширина лица	3	104,34	98-108	5,5	1	96
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	3	91,68	88,89-95,33	3,3	1	94,28
46	Средняя ширина лица	3	94,1	88,3-102	7,0	1	89
60	Длина альвеолярной дуги	3	52,6	46-57,8	6,0	1	49?
61	Ширина альвеолярной дуги	3	60,4	60-61,2	0,6	1	51?
62	Длина неба	3	43,5	38-49	5,5	1	36,5?
63	Ширина неба	3	32,67	31-34	1,5	1	31
63:62	Небный указатель	3	75,61	69,39-81,58	6,0	1	84,94
55	Высота носа	3	55,67	51-59	4,1	1	53
54	Ширина носа	3	23,0	21-26	2,6	1	21?
54:55	Носовой указатель	3	41,58	39,48-44,07	2,3	1	39,63
51	Ширина орбиты от pf	3	42,5	40,5-44	1,8	1	40,5
51a	Ширина орбиты от d	3	39,5	37-41	2,1	1	37,8
52	Высота орбиты	3	38,0	36,5-40,5	2,1	1	36,8
52:51	Орбитный указатель (mf)	3	89,67	82,96-100,0	9,0	1	90,87
52:51a	Орбитный указатель (d)	3	96,62	89,03-109,46	11,1	1	97,366
MC	Максиллофронтальная ширина	3	19,3	17,2-20,5	1,8	1	17
MS	Максиллофронтальная высота	3	9,0	7-11	2,0	1	7,5
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	3	46,36	40,7-54,46	7,1	1	44,12
DC	Дакриальная ширина	3	24,0	22-27	2,6	1	18,2
DS	Дакриальная высота	3	14,17	12-17,5	2,9	1	12,5
DS:DC	Дакриальный указатель	3	58,64	54,55-64,82	5,4	1	68,69
SC	Симотическая ширина	3	10,74	8,2-14	2,9	1	9
SS	Симотическая высота	3	6,27	5-8,8	2,1	1	4,8
SS:SC	Симотический указатель	3	57,23	50,0-62,86	6,5	1	53,34
72	Общий лицевой угол	3	84,34	80-87	3,7	1	95?
73	Средний лицевой угол	3	82,67	79-85	3,2	1	92
74	Угол альвеолярной части	3	92,67	88-98	5,0	1	106??
75(1)	Угол выступления носа	3	29,67	26-32	3,2	1	29
77	Назональный угол	3	139,34	131-153	11,9	1	141
<zп	Зигомаксиллярный угол	3	118,34	108-126	9,2	1	134
68(1)	Длина н.ч. от мыщелков	3	103,34	100-108	4,1	1	97
79	Угол ветви н.ч.	3	36,4	29,2-45	7,9	1	30,5
68	Длина н.ч. от углов	3	75,94	72-82,8	5,9	1	73
70	Высота ветви	3	61,6	54-67	6,7	1	62,5
71a	Наименьшая ширина ветви	3	30,84	30-32	1,0	1	29,8
65	Мыщелковая ширина	3	113,34	111-117	3,2	1	110
66	Угловая ширина	3	102,9	101-106,2	2,8	1	94
67	Передняя ширина	3	44,84	41,5-50	4,5	1	43
69	Высота симфиза	3	29,84	29,5-30,5	0,5	1	27
69(1)	Высота тела	3	25,0	23,5-26	1,3	1	17
69(2)	Толщина тела	3	13,84	12-17	2,7	1	11

Мужские черепа из могильника Ованнаванк брахикранные, с очень малым продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 4). Они высокие и очень высокие, высотно-поперечные

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

и высотно-продольные указатели характеризуются большими величинами (акрокран, гипсикран). Затылок средней ширины, со средними дугой и хордой. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории очень малых и малых размеров. Лоб среднеширокий (9) и широкий (10), лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды малые и очень малые. Скуловой диаметр среднеширокий. Лицевая часть черепа мезогнатная, высокая. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых и очень малых величин, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Верхнелицевой указатель попадает в категорию лептен. Высота носа большая, ширина малая, указатель маленький (лепториния). Дакриальная высота очень большая, ширина большая, указатель большой. Симотическая высота очень большая, ширина и указатель большие. Орбиты очень высокие и среднеширокие (гипсиконхные). Длина неба малая, ширина находится на нижней границе нормы. Длина альвеолярной дуги средняя, ширина малая. Проекционная длина нижней челюсти средняя. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Передняя ширина средняя. Симфиз и тело в основном низкие с очень большой толщиной. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 32 (из 74) признаков и указателей [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только восемью признаками и указателей: 46, 60, 62, 9:45, 77, <zm, 52:51, 52:51a.

Мозговая коробка деформированных женских черепов также брахикранная, с очень большим поперечным и средним продольным диаметрами (табл. 4). Она средневысокая, по высотно-поперечному указателю тапейнокранная. Затылок широкий, со средними дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды малые. Сосцевидные отростки слаборазвитые. Наименьший лобный диаметр оценивается как малый, а наибольший лобный — как очень большой. Величины лобных дуги и хорды средние и большие. Скуловой диаметр средний. Лицо низкое, малое по значению верхней ширины и на уровне зигмаксиллярных точек. Горизонтальная профилировка ослаблена на верхнем уровне (находится в категории средних величин), на среднем довольно сильная. Выступание носа значительное. Верхнелицевой указатель попадает в категорию зурриен. Высота носа большая, ширина очень малая. Носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина малая, высота очень большая, указатель также очень большой. Симотическая ширина средняя, высота очень большая, указатель также очень большой. Передняя носовая ость выступает сильно. Боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Орбиты среднеширокие, высокие и гипсиконхные. Длина и ширина неба, а также длина и ширина альвеолярной дуги оцениваются как малые и очень малые. Проекционная длина нижней челюсти малая. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Передняя ширина малая. Симфиз невысокий, тело нижней челюсти выходит за нижнюю границу нормы, толщина тела средняя.

Нельзя обойти вниманием и случаи непреднамеренной деформации головы (рис. 7). Четкие следы деформации колыбельного типа отмечены у всех индивидов из памятника Армавир.

Рис. 7. Непреднамеренная деформация головы (Армавир, № 1-4).

Мозговая коробка мужских черепов характеризуется как долихокранная, с большим продольным и малым поперечным диаметрами (табл. 1). Она низкая, по высотно-поперечному указателю метриокранная. Ширина затылка находится на границе средних и больших величин. Затылок с большой дугой и средней хордой. Теменная дуга относится к категории малых, хорды — больших значений. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Надпереносье и надбровные дуги выражены незначительно. Скуловой диаметр находится на

границе очень малых и малых величин. Лицо высокое, ортогнатное, по указателю лептенное с сильной горизонтальной профилировкой. Высота носа большая, ширина очень малая, указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина средняя, высота очень большая, указатель также очень большой. Симотическая ширина большая, высота очень большая, указатель большой. Ширина неба очень малая. Длина альвеолярной дуги большая, а ширина средняя. Глазницы широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Угол выступания носа большой.

Непреднамеренная деформация затылочной области зафиксирована и на женском черепе из Армавира. Мозговая коробка индивида характеризуется мезокранией, с большим продольным, средним поперечным диаметрами. Она низкая, величина высотно-поперечного указателя характеризуется средними величинами (хамекран). Величина высотно-продольного указателя малая (тапейнокран). Затылок широкий, с очень большими дугой и хордой. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории очень малых и малых размеров. Сосцевидный отросток слабо развитый. Лоб большой, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды очень большие. Лицевая часть черепа ортогнатная, лицо очень узкое и высокое, по указателю лептенное с ослабленной горизонтальной профилировкой, особенно в верхней части. Высота носа большая, ширина очень малая. Носовой указатель маленький (лепториния). Угол выступания носа большой. Дакриальная высота и ширина средние, указатель также средний. Симотическая ширина средняя, высота и указатель очень большие. Передняя носовая ость выступает сильно. Боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Орбиты среднеширокие и средневысокие, по указателю гипсиконхные. Ширина неба очень малая, длина средняя. Длина альвеолярной дуги средняя, а ширина малая.

2. Недеформированные черепа из средневековых памятников Армении

К раннему средневековью относятся черепа из памятника Двин. Погребение женщины, исследованное экспедицией 1978 г., датируется V–VI вв., остальные — IX–XI вв. (экспедиция 2016 г.) и XII–XIII вв. (экспедиция 2013 г.). Мозговая коробка женских индивидов брахикранная, с очень большим поперечным и большим продольным диаметрами (табл. 5). Она высокая, величина высотно-поперечного указателя находится в пределах средних величин (метриокран). Величина высотно-продольного указателя малая (ортокран). Затылок очень широкий, с очень большими дугой и хордой. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории средних размеров. Размер лба на границе средних и больших величин, лобно-поперечный указатель средний (мезозем). Величины лобных дуги и хорды средние. Лицо широкое, средневысокое. Углы горизонтальной и вертикальной профилировок находятся в категории малых и средних значений. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен. Высота носа малая, ширина средняя. Носовой указатель средний (хамериния). Дакриальная высота очень большая, ширина средняя, указатель малый. Симотическая ширина и высота большие, указатель средний. Орбиты низкие и среднеширокие (мезоконхные). Небо узкое, длина средняя. Длина альвеолярной дуги очень большая, ширина средняя. Сравнение дисперсий обнаруживает повышение у девяти размеров (8, 10, 43, 26, 29, 30, 23а, 8:1, 9:43), но достоверное преобладание эмпирических дисперсий зафиксировано только у лобной дуги (26) и верхней ширины лица (43).

У индивидов мужского пола из Двина целый ряд размерных характеристик черепа выходят за пределы стандартных вариаций [Алексеев, Дебец, 1964], что говорит о существенных отклонениях от нормальной морфологии мозгового и лицевого отделов [Худавердян и др., 2017]. Так, мозговая коробка индивидов характеризуется как брахикранная, со средним поперечным и выходящим за нижнюю границу нормы продольным диаметром. Она низкая абсолютно и относительно по высотно-поперечному указателю (тапейнокрания). Затылок узкий, с очень малой и малой хордой и дугой. Теменная дуга и хорда имеют малую и очень малую величины. Лоб узкий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды малые. Скуловой диаметр очень малый. Лицо низкое, очень малое по значению верхней ширины и на уровне зигмаксиллярных точек. Горизонтальная профилировка ослаблена на верхнем уровне, на среднем довольно сильная. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен, что свидетельствует о среднем верхнем отделе лица. Высота носа малая, ширина очень малая. Носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина малая, высота средняя, указатель большой. Симотическая ширина малая, высота средняя, указатель большой. Орбиты узкие, невысокие и мезоконхные. Ширина неба выходит за нижнюю границу нормы. Длина и ширина альвеолярной дуги очень малые. Сравнение дисперсий выявило повышение изменчивости

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

у 13 признаков в мужской группе, однако статистически достоверно только у пяти маркеров (10, 26, 11:8, DS:DC, SS:SC).

Таблица 5

Средние размеры и показатели средневековых черепов из Двина

№ по Марти-ну и др.	Признак	♀				♂ Микроцефалы			
		n	x	min-max	s	n	x	min-max	s
1	Продольный диаметр	3	176,84	168,5-181	2,6	3	158,84	153,5-163,5	5,0
8	Поперечный диаметр	3	144,34	138-151	6,5	3	139,5	136-146	5,6
8:1	Черепной указатель	3	81,72	76,3-85,5	4,8	3	87,89	83,2-91,6	4,2
17	Высотный диаметр от ба	1	131? —	—	—	3	127,34	126-130	2,3
17:1	Высотно-продольный указатель	1	72,37 —	—	—	3	80,23	77,1-82,1	2,7
17:8	Высотно-поперечный указатель	1	94,93 —	—	—	3	91,34	89,1-92,7	1,9
20	Высотный диаметр от ро	1	120 —	—	—	3	120,0	118-123	2,6
20:1	Высотно-продольный указатель	1	66,299 —	—	—	3	75,59	72,8-77,2	2,2
20:8	Высотно-поперечный указатель	1	86,96 —	—	—	3	86,07	84,3-87,5	1,6
5	Длина основания черепа	1	95 —	—	—	3	93,5	90-95,5	3,0
9	Наименьшая ширина лба	3	95,67	93-100	3,7	3	92,0	89-96	3,6
9:8	Лобно-поперечный указатель	3	66,32	64,6-68,2	1,7	3	65,97	65,3-66,92	0,8
10	Наибольшая ширина лба	3	120,5	114-127,5	6,7	3	118,5	114-127,5	7,7
11	Ширина основания черепа	2	122,75	118,5-127	—	3	118,34	117-119	1,1
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	2	84,99	85,9-84,2	—	3	79,66	65,8-87,2	12,1
12	Ширина затылка	2	113,5	112-115	—	3	103,34	100-107	3,5
29	Лобная хорда	3	108,34	104-114	5,1	3	105,34	100-111	5,0
30	Теменная хорда	3	108,84	101-113? —	6,7	3	100,34	96-103	3,7
31	Затылочная хорда	2	101	98?-104	—	3	85,67	82-89	3,5
23a	Горизонтальная окружность черепа	3	290	275-310	18,0	3	270,0	250-285	18,0
24	Поперечная дуга (po-br-po)	2	315	305-325	—	3	305,67	297-322	14,1
25	Сагиттальная дуга	3	319,34	313-325	6,0	3	298,34	290-310	10,4
26	Лобная дуга	3	124,67	117-135	9,2	3	119,84	112-128	8,0
27	Теменная дуга	3	120,34	115-124	4,7	3	115,34	113-120	4,0
28	Затылочная дуга	2	122	121-123	—	3	99,67	92-106	7,0
32	Угол профиля лба от n	1	96 —	—	—	3	85	85	0
GM/FH	Угол профиля лба от g	1	95 —	—	—	3	81,34	80-84	2,3
45	Скуловой диаметр	1	131? —	—	—	3	120,34	116-123	3,7
48	Верхняя высота лица	1	67,0 —	—	—	3	64,17	63-65,5	1,2
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	1	86,76 —	—	—	3	86,34	83,6-90,5	3,6
9:45	Лобно-скуловой указатель	1	76,34 —	—	—	3	76,47	73,99-78,7	2,3
48:45	Верхний лицевой указатель	1	51,15 —	—	—	3	53,397	51,3-55,2	1,9
43	Верхняя ширина лица	3	102,67	96-109	6,5	3	98	96-101	2,5
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	3	93,29	90,3-96,9	3,3	3	93,54	92,8-95,05	1,3
46	Средняя ширина лица	1	92 —	—	—	3	85,5	83-88	2,5
60	Длина альвеолярной дуги	1	56,5 —	—	—	2	49,5	48-51	—
61	Ширина альвеолярной дуги	1	60 —	—	—	3	57,67	56-59	1,5
62	Длина неба	1	45 —	—	—	3	40,84	39,5-42	1,2
63	Ширина неба	1	31 —	—	—	3	29,0	27,2-32	2,6
63:62	Небный указатель	1	68,89 —	—	—	3	71,04	66,2-78,05	6,2
55	Высота носа	1	47 —	—	—	3	48,5	46,5-50	1,8
54	Ширина носа	1	24,5 —	—	—	3	20,6	18,8-22	1,6
54:55	Носовой указатель	1	52,13 —	—	—	3	42,44	40,44-44,0	1,8
51	Ширина орбиты от mf	2	41,0	38,5-43,5	—	3	39,74	39,5-40,2	0,4
51a	Ширина орбиты от d	2	37	36,5-37,5	—	3	36,17	36-36,5	0,2
52	Высота орбиты	2	32,25	31-33,5	—	3	32,67	31,5-34	1,2
52:51	Орбитный указатель (mf)	2	78,85	77,1-80,6	—	3	80,894	75,8-86,08	5,1
52:51a	Орбитный указатель (d)	2	87,17	84,94-89,4	—	3	88,43	87,5-90,28	1,6
MC	Максиллофронтальная ширина	2	23,5	20,5-26,5	—	3	17,34	14-23	4,9
MS	Максиллофронтальная высота	2	5	—	—	3	7,17	5,5-9	1,7
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	2	21,65	18,9-24,4	—	3	44,64	23,92-60,0	18,6
DC	Дакриальная ширина	2	26,25	22,5-30	—	3	20,5	17,5-24,5	3,6
DS	Дакриальная высота	2	10,45	9,9-11	—	3	11,5	9,5-13	1,8
DS:DC	Дакриальный указатель	2	40,75	33,0-48,5	—	3	58,01	38,8-68,58	16,6
SC	Симотическая ширина	2	9,75	9,5-10	—	3	7,27	6-8,8	1,4
SS	Симотическая высота	2	3,75	3-4,5	—	3	3,67	2,2-5,8	1,8
SS:SC	Симотический указатель	2	38,3	31,6-45,0	—	3	52,62	25,0-82,86	29,0
72	Общий лицевой угол	1	86 —	—	—	3	86,34	84-89	2,5
73	Средний лицевой угол	1	89 —	—	—	3	85,34	81-88	3,7
74	Угол альвеолярной части	1	80 —	—	—	3	90,34	88-95	4,0
75(1)	Угол выступания носа	1	21 —	—	—	2	29,5	23-36	—
77	Назомаллярный угол	2	139	136-142	—	3	143,34	142-146	2,3
<zml	Зигомаксиллярный угол	1	131 —	—	—	3	129,67	126-134	4,0
68(1)	Длина н.ч. от мышечков	1	96 —	—	—	2	91,9	89-94,8	—
79	Угол ветви н.ч.	1	27 —	—	—	2	31,5	—	—
68	Длина н.ч. от углов	1	76 —	—	—	2	73,5	70,5-76,5	—
70	Высота ветви	1	61 —	—	—	2	56,0	55-57	—
71a	Наименьшая ширина ветви	1	30 —	—	—	2	31	—	—
65	Мыщелковая ширина	1	114,5 —	—	—	2	104,5	104-105	—
66	Угловая ширина	1	87,2 —	—	—	2	86,5	81-92	—
67	Передняя ширина	1	45 —	—	—	2	40,75	40-41,5	—
69	Высота симфиза	1	30,5 —	—	—	2	30,0	27-33	—
69(1)	Высота тела	1	25 —	—	—	2	23,9	23-24,8	—
69(2)	Толщина тела	1	14 —	—	—	2	16,1	15-17,2	—

Выбор признаков для индивидов из памятника Уши был в определенной степени ограничен наличием доступных индивидуальных данных (табл. 6). В мужской группе лицо у индивидов средневысокое, среднее по значению верхней ширины и малое на уровне зигомаксиллярных точек. Высота носа находится на границе малых и средних величин, ширина средняя. Носовой указатель большой (хамериния). Орбиты средневысокие и среднеширокие (мезоконхные). Углы нижней челюсти развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Тело нижней челюсти низкое со средней толщиной. В женской группе высота и ширина носа характеризуются средними значениями. Носовой указатель средний (мезориния). Орбиты средневысокие. Передняя ширина нижней челюсти малая, высота симфиза средняя.

Таблица 6

Индивидуальные размеры и указатели позднесредневековых черепов из Уши

№ по Мартину и др.	Признак	♂	♂	♀	♀
48	Верхняя высота лица	69	—	—	—
43	Верхняя ширина лица	104,5	—	—	—
46	Средняя ширина лица	92	—	—	—
60	Длина альвеолярной дуги	48	52,5	—	—
61	Ширина альвеолярной дуги	62	63	—	—
62	Длина неба	41	44,5	—	—
63	Ширина неба	34	35	—	—
63:62	Небный указатель	82,93	78,66	—	—
55	Высота носа	50,5	—	—	50
54	Ширина носа	26	26	—	24,5
54:55	Носовой указатель	51,49	—	—	49,0
51	Ширина орбиты от mf	41	43	41	40
51a	Ширина орбиты от d	38,5	—	38,8	—
52	Высота орбиты	31	36	—	—
52:51	Орбитный указатель (mf)	75,61	83,73	—	—
52:51a	Орбитный указатель (d)	80,52	—	—	—
SC	Симотическая ширина	—	—	—	10
SS	Симотическая высота	—	—	—	7
SS:SC	Симотический указатель	—	—	—	70,0
<zm	Зигомаксиллярный угол	—	132	—	—
71a	Наименьшая ширина ветви	31	—	27	—
66	Угловая ширина	85	—	—	—
67	Передняя ширина	49	43	—	42
69	Высота симфиза	25	26,5	32	29,9
69 (1)	Высота тела	28	27,5	25	—
69 (2)	Толщина тела	10	14	15	—

3. Особенности посткраниального скелета средневекового населения Армении

Ввиду неравномерной представленности материала посткраниальными скелетами (Уши: 8 ♂, 2 ♀; Двин: мужчина-карлик [Худавердян и др., 2017] и 1 ♀ (раскопки 2013 г.) мы можем пока дать лишь приблизительные остеологическую характеристику и реконструкцию конституционального габитуса. Тем не менее этот малочисленный и плохо сохранившийся костный материал является единственной возможностью хоть в какой-то степени описать физические особенности средневекового населения Армении. Межмышцелковые отверстия (foramen intercondyloideum s. supratrochleare) были зафиксированы на правых плечевых костях у трех индивидов (2 ♂, 1 ♀) из Уши. Эти морфологические образования на плечевых костях выявлены и у женщины из Двина. На берцовых костях у четырех индивидов (3 ♂ из Уши и 1 ♀ из Двина) фиксируются дополнительные суставные площадки.

В женской части выборки все продольные размеры длинных костей конечностей попадают в рубрику малых величин, в мужской — средних, за исключением большой длины малой берцовой кости (табл. 7). Наименьшая окружность диафиза плечевых костей женских скелетов суммарно характеризуется как очень малая. Указатель прочности в двух случаях (Уши) средний, в одном (Двин) — малый. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы (зуrolения). Только для женщины из Двина характерна платоления. Таким образом, типично уплощение диафиза левой локтевой кости в латеральном направлении. Указатель поперечного сечения для правых локтевых костей довольно большой. Лучевые кости малой длины, грацильные (Двин). Наблюдается ниже среднего значение указателя сечения лучевой кости, характерно уплощение диафиза в переднезаднем на-

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

правлении. На бедренных костях пиястр развит слабо. Проксимальная часть диафиза по суммарной средней характеризуется уплощенностью (платимерия). Большие берцовые кости имеют наименьшую окружность ниже средней. Форма диафиза уплощена в переднезаднем направлении (эурикнемия).

Таблица 7

Остеометрические признаки средневековых скелетов из раскопок памятников Двин и Уши

Признаки	Двин, Уши ♀						Уши ♂					
	Правая			Левая			Правая			Левая		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость (Humerus)												
1. Наибольшая длина	—	—	—	3	292,0	6,5	—	—	—	—	—	—
2. Общая длина	—	—	—	3	289,0	6,2	—	—	—	—	—	—
3. Ширина верхнего эпифиза	1	48	—	3	44,5	3,5	1	52	—	1	50	—
4. Ширина нижнего эпифиза	3	55,83	5,2	3	55,34	4,0	2	59	—	2	60,5	—
5. Наибольший ∅ середины диафиза	1	22,5	—	3	20,34	2,0	6	23,59	2,7	4	23,13	2,8
6. Наименьший ∅ середины диафиза	1	18	—	3	15,84	2,2	6	19,87	2,9	4	18,75	2,3
7. Наименьшая окружность диафиза	1	48	—	3	52,0	4	3	67	1,7	3	64,67	6,6
7a. Окружность середины диафиза	1	63	—	3	56,67	5,0	6	69,5	8,3	3	71,67	5,6
7:1. Указатель прочности	—	—	—	3	17,69	1,3	—	—	—	—	—	—
6:5. Указатель поперечного сечения	1	80,0	—	3	87,57	7,4	6	84,03	6,0	4	81,14	3,5
Локтевая кость (Ulna)												
1. Наибольшая длина	2	236,5	—	1	233	—	—	—	—	—	—	—
2. Физиологическая длина	2	212,0	—	1	210	—	—	—	—	—	—	—
3. Наименьшая окружность диафиза	3	33,34	5,6	2	30,0	—	1	42	—	3	39,34	3,2
11. Сагиттальный ∅ диафиза	3	10,67	1,5	2	9,85	—	3	13,57	2,1	—	—	—
12. Поперечный ∅ диафиза	3	12,8	0,4	2	13,9	—	3	16,6	1,0	—	—	—
13. Верхний поперечный ∅ диафиза	3	13,77	0,7	1	15	—	3	17,43	1,7	2	17,1	—
14. Верхний сагиттальный ∅ диафиза	3	17,0	0,8	—	18,8	—	3	19,67	2,0	2	19,0	—
3:2. Указатель прочности	2	15,31	—	1	13,34	—	—	—	—	—	—	—
11:12. Указатель поперечного сечения	3	81,71	10,3	2	70,79	—	3	77,01	8,6	—	—	—
13:14. Указатель плателени	3	81,47	4,3	1	79,79	—	3	88,73	4,3	2	88,27	—
Лучевая кость (Radius)												
1. Наибольшая длина	2	219	—	1	217	—	1	245	—	1	252	—
2. Физиологическая длина	2	213,35	—	1	207,2	—	1	234,5	—	1	237	—
3. Наименьшая окружность диафиза	2	35,0	—	1	32	—	2	43,5	—	2	41,5	—
4. Поперечный ∅ диафиза	2	14,5	—	1	13	—	5	15,72	1,9	3	16,94	0,9
5. Сагиттальный ∅ диафиза	2	9,5	—	1	9	—	5	11,4	1,5	3	12,34	2,0
3:2. Указатель прочности	2	16,33	—	1	15,45	—	1	19,62	—	1	20,26	—
5:4. Указатель поперечного сечения	2	65,87	—	1	69,24	—	5	73,25	5,4	3	72,55	8,7
Бедренная кость (Femur)												
1. Наибольшая длина	2	406,0	—	1	400	—	—	—	—	—	—	—
2. Длина в естественном положении	2	397	—	1	393,5	—	—	—	—	—	—	—
6. Сагиттальный ∅ середины диафиза	3	24,57	2,1	3	25,0	3,1	2	27	—	3	27,67	2,0
7. Поперечный ∅ середины диафиза	3	25,34	1,5	3	25,57	0,9	2	29,85	—	3	29,67	2,7
8. Окружность середины диафиза	3	76,67	4,1	3	77,0	4,3	2	87,5	—	3	88,34	7,5
9. Верхний поперечный ∅	3	27,0	4,0	2	28,0	—	2	30,75	—	2	33,5	—
10. Верхний сагиттальный ∅	3	21	1,2	2	21,4	—	2	26,0	—	2	26,5	—
21. Ширина нижнего эпифиза	3	71,94	3,1	1	70,5	—	3	69,17	14,9	—	—	—
8:2. Указатель массивности	2	18,89	—	1	18,298	—	—	—	—	—	—	—
6:7. Указатель пиястрии	3	96,89	3,9	3	94,35	6,1	2	90,38	—	3	93,38	2,5
10:9. Указатель платимерии	3	76,13	6,0	2	79,94	—	3	80,23	7,3	2	85,74	—
Большая берцовая кость (Tibia)												
1. Полная длина	1	341	—	1	344	—	—	—	—	—	—	—
1a. Наибольшая длина	1	302	—	1	302	—	—	—	—	—	—	—
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	1	64,5	—	2	66,85	—	1	71,5	—	—	—	—
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	2	43,0	—	2	40,25	—	2	47	—	3	48,6	4,2
8. Сагиттальный ∅ середины диафиза	3	24,67	1,5	3	25,07	1,1	1	35	—	3	29,93	6,1
8a. Сагиттальный ∅ на уровне пит. отв.	2	28,25	—	3	28,07	2,6	1	41	—	1	39,8	—
9. Поперечный ∅ середины диафиза	3	19,17	0,7	3	18,84	1,0	1	25,5	—	3	22,77	1,5
9a. Поперечный ∅ на уровне пит. отв.	2	21,4	—	3	21,27	2,0	1	28	—	1	25,5	—
10. Окружность середины диафиза	3	67	3,5	3	66	3,6	—	—	—	3	80,0	10,0
10b. Наименьшая окружность диафиза	2	64	—	3	65,84	3,2	1	79	—	3	77,0	10,1
9a:8a. Указатель платикнемии	2	75,52	—	3	75,78	1,0	1	68,3	—	1	64,08	—
10b:1. Указатель прочности	1	18,19	—	1	18,17	—	—	—	—	—	—	—
Малая берцовая кость (Fibula)												
1. Наибольшая длина	—	—	—	1	337	—	—	—	—	1	390	—
Реконструированные показатели пропорции и длины тела												
(H1+R1):(F2+T1). Интермембральный	—	—	—	1	68,07	—	—	—	—	—	—	—
T1:F2. Берцово-бедренный	1	87,22	—	1	87,43	—	—	—	—	—	—	—
R1:H1. Лучеплечевой	—	—	—	1	76,15	—	—	—	—	—	—	—
H1:F2. Плечебедренный	—	—	—	1	72,43	—	—	—	—	—	—	—
R1:T1. Лучеберцовый	1	63,05	—	1	63,09	—	—	—	—	—	—	—
					Двин							
По Троттер и Глезер												
По Пирсон и Ли												
По Лорке и др.												

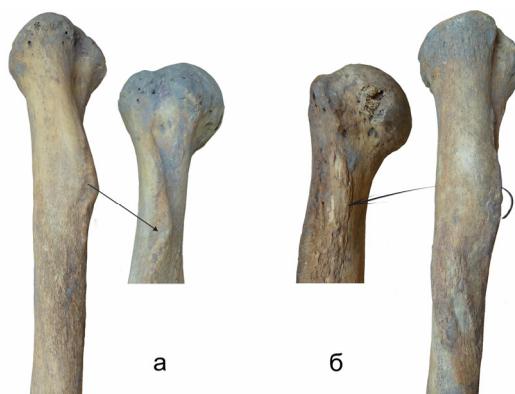
Длину плечевых костей мужских скелетов из Уши охарактеризовать не удалось. Нижняя эпифизарная ширина лежит в пределах больших величин. Наименьшая окружность плечевых костей находится на границе средних и больших величин. Наблюдаются большие значения указателя сечения. Верхняя часть диафиза локтевых костей характеризуется эуроленией. Поперечный и сагиттальный диаметры диафиза имеют средние значения. Наименьшая окружность локтевых костей находится на границе средних и больших величин. Указатель поперечного сечения средний. Продольные размеры лучевых костей среднелонные. Поперечный диаметр диафиза находится на границе малых и средних величин, сагиттальный — средних значений. Верхний поперечный диаметр диафиза находится на границе средних и больших значений, сагиттальный — средних величин. Окружность середины диафиза бедренных костей средняя. Проксимальная часть диафиза характеризуется платимерией. Размеры наименьшей окружности большеберцовых костей на границе средних и больших величин. По контуру сечения диафиза они эуриксимичны.

Указатели пропорций в связи с недостаточно хорошей сохранностью в целом удалось рассчитать только у женщины из Двина. Лучеплечевой указатель относится к категории мезатикеркия, т.е. отмечается среднее, гармоничное соотношение размеров плеча и предплечья. Плечебедренный указатель средний по величине (72,5). По берцово-бедренному указателю женщина характеризуется долихогамбией — относительным удлинением дистального отдела нижней конечности по отношению к проксимальному. Об удлинённой нижней конечности относительно верхней свидетельствуют низкие значения (68,1) интермембрального указателя. У этого индивида лучеберцовый индекс (63,1) соответствует относительно более длинному предплечью по сравнению с голенью. Теперь обратимся к остеологической длине конечностей индивида. Остеологическая длина верхней конечности (H1+R1: 501 (левая); H1+U1: 518 (левая)), так же как остеологическая длина нижней конечности (F2+T1: 731; F1+T1: 740; F2+f1: 732; F1+f1: 737), находится в пределах нижней границы межгрупповой вариации. Длина тела, рассчитанная по правой длине бедренной кости женщины из Двина, составила: по формуле М. Троттера и Г. Глезера — 152,7 см, по формуле К. Пирсона и А. Ли — 150,5 см; для женщины из Уши длина тела составила: по формуле М. Троттера и Г. Глезера — 156,2 см, по формуле К. Пирсона и А. Ли — 153,2 см. Итак, в среднем длина тела, реконструированная по всем формулам, равна 151,6 см (Двин) и 154,7 (Уши). Рост женщин в основном был очень малый. Мы рассчитали также длину тела мужчины (№ 3) из Уши по наибольшей длине малой берцовой кости, она составила: по формуле М. Троттера и Г. Глезера — 176,9 см, по формуле Д. Лорке, Х. Мюнцнера и Е. Вальтера — 175,3 см. В среднем длина тела равна 176,1 см. Следовательно, рост мужчины можно назвать большим.

Развитие мышечного рельефа длинных костей. В целом весь мышечный рельеф на останках исследованных индивидов в подавляющем большинстве случаев развит очень хорошо. На плечевых костях в первую очередь необходимо отметить сильное и очень сильное развитие гребней большого и малого бугорков, гребня супинатора (табл. 8). Средние величины по этим признакам суммарно превышают нормальные значения (2 балла). Напряжение большой грудной мышцы (*musculus pectoralis major*) при фиксированном корпусе и свободной верхней конечности вызывает сгибание плеча, приведение его к туловищу и пронацию. Элементы рельефа хорошо выражены и в местах прикрепления дельтовидной мышцы (отводит руку до горизонтального уровня, при сокращении передней части — сгибает, задней — разгибает плечо) (рис. 8). Необходимо отметить лучшее развитие мышечного рельефа левых костей. Возможно, это свидетельствует о леворукости погребённых. Из костей предплечья значительно развиты локтевая и лучевая, а также гребни пронатора и супинатора локтевой кости (табл. 8). Таким образом, можно констатировать значительное развитие мышц, приводящих в различного рода движения плечевые и локтевые суставы, особенно вращательные, а также обеспечивающих силовые действия. Очень хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия правой и левой бедренных костей, что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы, сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень. На бедренных костях сильно развита *linea aspera* (рис. 9), структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [Sarasso et al., 1999]. На берцовых костях наблюдаются усиления выраженности линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*, часть трехглавой — в основном сгибает стопу, поднимает пятку).

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей

	Уши ♂			Уши ♀			Двин ♀		
	Прав.	Лев.	Сред. балл	Прав.	Лев.	Сред. балл	Прав.	Лев.	Сред. балл
Плечевая кость (Humerus)									
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2,75 (4)	2,67 (3)	2,71 (7)	1 (1)	2,5 (2)	2 (3)	—	2 (1)	2 (1)
Tuberositas deltoidea	1,3 (5)	2,34 (3)	1,82 (8)	2 (1)	1,75 (2)	1,84 (3)	—	1,5 (1)	1,5 (1)
Tuberculum majus, tuberculum minus	2,5 (2)	2 (2)	2,25 (4)	2 (1)	2,5 (2)	2,34 (3)	—	2 (1)	2 (1)
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	2,17 (3)	3 (3)	2,59 (6)	2 (2)	1,75 (2)	1,88 (4)	2 (1)	1,5 (1)	1,75 (2)
<i>Средний балл</i>	2,18 (14)	2,51 (11)	2,35 (25)	1,75 (5)	2,13 (8)	2,02 (13)	2 (1)	1,75 (4)	1,82 (5)
Лучевая кость (Radius)									
Tuberositas radii	2,34 (3)	2,5 (2)	2,41 (5)	—	2 (1)	2 (1)	1,5 (1)	1,5 (1)	1,5 (2)
Margo unterossea	2,34 (3)	2,25 (4)	2,29 (7)	2 (1)	2 (1)	2 (2)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
Бороздки для сухожилий разгибателей	2,5 (2)	2,5 (4)	2,5 (6)	—	2 (1)	2 (1)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
Processus styloideus	2,5 (2)	2,5 (4)	2,5 (6)	—	2 (1)	2 (1)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
<i>Средний балл</i>	2,42 (10)	2,44 (14)	2,43 (24)	2 (1)	2 (4)	2 (5)	1,88 (4)	1,88 (4)	1,88 (8)
Локтевая кость (Ulna)									
Margo interossea, margo posterior	2,34 (3)	2,5 (2)	2,42 (5)	2 (2)	2 (1)	2 (3)	3 (1)	3 (1)	3 (2)
Crista musculi supinatoris	2 (2)	2,5 (2)	2,25 (4)	1,5 (1)	1,5 (1)	1,5 (2)	1,5 (1)	1,5 (1)	1,5 (2)
Tuberositas ulnae	2,5 (2)	2,5 (2)	2,5 (4)	2 (1)	2 (1)	2 (2)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
<i>Средний балл</i>	2,28 (7)	2,5 (4)	2,39 (13)	1,84 (4)	1,84 (3)	1,84 (7)	2,17 (3)	2,17 (3)	2,17 (6)
Бедренная кость (Femur)									
Trochanter major	2 (1)	3 (1)	2,5 (2)	1,5 (1)	1,5 (1)	1,5 (2)	1,5 (1)	1,5 (1)	1,5 (2)
Trochanter minor	3 (1)	3 (3)	3 (4)	1,5 (1)	2 (1)	1,75 (2)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
Tuberositas glutea	2,5 (3)	3 (5)	2,75 (8)	2 (1)	2,25 (1)	2,13 (2)	3 (1)	3 (1)	3 (2)
Linea aspera	2,5 (2)	2,75 (4)	2,63 (6)	2 (2)	2 (2)	2 (4)	2,5 (1)	2,5 (1)	2,5 (2)
Epicondili	3 (1)	1,75 (2)	2,38 (3)	1,5 (2)	1 (1)	1,25 (3)	2 (1)	2 (1)	2 (2)
<i>Средний балл</i>	2,6 (8)	2,7 (15)	2,66 (23)	1,7 (8)	1,75 (6)	1,73 (14)	2,2 (5)	2,2 (5)	2,2 (10)
Большая берцовая кость (Tibia)									
Tuberositas tibiae	1,5 (1)	3 (1)	2,25 (2)	1,5 (2)	2 (1)	1,75 (3)	1,5 (1)	1 (1)	1,25 (2)
Margo anterior, margo interossea	3 (1)	2,13 (4)	2,57 (5)	2 (2)	1,75 (1)	1,88 (3)	1 (1)	1,5 (1)	1,25 (2)
Linea m. solei, m. soleus	2,5 (2)	2,34 (3)	2,42 (5)	1,5 (2)	1,75 (2)	1,63 (4)	3 (1)	3 (1)	3 (2)
Бороздки для сухожилий разгибателей	2,5 (2)	3 (3)	2,75 (5)	—	—	—	2 (1)	2 (1)	2 (2)
<i>Средний балл</i>	2,38 (6)	2,62 (11)	2,498 (17)	1,67 (6)	1,84 (4)	1,76 (10)	1,88 (4)	1,88 (4)	1,88 (8)
Малая берцовая кость (Fibula)									
Развитие краев	3 (2)	2,5 (4)	2,27 (6)	2 (1)	2 (2)	2 (3)	—	2 (1)	2 (1)

Рис. 8. Развитие рельефа плечевой кости: crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris, tuberositas deltoidea:
а — Уши, № 2, ♀, 30–39 лет; б — Уши, № 11, ♂, 30–39 лет.

Рис. 9. Комплекс всадника (Уши, № 11, ♂, 30–39 лет).

Таким образом, мужчины и женщины в процессе жизнедеятельности в той или иной степени занимались тяжелым физическим трудом. Об этом свидетельствуют и некоторые иные проявления на скелете, а именно: деформация тел позвонков, не всегда связанная с возрастом, артрозы, деформация суставных поверхностей локтевых, лучевых, бедренных, большеберцовых и других костей, множество гиперостозов и даже частичные окостенения сухожилий некоторых мышц.

5. Место средневекового население Армении в масштабе популяций с территории Кавказа, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы

Из исторических источников нам известно о пестроте этнической карты в античную эпоху [Худавердян, 2000] и в средневековье, подвижности этнических границ на рассматриваемой и сопредельных территориях. Ослабление Римской империи привело к открытой экспансии Сасанидского Ирана в Кавказском регионе. В середине VII в. в Армению вторглись арабы, завоевавшие ее к концу VIII в. После распада халифата и освобождения Армении от арабского ига страна вступает в период зрелого феодализма (IX — середина XIII в.). С конца X в. началось объединение мелких государственных образований в единое феодальное государство, которое возглавил род Багратидов. В середине XI в. ослабленная внутренними распрями Армения подверглась агрессии Византии, а позднее была завоевана сельджуками. Распад в XII в. Сельджукской державы и помощь Грузии способствуют освобождению большей части территории Армении. В 1230-х гг. Армению, как и весь Южный Кавказ, завоевали татаро-монголы.

Очевидно, что данные палеоантропологии могли бы способствовать детализации наших знаний об этнокультурных процессах, протекавших на территории Армении в эпоху средневековья. Однако к настоящему времени опубликованы краниологические данные всего двух серий (Гарни, Ованнаванк), краниологические материалы из средневековых памятников очень немногочисленны. Последнее обстоятельство, безусловно, пока не позволяет делать окончательные выводы о роли различных компонентов в процессах сложения антропологического состава местного населения в эпоху средневековья. Для выяснения близости краниологических серий из Армении к той или иной группе населения Кавказа, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы был проведен канонический анализ 96 краниологических серий (табл. 9) с учетом разных наборов признаков.

Таблица 9

Список серий, привлеченных к сравнительному анализу

	Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
1	Армения	Двин	V–VI вв.	Настоящая статья
2	»	Армавир	XII–XIII вв.	»
3	»	Бюракан (деформированные черепа)	XII–XIII вв.	»
4	»	Ованнаванк		»
5	»	Гарни	Раннефеодальный период	Алексеев, 1974
6	»	Бениамин	II–III в.	Худавердян, 2000, неопубликованные материалы
7	Грузия	Самтавро	IV–IX вв. Раннефеодальный период	Абдушелишвили, 1966
8	»	Рустави	Позднефеодальный период	»
9	»	Душети	»	»
10	»	Хевсури	»	»
11	»	Сиони I	VII–X вв.	Джавахишвили, 1966
12	»	Сиони II	XII–XIII вв.	»
13	»	Сиони III	XVII–XVIII вв.	»
14	Азербайджан	Мингечаур I (без деформ. черепа)	I–VII вв.	Касимова, 1960
15	»	Мингечаур II (слабо деформ. черепа)	»	»
16	»	Мингечаур III (сильно деформ. черепа)	»	»
17	»	Мингечаур IV (погребения христианского типа)	VII–IX вв.	»
18	»	Самухский р-н V (погребения мусульманского типа)	XIV–XVII вв.	»
19	Месопотамия	Ниппур	IX–X вв.	Swindler, 1956: цит.: Чистов, 1998
20	»	Тель Губба	Исламское время	Ishida, 1981: цит.: Чистов, 1998
21	»	Тель Сонгар	»	»
22	»	Ассур	»	»
23	Турция	Богазкой	V–XI вв.	Wittwer-Backofen, 1987: цит.: Чистов, 1998
24	Иран	Шах Тепе	VIII–X вв.	Furst, 1939: цит.: Чистов, 1998
25	»	Туранг Тепе	X вв.	»
26	Израиль	Бедунны	XVII–XVIII вв.	Arcnsburg, 1973: цит.: Чистов, 1998

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

Окончание табл. 9

	Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
27	Дагестан	Верхний Чир-Юрт	V-VII вв.	Алексеев, 1974
28	»	Гоцатль	VIII-X вв.	»
29	»	Дегва	»	»
30	»	Узунтала	IX-XI вв.	»
31	»	Миатли	XII-XIII вв.	»
32	Краснодарский край	Гамовское и ближайшие ущелья	V-VII вв.	»
33	»	Жукова	XIII-XIV вв.	Батиева, 2011
34	»	Ильичевское городище	XIV-XVI вв.	Герасимова, 1996
35	»	Храм у с. Веселое. Склеп	IX-XI вв.	Шведчикова и др., 2016
36	»	Храм у с. Веселое. Некрополь храма	»	»
37	»	Храм у с. Веселое. Наос храма	»	»
38	»	Храм у с. Веселое. Притворы храма	»	»
39	Карачаево-Черкесия	Ранняя группа	III-V вв.	Алексеев, 1974
40	»	Поздняя группа	VIII-XII вв.	»
41	»	Нижний Архыз	»	»
42	Кабардино-Балкария	Чегем	XIV-XV вв.	»
43	»	Нижний Джулат	»	»
44	Северная Осетия	Моздок	XII-XIV вв.	»
45	»	Змейская	X-XII вв.	»
46	»	Верхний Джулат	XIV-XVII вв.	»
47	»	Мамисондон (сум.)	VIII-X вв.	Березина и др., 2012
48	»	Холм-1	»	»
49	»	ОЧМ	»	»
50	»	Дзавгис-15	XIV-XVI вв.	Герасимова, 1996
51	»	Дзавгис-18	»	»
52	»	Дзавгис-21	»	»
53	»	Дзавгис-3	»	Шевченко, 1986
54	»	Верхняя Кобан	XIV-XVI вв.	Герасимова, 1996
55	»	Харх	X-XIII вв.	Алексеев, 1974
56	Чечено-Ингушетия	Дуба-Юрт	IX-X вв.	»
57	»	Кели-1	XIV-XVI вв.	Герасимова, 1996
58	»	Кели-2	»	»
59	Ставропольский край	Маджары	XIV-XV вв.	Алексеев, 1974
60	Северо-Западный Кавказ	Мошевая Балка	VI-VIII вв.	Герасимова, 1986
61	Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье	Суммарно	II-IV вв.	Балабанова, 2010
62	»	»	V-VII в.	»
63	»	»	VII-IX (X) вв.	»
64	Астраханская обл.	Бугор Вакуровский	XIV в.	Ходжайов, 2005
65	»	Маячный II	»	»
66	»	Самосделка	XVI в.	»
67	Волжская Булгария	Билляр	X-XIII вв.	Ефимова, 1991
68	»	Бабий бугор	X-XV вв.	»
69	»	Рядовой	»	»
70	»	Четырехугольник	X-XIII вв.	»
71	»	Минарет	XIII-XV вв.	»
72	»	Культурный слой	»	»
73	»	Греческая палата	XIV вв.	Трофимова, 1956
74	Средняя Волга	Ханская усыпальница	XIV-XV вв.	Постникова (Рудь), 1987
75	»	Четырехугольник 1	X-XIII вв.	»
76	»	Четырехугольник 2	XIII-XV вв.	»
77	»	Четырехугольник 3	X-XII вв.	»
78	»	1 Старокуйбышевский	Эпоха до Золотой Орды	»
79	»	1 Старокуйбышевский	Эпоха Золотой Орды	»
80	»	Измерский	XI-XIII вв.	»
81	»	Такталачукский	XIII-XIV вв.	Газимзянов, 2000
82	»	Азметьевский	»	»
83	»	Барбашина Поляна	»	»
84	»	г. Болгары (Р 45)	»	»
85	»	Муромский городок	X-XIII вв.	»
86	»	Мавзолей г. Болгара	»	»
87	»	Памятный знак	»	Газимзянов, 2015
88	»	Район бывшего аэродрома	»	»
89	»	Каменный мавзолей (CLXXIV)	»	»
90	»	Северная часть Болгарского городища (СХС1)	»	»
91	»	Букеевская степь	XIV в.	Комаров, 2012
92	Украина	Чигирин	XVI-XVII в.	Рудич, 2000а
93	Западная Украина	Суммарно	Черняховская культура	Рудич, 2000б
94	Дунайско-Днестровский регион	Буджак	»	»
95	Молдова	Старый Орхей-1	XIV в.	Великанова, 1993
96	»	Старый Орхей-2	XV в.	»
97	»	Старый Орхей-3	XVI-XVII вв.	»

На первом этапе межгруппового анализа была построена модель на основе данных о 14 размерах черепа и лица (список признаков см. в табл. 10) в 75 группах с Кавказа и из Юго-Восточной Европы. На рис. 10 показано положение рассматриваемых групп в пространстве I и II канонических векторов (КВ). Первый вектор-дискриминатор (29,97 % общей изменчивости) разделил анализируемые группы по комплексу признаков, из которых основными являются соотношение продольного и поперечного диаметров черепа и ширина лба (9). По КВ I серии из Кабардино-

Балкарии (43, 42), Северной Осетии (44), Дагестана (31, 28), Грузии (13), Азербайджана (17, 18), Волго-Уралья (61–66, 74, 70, 72), Украины (92) демонстрируют максимальные значения и сконцентрированы в положительном поле изменчивости в правой части графика. Почти все они характеризуются мезо- и брахикранией, широким и высоким лицом.

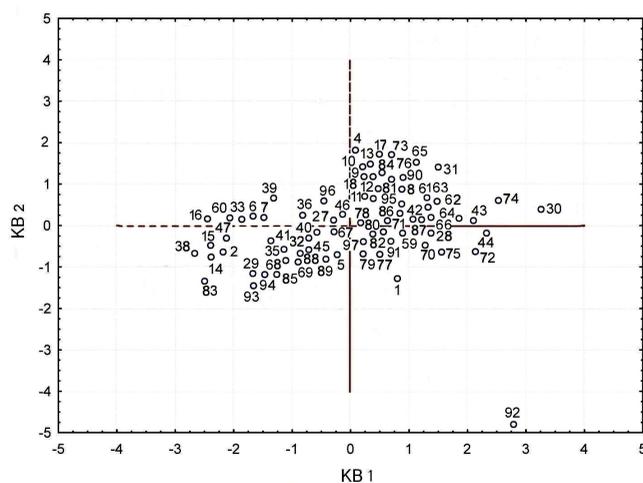

Рис. 10. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов.

Таблица 10

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,579	-0,121	0,355
8	Поперечный диаметр	0,819	0,215	-0,245
17	Высотный диаметр	-0,304	0,182	-0,232
9	Наименьшая ширина лба	-0,584	0,347	-0,176
45	Скуловая ширина	0,306	-0,173	-0,199
48	Верхняя высота лица	0,016	-0,003	0,200
55	Высота носа	0,156	-0,064	-0,015
54	Ширина носа	0,052	0,344	0,190
51	Ширина орбиты от mf	0,289	0,080	0,170
52	Высота орбиты	-0,208	0,645	-0,043
77	Назomalярный угол	-0,034	0,158	0,294
zm	Зигомаксиллярный угол	0,119	0,095	0,518
SS:SC	Симотический указатель	0,002	0,291	0,365
75(1)	Угол выступления носа	-0,260	0,207	-0,736
Доля в общей дисперсии (%)		29,970	23,369	13,291

В отрицательном поле изменчивости локализованы серии из Дагестана (30, 29), Азербайджана (14–16), Армении (2, 6), с Северо-Западного Кавказа (60), из Северной Осетии (47), Дунайско-Днестровского региона (94), Западной Украины (93), Краснодарского края (33, 35, 38), Волго-Уралья (68, 85, 83) и Карачаево-Черкесии (41, 39). Выборки из катакомбных погребений Азербайджана (14, 15) с армянской серией из Армавира (2) демонстрируют наибольшее сходство. Указанные черепа в основном долихокранные, средневысокие, лица среднеширокие, сильно профилированные, глазницы средневысокие, нос сильно выступающий. Прослеживается некоторое сходство указанных серий с группами из Северной Осетии (47) и Краснодарского края (38). Мужские черепа серий из Мамисондона (47) и из притворов храма «Веселое» (38) также долихокранные, лица среднеширокие, орбиты средневысокие, среднеширокие, нос высокий, узкий и сильно выступающий. Черепа из Гарни (5) и из каменного мавзолея Средней Волги (89) расположены довольно компактно. Их объединяют средневысокое, узкое и сильно профилированное на назomalярном уровне лицо.

В КВ II (23 % изменчивости) наибольшая нагрузка пришлась на высоту орбиты. Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает высокие положительные величины у групп со Средней Волги (84, 65, 90, 76, 73), из Дагестана (31), Грузии (9, 10, 12, 13), Азербайджана (17, 18) и Армении (4). Ованнаванкская серия (4) обнаруживает сходство с кавкасионскими группами из Грузии (10, 13, 12, 9). К ним примыкают индивиды из погребений христианского и мусульманского типов Азербайджана. Типологическое сходство

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

хевсурской, душетской серий с мингечаурскими группами отмечал еще М.Г. Абдушлишвили [1964, с. 22]. В одном кластере вместе с ованнаванкской (4) и кавкасионскими группами (10, 13, 12, 9) оказалась серия с кладбища у здания Греческой палаты (73). Известен факт, что данный некрополь принадлежал жителям христианской армянской колонии в г. Булгаре, и мужские черепа этой серии, гипербрахикранного европеоидного типа, по мнению Т.А. Трофимовой [1956], почти по всем признакам сопоставимы с серией современных армянских черепов.

Необходимо обратить внимание на то, что серия из Мощевой Балки (60) сближается с более ранней (6) и синхронной (7) группами с Южного Кавказа и более поздней (33) из Краснодарского края. По мнению М.М. Герасимовой [1986], наибольшее сходство серия из Мощевой Балки обнаруживает с сериями из Дуба-Юрта и Гамовского ущелья, т.е. вошедшими в антропологическую литературу как заведомо аланские (к сожалению, в анализ не были включены краниологические материалы Южного Кавказа). Представляется особенно интересным тот факт, что серия из грунтового могильника Жукова XIII–XIV вв. н.э. с территории Краснодарского края в одном кластере с более ранними сериями из Мощевой Балки (60), Бениамина (6) и Самтавро (7). Е.Ф. Батиева [2011] соотносит мезодолихокранные черепа с относительно узким лицом из Жуковой с адыгским этносом. К ним примыкают долихокранные узколицые черепа III–V вв. с территории Черкесии (39), которые В.П. Алексеев [1974] связывает с аланским этносом.

На плоскости II вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников с территорий Дагестана (29), Средней Волги (85, 83), Дунайско-Днестровского региона (94), Западной Украины (93) и Армении (1). Серия из памятника Двин (1) особенно своеобразна и не похожа на другие местные и сравнительные группы. Для КВ III (13,291 % общей изменчивости) определяющими стали углы выступания носа и зигомаксиллярный. На плоскости III вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у групп с территории Дагестана (31, 28), Краснодарского края (35), Южного Кавказа (4, 5, 8, 9, 11, 12, 17, 18) и Украины (92).

Таблица 11

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Женщины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	0,034	0,582	0,503
8	Поперечный диаметр	0,095	-0,799	-0,464
17	Высотный диаметр	0,240	0,151	-0,220
9	Наименьшая ширина лба	-0,102	0,551	-0,100
45	Скуловая ширина	-0,038	0,029	0,130
48	Верхняя высота лица	-0,645	-0,056	0,216
55	Высота носа	0,699	0,017	-0,035
54	Ширина носа	0,167	-0,094	0,115
51	Ширина орбиты от mf	-0,016	-0,317	-0,126
52	Высота орбиты	0,705	0,040	-0,116
77	Назомаллярный угол	0,160	-0,108	0,330
zm	Зигомаксиллярный угол	0,179	-0,173	0,399
SS:SC	Симотический указатель	0,065	-0,105	0,444
75(1)	Угол выступания носа	0,183	0,561	-0,686
Доля в общей дисперсии (%)		43,854	21,460	9,423

Сравнение 51 женской серии проводилось по 14 основным признакам (табл. 11). В результате в первом каноническом векторе (КВ I, отражает 43,854 % общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на высотные размеры лица (52, 55, 48). В пространстве КВ I высокими положительными величинами характеризуются группы Южного Кавказа (4, 7, 18, 9, 19), Северной Осетии (48) и Волго-Уралья (74, 87, 90, 66), а отрицательными — группы Чигирина (92), Маджар (59), Гамовского и ближайших ущелий (32). Кавкасионский морфологический комплекс, присутствующий в составе серий из Грузии (8–10), сближается с группой из Памятного знака (87) (рис. 11). В числе близких к указанным сериям находится выборка из погребений мусульманского типа Самухского района Азербайджана (18). Черепа в основном брахикранные в комплексе с высоким, слабо профилированным лицевым скелетом и высокими глазницами. Из общей картины «выбивается» гипербрахикранная серия из Ованнаванка (4). Данная краниологическая серия наиболее сильно отличаются от остальных материалов с территории Южного Кавказа, демонстрируя иной комплекс краниологических особенностей.

Для КВ II (21,46 % общей изменчивости) определяющими стали поперечный, продольный диаметры, угол выступания носовых костей. На плоскости II вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников с территорий Астраханской

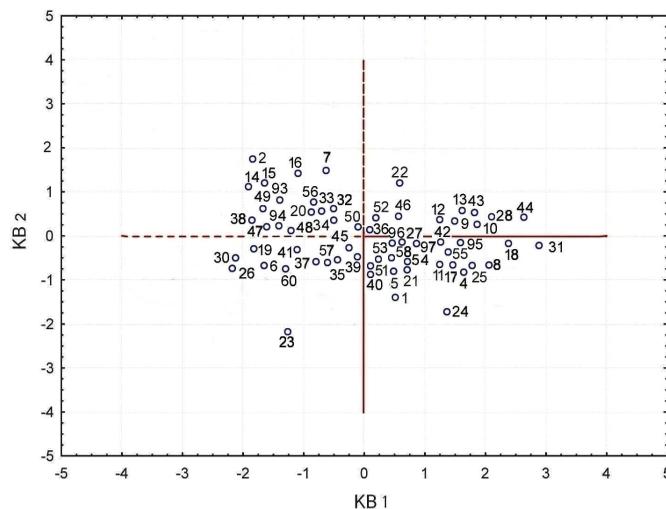

Таблица 12

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,767	0,147	0,065
8	Поперечный диаметр	0,803	-0,255	-0,300
17	Высотный диаметр	0,030	0,300	0,231
9	Наименьшая ширина лба	-0,289	-0,306	0,164
45	Скуловая ширина	0,229	-0,101	0,861
48	Верхняя высота лица	-0,031	-0,217	0,585
55	Высота носа	0,062	0,520	-0,293
54	Ширина носа	0,100	-0,174	-0,139
51	Ширина орбиты от mf	0,361	0,931	-0,475
52	Высота орбиты	-0,008	-0,252	-0,037
Доля в общей дисперсии (%)		46,800	10,854	10,262

Добавление в анализ новых серий несущественно изменило взаимное расположение уже использованных в первом анализе мужских выборок с территории Армении (рис. 12). Однако, помимо серий кавкасионского типа из Грузии (11, 8) и черепов из погребений христианского типа из Мингечаура (17), в списке наиболее близких к выборке из Ованнаванка (4) оказывается группа Туранг Тепе (25) с территории Ирана. В свою очередь, результаты анализа свидетельствуют об антропологическом сходстве вышеуказанных групп с североосетинскими брахикранными матуризованными черепами из погребений в каменных ящиках Харха в Дарьяльском ущелье (55). Расположение серий показывает наибольшую близость выборки из Мощевой Балки (60) к сериям из Армении (6) и Месопотамии (19). В числе близких к указанным сериям находится также выборка Карачаево-Черкесии (41). Наиболее массивными являются черепа средневековой серии с территории Турции — Богазкой (23), которые особенно своеобразны и не похожи на другие серии.

Рис. 12. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов.

В КВ II (10,854 % изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на ширину орбиты и высоту носа. Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает высокие положительные величины у групп с Южного Кавказа (2, 7, 14–16) и из Месопотамии (22), а высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников с территорий Турции (23), Ирана (24) и Армении (1). Как показал сравнительный анализ, близкое сходство морфологических характеристик серия из Армавира (2) демонстрирует с выборками из катакомбных погребений Азербайджана (14–16). Здесь наиболее удалены искусственно деформированные черепа из могильника Мингечаур (16), у которых продольные и поперечные размеры черепной коробки чуть меньше, а высотные диаметры (17, 48, 52) — больше. Для КВ III (10,262 % общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на высоту и ширину лица. Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — краниологические серии Северной Осетии (50, 51),

Израиля (26) и Армении (2), с другой — Турции (23), Краснодарского края (35, 36), Северной Осетии (47–49), Грузии (11).

Итак, впервые вводимые в научный оборот средневековые антропологические материалы с территории Республики Армении, даже при их малочисленности и фрагментарности, представляются ценным источником для изучения физических особенностей населения данного региона. Подводя итог, можно сказать, что данное исследование достаточно отчетливо указывает на неоднородность населения Армении в эпоху средневековья. Намечаются отдельные сочетания краниологических признаков южно-европеоидной расы, которые встречаются в различных комбинациях. Среди жителей Ованнаванка в период позднего средневековья наличествуют специфические комплексы признаков, не характерные, судя по имеющимся сегодня краниологическим данным, для армянского населения более ранних эпох. Этот комплекс признаков близок к кавкасионскому типу. Ближайшие аналоги этому комплексу обнаружены в составе населения Азербайджана (Мингечаур) и Ирана (Туранг Тепе). Среди весьма многочисленных средневековых (синхронных и более ранних) антропологических материалов также близки к местному населению краниологические серии из могильников Северо-Западного Кавказа (Мощева Балка), Краснодарского края (Жукова) и Месопотамии (Ниппур). Дальнейшие исследования на большем краниологическом материале будут способствовать детализации знаний об этнокультурных процессах, протекавших на территории Южного Кавказа в эпоху средневековья. В свою очередь, в результате данного исследования появились факты, на которые невозможно не обратить внимание при интерпретации сугубо археологических данных и реконструкции основанных на них сценариев генезиса историко-культурных феноменов.

Благодарности

Авторы считают приятным долгом выразить благодарность директору Института археологии и этнографии НАН РА акад. П.С. Аветисяну за его поддержку при реализации данной работы. Особую благодарность выражаем сотрудникам Института археологии и этнографии НАН РА А.В. Галстян и А.Е. Саакян за художественно-техническое оформление статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 207с.
- Абдушлишвили М.Г.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966. 134 с.
- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.
- Бабаян Ф.С., Худавердян А.Ю.* Об одном человеческом скелете XII–XIII веков из раскопок в Двине // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 16–20.
- Балабанова М.А.* К вопросу о происхождении раннесредневекового населения юга Восточной Европы и участие в его этногенезе сарматских групп // Вестник Волгоград. ун-та. 2010. № 2 (18). С. 5–16.
- Батиева Е.Ф.* Антропологические материалы из могильника XIII-XIV века средневекового поселения «Жукова» // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 161–168.
- Березина Н.Я., Бужилова А.П., Решетова И.К.* Новые краниологические материалы к вопросу об антропологическом субстрате средневековых алан // Вестник МГУ. Сер. XXIII. 2012. № 4. С. 18–36.
- Васильев С.В.* Тригонометрия лицевого скелета ископаемых гоминид // Вестник антропологии, 1996. Вып. 2. С. 84–152.
- Великанова М.С.* Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). М., 1993. 260с.
- Газимзянов И.Р.* Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М.: Старый сад, 2000. Ч. II. С. 189–216.
- Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 112–124.
- Герасимова М.М.* Краниология могильника Мощева Балка // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа: (Материалы работ Северокавказской экспедиции). М.: Наука, 1986. Вып. 1. С. 204–213.
- Герасимова М.М.* Краниологические материалы к этногенезу северокавказских народов // Вестник антропологии. 1996. Вып. 2. С. 156–167.

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

Громов А.В. Черепа из Осинкинского могильника: следы искусственного воздействия // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 88–95.

Джавахишвили Э.Н. Сионская краниологическая серия // Г.М. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси: АН ГрузССР, 1966. С. 89–133.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М., 1968а. С. 5–122.

Зубов А.А. Одонтология: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1968b. 199 с.

Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН АзербССР, 1960. 134 с.

Кириченко Д.А. Сандыгтепе V по данным антропологии: (Предварительное сообщение) // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней»: (Донские антропологические чтения). Ростов н/Д, 2013. С. 68–69.

Комаров С.Г. Население Букеевской Степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии // Вестник Калмыц. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2012. № 4. С. 45–57.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высш. шк., 1978. 528 с.

Рудич Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения Украины XVI–XVII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000а. Т. 1: Золотоордынское время. С. 381–392.

Рудич Т.А. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // *Stratum plus*. 2010b. № 4. С. 223–231.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.

Постникова (Рудь) Н.Н. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Среднем Волге в X–XIV вв. // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

Синева И.М. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности: Дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 185 с.

Тиращян Г.А. Раскопки Армавира: (К 100-летию первых раскопок) // Ист.-филол. журнал. 1980. № 2. С. 23–38.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // ТИЭ. Антропол. сборник 1. М., 1956. Т. XXXIII. С. 73–115.

Ходжайов Т.К. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 76–97.

Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван: Тигран Мец, 2000. 140 с.

Худавердян А.Ю., Бабаян Ф.С., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С. К вопросу о декапитации в Двине: Антропологическая экспертиза средневековых черепов из Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 96–107.

Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г. Население Ованнаванка в эпоху средневековья // Биол. журнал Армении НАН РА. 2016. № 4. Том LXVIII. С. 13–21.

Худавердян А.Ю., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 73–99.

Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Рассказова А.В., Чагаров О.С. Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.) // Вестник антропологии. 2016. Вып. 2 (234). С. 94–116.

Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 105–116.

Чистов Ю.К. Антропология древнего и современного населения Южного Йемена. Ч. I: Палеоантропология, антропометрия, антропоскопия. СПб.: Европейский дом, 1998. 274 с.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44, Fayetteville, 1994. 218 p.

Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo: Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.

Daivids J.R., Wenger D.R., Mubarak S.J. Congenital muscular torticollis: Sequel of intrauterine or perinatal compartment syndrome // *Journal of Pediatric Orthopaedics*. 1993. Vol. 13. P. 141–147.

Golden K.A., Beals S.P., Littlefield T.R., Pomatto J.K. Sternomastoid imbalance versus congenital muscular torticollis: Their relationship to positional plagiocephaly // *Cleft Palate-Craniofacial Journal*. 1999. Vol. 36. P. 256–261.

Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // *Anthropos*. 2011. Vol. 106 (2). P. 602–609.

Khudaverdyan A. Yu. Cranial deformation and Torticollis of Early Feudal burial of Byurakn from Armenia // *Acta Biologica Szegediensis*. 2012. Vol. 56 (2). P. 133–139.

Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // *The Mankind Quarterly*. 2016. Vol. 56. № 4. P. 513–534.

Yuan J.T., Teng E., Heller J.B., Kawamoto H.K., Bradley J.P. Asymmetric Class III Malocclusion: Association With Cranial Base Deformation and Occult Torticollis // *Journal of Craniofacial Surgery*. 2012. Vol. 23 (5). P. 1421–1424.

**A.Yu. Khudaverdyan*, A.S. Zhamkochyan*, N.G. Hakopyan*,
F.S. Babayan*, A.A. Engibaryan**, A.A. Khachatryan***, L.G. Eganyan*****

*Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia

Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru;

meri.axababyan@yandex.ru;

husik.melkonyan@mail.ru

safdav@yahoo.com

**Mkhitar Heratsy Yerevan State Medical University

Koryun st. 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: ripmatev@mail.ru

***Shirak Centre of Armenian Studies, National Academy of Sciences, Republic of Armenia

Myasnikyan st., 118, Gyumri, 3114, Republic of Armenia

E-mail: smuseum@web.am;

larisayeganyan@gmail.com

ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ARMENIAN HIGHLANDS POPULATION AND ETHNOGENETIC SITUATION IN SOUTH EASTERN EUROPE IN THE MIDDLE AGE

The article presents preliminary results of an anthropological research of human bone remains, obtained during excavations of medieval monuments on the territory of the Republic of Armenia. Cases of deliberate artificial modifications of skulls and unintentional cradle deformations were observed. Two unusual shapes (triangular, circular) of gaskets on the occipital bone in the individuals with frontal-occipital deformation were found. An individual from Burakn with artificial modification of the skull is characterized by a static asymmetry of the skull, the facial skeleton and the dental system. Craniological data indicates a heterogeneous anthropological composition of the population. A specific set of characteristics close to the Caucasion type were present among the inhabitants of Hovhannavank in the Late Middle Age. Results of the intergroup statistical analysis identified close morphological affinities between the Middle Age skulls from Armenia with groups from Southern and North-Western Caucasus, Iran, Mesopotamia. This article also analyzes morphological features of the postcranial skeleton. Muscular relief on bones was very well developed in the vast majority of cases.

Key words: Armenia, Middle Ages, Craniology, Osteology, Odontology, artificial modification of skulls, torticollis, heterogeneity of population.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-060-088

REFERENCES

Abdushelishvili M.G., 1964. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Gruzii* [Anthropology of the ancient and modern population of Georgia], Tbilisi: Metsniereba, 207 p.

Abdushelishvili M.G., 1966. *K kraniologii drevnego i sovremennogo naseleniya Kavkaza* [On craniology of the ancient and modern population of the Caucasus], Tbilisi: Metsniereba, 134 p.

Alekseev V.P., 1966. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methods of anthropological researches], Moscow: Nauka, 251 p.

Alekseev V.P., 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [Origin of the Peoples of the Caucasus], Moscow: Nauka, 317 c.

Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methods of anthropological researches], Moscow: Nauka, 128 p.

Babayan F.S., Khudaverdyan A.Yu., 2015. Ob odnom chelovecheskom skelete XII–XIII vekov iz raskopok v Dvine [About one human skeleton of the 12–13th centuries from the excavations in Dvin]. *Lavrovskii sbornik: Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2014–2015 gg.*, St. Petersburg, pp. 16–20.

Balabanova M.A., 2010. K voprosu o proiskhozhdenii rannesrednevekovogo naseleniya iuga Vostochnoi Evropy i uchastie v ego etnogeneze sarmatskikh grupp [On the problem of the origin of early medieval population of the south of Eastern Europe and the role of Sarmatian groups in its ethnogenesis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarskogo universiteta*, no. 2 (18), pp. 5–16.

Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

- Batieva E.F., 2011. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika XIII-XIV weka srednevekovogo poseleniya «Zhukova» [Anthropological data from the 13–14th century burial ground of the medieval settlement of Zhukova]. *Vestnik antropologii*, vol. 19, pp. 161–168.
- Berezina N.Y., Buzhilova A.P., Reshetova I.K., 2012. Novye kraniologicheskie materialy k voprosu ob antropologicheskom substrate srednevekovykh alan [New craniological materials on the anthropological substrate of medieval alans]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 4, pp. 18–36.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. *Standards of data collection from human skeletal remains*, Arkansas Archaeological Survey Research Series 44, Fayetteville, 218 p.
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C., 1999. *Atlas of occupational markers on human remains*, Teramo: Edigrafital S.P.A., 183 p.
- Chistov Yu.K., 1998. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya luzhnogo lemna* [Anthropology of the ancient and modern population of Southern Yemen], vol. I: Paleoanthropology, anthropometry, anthroposcopy, St. Petersburg: Evropeiskii dom, 274 p.
- Davids J.R., Wenger D.R., Mubarak S.J., 1993. Congenital muscular torticollis: Sequel of intrauterine or perinatal compartment syndrome. *Journal of Pediatric Orthopaedics*, vol. 13, pp. 141–147.
- Dzhavakhishvili E.N., 1966. Sionskaya kraniologicheskaya seriya [Zion craniological series]. *K kraniologii drevnego i sovremennogo naseleniya Kavkaza*, Tbilisi: Metsniereba, pp. 89–133.
- Efimova S.G., 1991. Paleoantropologiya Povolzh'ya I Priural'ya [Paleoanthropology of the Volga and Ural regions], Moscow: MGU, 95 p.
- Fedossova V.N., 1986. Obshchaia otsenka razvitiia komponenta mezomorfii po osteologicheskim dannym (osteologicheskaia metodika) [A general assessment of the development of a mesomorphic component in osteologic data (osteoscopic method)]. *Voprosy antropologii*, vol. 76, pp. 105–116.
- Yuan J.T., Teng E., Heller J.B., Kawamoto H.K., Bradley J.P., 2012. Asymmetric Class III Malocclusion: Association With Cranial Base Deformation and Occult Torticollis. *Journal of Craniofacial Surgery*, vol. 23 (5), pp. 1421–1424.
- Gazimzyanov I.R., 2000. Zolotaia Orda i etnogeneticheskie protsessy na Srednei Volge [The Golden Horde and ethnogenetic processes in the Middle Volga]. *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoiashchemu*, part II, Moscow: Starii sad, pp. 189–216.
- Gazimzyanov I.R., 2015. Naselenie srednevekovogo Bolgara po dannym kraniologii: Predvaritel'nye rezul'taty po materialam raskopok 2010–2013 gg. [The medieval Bolgar population according to craniological data: Preliminary results according to the materials of 2010–2013 excavations]. *Povolzhskaya Arkheologiya*, no. 3 (13), pp. 112–124.
- Gerasimova M.M., 1986. Kraniologiya mogil'nika Moshchevaya Balka [Craniology of Moshchevaya Balka burial ground]. *Arkheologicheskie otkritiya na novostroikakh: Drevnosti Severnogo Kavkaza: (Materialy rabot Severokavkazskoi ekspeditsii)*, vol. 1, Moscow: Nauka, pp. 204–213.
- Gerasimova M.M., 1996. Kraniologicheskie materialy k etnogenezu severokavkazskikh narodov [Craniological materials on the ethnogenesis of the North Caucasian populations]. *Vestnik antropologii*, vol. 2, pp. 156–167.
- Golden K.A., Beals S.P., Littlefield T.R., Pomatto J.K., 1999. Stenomatoid imbalance versus congenital muscular torticollis: Their relationship to positional plagiocephaly. *Cleft Palate-Craniofacial Journal*, vol. 36, pp. 256–261.
- Gromov A.V., 2006. Cherepa iz Osinkinskogo mogil'nika: Sledi iskusstvennogo vozdeistviya [Skulls from Osinkinsky cemetery: Traces of deliberate influence]. *Artificial deformation of human head in Eurasian past. OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology*, vol. 5, Moscow: Institute of Archaeology RAS, pp. 88–95.
- Kasimova R.M., 1960. *Antropologicheskoe issledovanie cherepov iz Mingechaura* [Anthropological study of the skulls from Mingechaur], Baku: Academy of Sciences of Azerbaijan SSR, 134 p.
- Kirichenko D.A., 2013. Sandigtepe V po dannim antropologii [Sandygtepe V according to anthropology data: (A preliminary report)]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: Naselenie Yuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Dinskie antropologicheskie chteniya)*, Rostov, pp. 68–69.
- Khojayov T.K., 2005. Srednevekovye kraniologicheskie materialy iz Astrakhanskoi oblasti [Medieval craniological materials from Astrakhan region]. *Vestnik antropologii*, vol. 12, pp. 76–97.
- Khudaverdyan A.Yu., 2000. *Naselenie Armianskogo nagor'ia v antichnuu epokhu (po antropologicheskim dannym Beniaminskogo mogil'nika)* [Armenian highland population in ancient times (according to anthropological data of Benjamin burial ground)], Yerevan: Tigran Mets, 140 p.
- Khudaverdyan A., 2011. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia. *Anthropos*, vol. 106 (2), pp. 602–609.
- Khudaverdyan A.Yu., 2012. Cranial deformation and Torticollis of Early Feudal burial of Byurakn from Armenia. *Acta Biologica Szegediensis*, vol. 56 (2), pp. 133–139.
- Khudaverdyan A.Yu., 2016. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *Mankind Quarterly*, vol. 56, no. 4, pp. 513–534.
- Khudaverdyan A.Yu., Babayan F.S., Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S., 2014. K voprosu o dekapitatsii v Dvine: Antropologicheskaia ekspertiza srednevekovykh cherepov iz Armenii [On the question of decapitation in Dvin: Anthropological examination of medieval skulls from Armenia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (27), pp. 96–107.

Khudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Hakopyan N.G., 2016. Naselenie Ovannavanka v epokhu srednevekov'ia [The population of Hovhannavank in the Middle Age]. *Biologicheskii zhurnal Armenii NAN RA*, no. 4, vol. LXVIII, pp. 13–21.

Khudaverdyan A.Yu., Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Engibaryan A.A., Hovanisyan A.A., 2017. Antropologicheskaiia kharakteristika individov IX–XI vv. iz pamiatnika Dvin (Armenii) so sledami rostovykh narushenii [Anthropological characteristics of individuals of the 9–11th centuries from the monument of Dvin (Armenia) with traces of growth disorders]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (38), pp. 73–99.

Komarov S.G., 2012. Naselenie Bukeyevskoi Stepi v epokhu zolotoi ordy po dannym kranologii [The population of Bukeyev Steppe in the era of the Golden Horde according to craniological data]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 4, pp. 45–57.

Pezhemy D.V., 2011. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia [Variability of the longitudinal dimensions of human tubular bones and possibility of reconstructing the body-build]. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniie uchenoi stepeni kandidata biologicheskikh nauk, Moscow, 24 p.

Postnikova (Rud') N.M., 1987. Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh vzaimootnosheniakh na Sredney Volge v X–XIV vv. [Anthropological data on the issue of ethnic interactions at the Middle Volga in the X–XIV cent.]. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy*, Moscow: Nauka, pp. 83–141.

Roginskii Y.Y., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology], Moscow: Visshaya shkola, 528 p.

Rudich T.A., 2000a. K voprosu ob antropologicheskome sostave naseleniia Ukrainy XVI–XVII vv. [On anthropological composition of the population of Ukraine in the XVI–XVII centuries]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia: Zolotoordynskoe vremia*, vol. 1. Donetsk, pp. 381–392.

Rudich T.A., 2010b. Naselenie cherniakhovskoi kul'tury Dunaisko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia po materialam antropologii [Chernyakhov Culture Population on the Territories between the Danube and Dniester Rivers According to Anthropological Data]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 223–231.

Shvedchikova T.Yu., Kharlamova N.V., Rasskazova A.V., Chagarov O.S., 2016. Srednevekovoe naselenie Severo-Vostochnogo Prichernomop'ya (po materialam raskopok khristianskogo khrama u s. Veseloe IX–XI vv.) [Medieval population of North-Eastern Pontic region (case study of anthropological materials from the excavations of a Christian basilica near Veseloe settlement of 9–11th cent. AD)]. *Vestnik antropologii*, vol. 2 (234), pp. 94–116.

Tiratsyan G.A., 1980. Raskopki Armawira: (K 100-letiyu pervykh raskopok) [Armavir excavations (to the 100th anniversary of the first excavations)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 23–38.

Trofimova T.A., 1956. Antropologicheskii sostav naseleniya g. Bolgary v X–XV vv. [Anthropological structure of Bolgar town population in the X–XV cent.]. *Trudy Instituta etnografii*, Novaya seriya, vol. 33: Antropologicheskii sbornik 1, Moscow; Leningrad: Academy of Sciences, pp. 73–115.

Vasil'ev S.V., 1996. Trogonometriya licevogo skeleta iskopaemikh gominid [Trigonometry of the facial skeleton of fossil hominids]. *Vestnik antropologii*, vol. 2, pp. 84–152.

Velikanova M.S., 1993. *Antropologiya srednevekovogo naseleniya Moldavii* [Anthropology of the medieval population of Moldova (on the materials from Old Orhei monument)], Moscow, 260 p.

Zhirov E.V., 1940. Ob iskusstvennoi deformatsii golovi [About artificial deformation of the head]. *Kratkie soobsheniya Instituta istorii material'noi kul'turi*, vol. 8, pp. 81–88.

Zubov A.A., 1968a. Nekotorye dannye odontologii k probleme evoliutsii cheloveka i ego ras [Some odontological data on the problem of evolution of man and his races]. *Problemy evoliutsii cheloveka i ego ras*, Moscow, pp. 5–122.

Zubov A.A., 1968b. *Odontologiya: (Metodika antropologicheskikh issledovaniy)* [Odontology: (Methods of anthropological researches)], Moscow: Nauka, 199 p.

ЭТНОЛОГИЯ

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОРИЕНТИРОВАНИЯ ПО СТОРОНАМ СВЕТА У ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ¹

Представлены характерные особенности ориентирования ненцев по сторонам света, выявлена обусловленность этих особенностей факторами мировоззрения и среды обитания. Результаты исследования показали первоочередное значение для навигации ненцев оси север — юг, их владение детальной информацией о годовом и суточном цикле перемещения небесных объектов, разнообразие применяемых способов корректировки маршрутов и географических направлений по ветру, рельефу и локальным объектам. Сделан вывод, что предпочтения ненцев в использовании навигационных приборов — неприятие компаса и быстрое освоение спутникового навигатора — обусловлены спецификой их навигационной практики, в которой определение сторон света неотделимо от привязки к местным ориентирам.

Ключевые слова: этнография Сибири, пространственное ориентирование, ненцы, антропология движения, традиционные знания, навигационные системы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-089-098

Настоящая работа является продолжением общего исследования системы пространственного ориентирования тундровых ненцев (см.: [Адаев, 2015b]). Традиционные знания и навыки ненцев в данной области представляют большой интерес. Он обоснован, во-первых, тем, что этот ценнейший опыт был получен и с успехом реализован на одной из наиболее сложных территорий по условиям ориентирования — в тундровых и лесотундровых ареалах Крайнего Севера. Во-вторых, в наши дни в связи с распространением новых видов техники (снегоходы, спутниковые навигаторы, различные приборы связи), усиливающимся освоением Арктики, преобразованиями в образе жизни и хозяйственной деятельности тундровиков часть указанных знаний и навыков теряет свою актуальность и в итоге утрачивается либо существенно изменяется.

Долгое время по данной тематике целенаправленных исследований не проводилось, хотя некоторые отрывочные сведения публиковались в рамках изучения традиционных представлений ненцев об окружающем мире [Головнев, 1995; Харючи, 2012; и др.]. С 2000-х гг. серию работ по пространственному ориентированию ненцев и коми-зырян опубликовал сыктывкарский этнограф К.В. Истомин, часть из них — в соавторстве с М.Дж. Дуайером [Dwyer, Istomin, 2008; Istomin, Dwyer, 2009; Истомин, 2015 и др.]. Отличительной стороной этих работ является акцент на изучении ориентирования как когнитивного процесса. Для нас же основной интерес заключается в непосредственной фиксации навигационных знаний и навыков ненцев, оценке их практической эффективности и корреляции с жизненными реалиями тундрового населения.

Цель исследования — представить традиционный ненецкий опыт ориентирования по сторонам света, выявить его характерные особенности и их обусловленность внешними (среда обитания) и внутренними (мировоззрение) факторами. В методологическом отношении исследование базируется на системном подходе и структурно-функциональном анализе. Основную информационную базу составили полевые материалы целевых исследований 2014–2016 гг. на территории ЯНАО², дополненные информацией из опубликованных источников.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 14-18-01882) «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А.В. Головнев).

² Полевые сборы осуществлялись Е.А. Волжаниной (Ямальский р-н), Р.Х. Рахимовым и автором настоящей статьи (Надымский, Приуральский и Тазовский р-ны).

Традиционное понимание сторон света

Пространственное ориентирование включает две важнейшие составляющие — сопоставление собственного положения со сторонами света и с другими объектами на местности. Из них именно первая позволяет человеку адекватно представлять свое местоположение в глобальных масштабах, создавая близкие к действительности ментальные карты местности³. Если в привычных условиях современный горожанин, как правило, ограничивается привязкой своего местоположения к окружающим объектам, а иногда не может объективно представить конкретную локализацию даже в пределах города, то ненцы-кочевники в будничной практике оперируют географической информацией в привязке к сторонам света. Отсюда и происходит столь удивительная способность представителей многих бесписьменных народов свободно ориентироваться по никогда не виденным ими географическим картам своей территории.

Сообщения подобного рода относительно ненцев без труда находятся в трудах путешественников XIX — первой половины XX в. Многие из них непосредственно занимались географическими исследованиями северных территорий, а значит, могли с большой степенью компетентности оценить достоверность знаний ненцев о своей земле (см.: [Кольс, 1930, с. 31; Финш, 1882, с. 426]). Наиболее яркое высказывание по этому поводу принадлежит известному зоологу и географу Б.М. Житкову, посетившему в 1908 г. полуостров Ямал: «Некоторые самоеды, которым показывал я морские карты побережья, поражали меня быстротой и точностью, с которой они в карте ориентируются, начиная правильно называть мысы, бухты и устья рек. Нужно показать им только положение стран света на карте. [...] С места самоед покажет вам шестом румб цели, к которой он едет, и в пути не собьется с направления» [1913, с. 223–224].

О том же свидетельствуют современные полевые материалы. Постоянная ориентация по сторонам света — это непосредственная составляющая навигации в пространстве у ненцев. Они сразу прививают своим детям привычку фиксировать свое положение или направление движения относительно сторон света. Развивают в них наблюдательность, формируют доведенный до автоматизма навык все время сверять свой курс с определенными приметам, указывающими на основные географические направления. Характерное высказывание тазовского оленевода: «В любой момент знаю, где север, где восток. Выезжая, уже запомнил: восток — там, север — там. В голове есть компас. Допустим, посмотрел на то место: холм — он на востоке, а этот бугор или деревце — это север. И все, ориентируешься» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014].

Приуроченность к сторонам света употребляется ненцами в обыденной жизни и при указании направления движения, когда это направление не привязано к какому-нибудь объекту местности. Например, оленевод может сказать, что «он откочует на север» (*нэ́рм' минан' ямдангудм'*) или «он откочует к востоку» (*ханя́р" тюлваминан' ямдангудм'*). О важности ориентировки по сторонам света говорит следующая фраза: «На новом месте все время думаем, где юг, где север» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014].

При этом заметна одна характерная особенность: в повседневной речи указание на стороны света у ненецких кочевников часто увязывается с ветрами и информаторы нередко вместо слов «север», «юг», «восток» или «запад» приводили выражения «северный ветер», «южный ветер» и т.д. Временами создавалось ощущение, что понятия «ветер» и «географическое направление» для тундровиков настолько близки, что почти сливаются воедино.

Обращает на себя внимание многообразие в ненецком языке терминов, связанных с некоторыми сторонами света (ветрами), но представлено оно неравномерно. Так, если для обозначения севера и юга существуют довольно устоявшиеся формы (*нэ́рм'* и *и́ба* или *я́ля'ер"* соответственно), то запад и восток, особенно в привязке к ветрам, имеют множество вариантов. Запад — «вода пришла» (*идм' тадлава*); «дождливый ветер» (*са́ре мин*); «постоянных осадков ветер» (*сатанум' мин*); «там, где скрывается солнце» (*я́ля' паде*); «ветер Уральских гор» (*Пэ' мерця*) и т.д. Восток — «где замерзает» (*ханя́р" тюлва*); «морозный» (*ханибте*); «морозного неба ветер» (*тецьданум' мин*); «где встает солнце» (*я́ля' тарл"*); «лесных ненцев северный ветер» (*пяд' хасев" нэ́рм'*)⁴ и др.⁵ С ветром,

³ Относительно значений термина «ментальная карта» и его использования в отношении пространственного ориентирования см., напр., работы Н.В. Веселковой [2010, с. 6], М.Дж. Дуайера и К.В. Истомина [Istomin, Dwyer, 2009, p. 29–30].

⁴ По поводу последнего названия восточного ветра у тазовских ненцев был получен любопытный комментарий: «Это восток. Где Пяки живут. Это лесные ненцы там. Есть дальний восток, а это ближний восток. По их понятиям север у них на востоке. У них холода наступают, если ветер дует с востока. Это ихний север. А по-нашему — это восток» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014].

⁵ Подробная подборка ненецких названий ветров представлена также в работе Г.П. Харючи [2012, с. 34].

Специфика ориентирования по сторонам света у тундровых ненцев

приходящим с каждой стороны, связаны свои ассоциации. Для ненцев Тазовской тундры северный ветер — холодный, нагоняющий воду, приносящий избавление от гнуса; восточный — морозный, приносящий заморозки; южный — теплый, вызывающий таяние; западный — несущий дожди, влагу. В районе Полярного Урала оленеводы хорошо знают, что с южным ветром часто появляется поземка, а западный ветер, дующий с гор, — самый сильный и разрушительный.

Отличительные качества ветров могли использоваться как вспомогательные признаки, помогающие определить стороны света. Ощущая, какой ветер дует — холодный или теплый, влажный или сухой, сильный или слабый, можно было предполагать его направление: *«По ветру можно сориентироваться, где север, где юг. К югу он ослабевает, а если с севера подует — еще и сильнее становится. Ты сразу поймешь»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014]. Также тазовскими ненцами замечено, что черные тучи обычно приносит ветер с северо-запада или севера, восточный ветер морозный, но он редко бывает сильным. Безусловно, подобный способ ориентирования был не самым надежным, но, зная даже сезонные особенности ветров, наиболее опытные из них ошибались в своих определениях не часто. Из высказываний тундровиков: *«Обычно у нас с конца сентября устанавливается так: с востока ветер подул — все, лед замерзнет. Холодный дождь может с северо-востока принести, по весне — с юга дожди приносит»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2014].

Вышеупомянутая существенная разница в количестве вариантов ненецких терминов для разных сторон света, когда для обозначения севера и юга есть совершенно определенные слова, а восток и запад имеют много вариантов наименования, подчеркивает первоочередное значение оси север — юг для кочевников, передвигающихся преимущественно в меридиональном направлении. По той же линии происходят сезонные перемещения перелетных птиц и ряда важных промысловых животных, с ней согласуется направление течения самых крупных рек региона и пояса Уральских гор. При перекочевке от лесистой местности к арктической пустыне и обратно оленеводы ежегодно видели наиболее радикальные изменения природных условий, с которыми, конечно, мало сопоставимы по последствиям изменения, наблюдаемые при перемещении в широтных направлениях. Существенная разница условий севера и юга выразилась и в соответствующем ассоциативном ряду, где северные территории связаны с безлюдностью, опасностями и миром мертвых, а южные — с жизнью и спасением. Один из оленеводов северного Гыдана озвучил это следующим образом: *«У нас, например, покойника ложат [при захоронении] ногами в сторону севера. Там, если заблудишься, жизни нигде не найдешь. А если на юг пойдешь — кого-то встретишь сразу. Я вот так всегда предупреждаю: заблудишься, если определил стороны, ехать лучше к югу. Там люди есть»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015].

Продолжением сильной линии север — юг в пространственных представлениях тундровых ненцев выступает довольно размытое ощущение запада и востока. Большинство опрошенных ненцев вообще несколько терялось, подбирая на своем языке эквивалент русским понятиям «восток» и «запад». Предельно конкретно по этому поводу отозвался ненец с полуострова Ямал — территории, где сегодня сохраняются наиболее протяженные меридиональные кочевья: *«Слова “запад”, “восток” — это русские слова, по-ненецки не говорят. Для ненцев важны только два направления север — нэрм’, и юг — иба»* [ПМ Волжаниной, Ямальский р-н, 2014]. Не случайно именно с западом и востоком у ненцев связана наибольшая путаница из-за привязки направлений к ветрам. При детальном уточнении нередко выяснялось, что за западным ветром на самом деле скрывается господствующий в данной местности западный-юго-западный, а восточный ветер здесь тоже не совсем восточный.

Добавим еще, что широчайшая годовая амплитуда перемещения точек восхода и заката солнца в Арктике и Субарктике вносит свою лепту в зыбкость тех ненецких понятий «запад» и «восток», которые увязываются с солнечным положением. Из рассуждений гыданского оленевода: *«Восток, хаер’ тарпылава — ‘появляется солнце’, но оно же сейчас с северо-востока появляется. А северо-западный — это хаер’ паделава, ‘солнца закат’. Это тоже не запад, а северо-запад на самом деле у нас»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015]. К тому же летом солнце в тундре несколько месяцев совсем не заходит за горизонт, а сразу после полярной зимы восход и закат происходят на юге. Немаловажно, что на этом фоне совершенно стабильным является полуденное положение солнца на юге, что и отражено в одном из ненецких названий южного направления — *яля’ер* (‘дня середина’).

Навигация по астрономическим объектам

Важнейшую роль при ориентации по сторонам света играют астрономические объекты, они также позволяют долгое время выдерживать выбранный курс при передвижении и определять время. Данная тема рассматривалась специально ранее [Адаев, 2015а], поэтому здесь она будет представлена кратко и с акцентом на некоторых новых полученных материалах. Важнейшими среди ориентиров для современных ненцев являются солнце, луна, Венера и созвездие Большой Медведицы.

Тундровики хорошо знакомы с описанной выше сложной, меняющейся амплитудой перемещения солнца (*хаер*) на широте Крайнего Севера. Интересно отметить, что многие из них освоили известный туристический способ ориентирования по солнцу и циферблату часов. В зимнее время, особенно в период полярной ночи, те же путеводные функции для тундровиков выполняет луна (*урий*). Причем ее значение для навигации гораздо выше, так как к ней обращаются в наиболее сложный период для ориентирования. Луна хорошо заметна в период низкой метели и даже при неплотной облачности, кроме того, ее отсвет делает видимыми другие объекты на местности.

Самый популярный среди ненцев небесный ориентир и указатель времени — планета Венера, которую они называют Рассветная звезда (*Ялэмтад' нумгы*). Это яркий объект, появляющийся ранним утром с востока на удобной для обзора высоте. Ненцы довольно часто называют Венеру по-русски Полярной звездой, причем ошибка эта встречается почти повсеместно. Связана она еще и с тем, что на большинстве территорий (за исключением Полярного Урала) настоящую Полярную звезду современные тундровики не знают и при ориентировании ею не пользуются. Самое парадоксальное здесь то, что ненцы превосходно понимают характер перемещения звезд по небосклону и при опросах неоднократно приходилось слышать, что некоторые из них самостоятельно выявили самую малоподвижную звезду, которой и является Полярная. Из рассказа гыданского оленевода: «*Есть такая звезда — на одном и том же месте. Она никуда не едет, она вокруг своей оси только. Черт его знает, как она называется, названий-то мы не знаем. Вот один раз мы проверяли специально. Например, я хорей поставлю, на нее — раз. Потом проверяешь: от этого, куда ты ее поставил, она не сдвигается, как будто крутится на одном месте. Интересно просто было: почему это она на одном месте стоит? Эта ходит, а эта на одном месте*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015].

Самое известное у ненцев созвездие, Большая Медведица, носит несколько названий — *Си'ив нумгы* ('семь звезд'), *Со'ом'* (значение слова обычно связывают с 'черпаком') или просто *Ярако* ('Ковшик'). Положение Большой Медведицы существенно меняется в разное время ночи и в разные сезоны года относительно своей оси и линии горизонта. Благодаря большой амплитуде поворотов в течение ночи созвездие служит ненцам наглядным указателем как сторон света, так и времени.

Значительно реже ненцы обращаются при ориентировании к другим объектам — Млечному Пути (*Нуе' лудо*), созвездиям Плеяды (*Мар' тэугам' пидна'*), Возничего (*Хора пуй вадарта*). Лишь среди оленеводов Полярного Урала удалось зафиксировать знание Полярной звезды (*Нээрм нумгы*) и использование ее в навигации. В отдельной работе [Адаев, 2017, с. 32] мной уже высказывалась версия, что возможной причиной сохранения этой локальной практики стали условия ограниченного обзора в предгорьях, когда низко расположенные звезды не всегда видны (именно по ним ненцы чаще всего выдерживают в пути нужный азимут). В более ранних источниках зафиксированы ненецкие названия еще двух созвездий — Персей (*Хаби нумгы*) [Шренк, 1855, с. 480] и Малая Медведица (*Самлянг нумгы*) [Терещенко, 1965, с. 461].

Подводя итог, можно сказать, что традиционные астрономические знания, безусловно, были отчасти утрачены ненцами, но, вероятнее всего, они и в прежние времена различали не так много звезд и созвездий. Для определения сторон света им вполне было достаточно ограниченного набора ярких небесных объектов, хорошо распознаваемых даже при ограниченной видимости. В качестве же ориентира для выдерживания азимута подходила любая яркая звезда в нужном направлении, название которой было абсолютно неважно.

Другие варианты определения сторон света

В условиях ограниченной видимости и недостатка наземных ориентиров самым надежным способом выдержать нужное направление у ненцев является коррекция маршрута по снежным застругам (*парандэй*). Ориентировкой по застругам пользуются в районах «голой» тундры, а

Специфика ориентирования по сторонам света у тундровых ненцев

также в акваториях морей, Обской и Тазовской губ. Крайне редко этот способ применяется жителями лесотундры, так как в их закрытых деревьями ландшафтах снег остается мягким.

Заструги представляют собой наметенные ветром плотные снежные валы, в момент образования они направлены своим гребнем по ветру. Наиболее устойчивыми оказываются первые заструги, которые обычно подвергаются оттепели и потому лучше промерзают. Ненцы запоминают направление этих первых застругов и в некоторых случаях сверяют свой путь именно по ним, так как во время сильного ветра слои более поздних снежных барханов выдуваются. Новый слой застругов образуется после очередного сильного бурана, причем для такой смены может потребоваться не один день. По словам ненцев, запоминание направления *парандзев* происходит у опытных тундровиков практически на рефлекторном уровне: *«Из чума вышел, смотришь — сугроб вон такой. Или в темноте бывает, ногой потрогал сугроб. Ага — туда показывает»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014].

Об эффективной ориентировке ненцев по снежным застругам сообщали и некоторые исследователи прошлого. Так, этнограф В.А. Иславин писал, что самоед, сбившись с пути, *«ложится на землю и высматривает струи снега»* [1847, с. 42–43]. Весьма точные наблюдения о применении того же путевого ориентира ненцем проводником были оставлены исследователем первой половины XX в. В.Н. Тоболяковым: *«Приметами у него были снежные заструги. От преобладающих ветров они, как стрелка компаса, почти всегда в тундре расположены в одном и том же направлении. Пронька замечал угол, под которым он выезжал, и потом уже не менял этого угла»* [1930, с. 21].

Чаще всего при затрудненной видимости ненцы осязательно чувствуют ритм биения нарт о неровности снега или, сбавив ход, прощупывают снег спущенной с нарт ногой: *«Даже кисы стираются. Едешь на оленях, заструги ногами специально щупаешь, чтобы ориентир не потерять. Ногами чувствуешь ночью или в пурге, как стучит»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н, 2014]. Некоторые ненцы указывали, что наиболее частое направление, под которым образуются гребни заструг,— линия север — юг, обусловлено это преобладанием северного ветра во время буранов. Тем не менее в ориентировке по *парандзям* у неопытного человека могли возникнуть сложности, так как на больших расстояниях их направление может незаметно поменяться.

Избежать ошибки помогает параллельное использование других способов «слепого» ориентирования. Самым распространенным из них является корректировка курса по ветру. Ненцы кожей лица ощущают дуновение ветра и стараются держать курс под одним и тем же углом к нему. Как осуществляется контроль данного процесса, свидетельствует следующая цитата: *«Если ветер сзади, лицо не задевает, чуть голову повернул — почувствовал. Если ветер сзади — он не должен лицо задевать. Если боковой, то все время должен быть таким. Если поменялся — ты должен чувствовать. Видишь впереди дерево, на него едешь, а ветер уже с другой стороны — должен сразу заметить»* [ПМ Адаева, Надымский р-н, 2014]. Последний совет по поводу дерева, конечно, актуален только для территории лесотундры, жителям более открытых северных пространств значительно сложнее заметить вовремя, что их воздушный ориентир поменялся.

Справиться с этой проблемой тундровикам помогают некоторые верные приметы, позволяющие не только определить произошедшую смену ветра, но и предугадать намечающуюся. Так, начавшийся снег или дождь, как правило, приводит к изменению ветра. Если тучи быстро летят по небу и их курс не соответствует направлению наземного ветра, то в ближайшие часы следует ждать его перемены. Ветер дует с большими паузами — будь внимателен, он может резко поменяться. Оленевод, едущий на упряжке по открытому пространству, знает, что олень обычно придерживается более-менее прямого курса и внезапное ощущение ветра, дующего с другой стороны, скорее всего, свидетельствует о его перемене. Кроме того, выше уже было описано, что ветер с разных направлений иногда распознается ненцами по качественным характеристикам. Интересно отметить, что сверка своего направления по ветру наиболее просто осуществляется именно при поездке на оленьей упряжке, едущий же на снегоходе человек, чтобы почувствовать дуновение ветра, вынужден периодически останавливаться и поэтому имеет намного больше шансов не заметить его перемену.

Направление сторон света позволяют определить также известные ненцам особенности снежного покрова и ледостава. В.А. Иславин писал, что самоеды распознают направления *«по образованию самого снега, который подергивается ледяною корою с той стороны, с которой дуют холодные ветры»* [1847, с. 42]. Тазовские ненцы рассказывали, что при замерзании

озер в сентябре неровный лед скорее всего будет с северо-восточного берега, так как туда относит шугу господствующим в этот период юго-западным ветром [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015].

Один из надежных способов определения сторон света заключается в раскапывании погребенной снегом травы: тундровики запоминают с осени, в каком направлении легла трава во время первого сильного снегопада и при случае всегда могут свериться с этим ориентиром: *«Заблудился — копаешь снег, смотришь, как трава лежит. Если осенью дул северный ветер, когда снег ложился, то трава будет с севера на юг лежать. Запоминать надо, как ветер дул»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2014]. Обращает на себя внимание, что определение направлений света по залегшей растительности было приведено английским путешественником Ф.Дж. Джексоном в качестве единственного способа удостовериться в правильности своего маршрута, который применялся наиболее опытными ненцами в условиях сильного тумана или облачности. Правда, искомым объектом в этой ситуации англичанин называл не траву, а мох [Jackson, 1895, p. 122–123].

Наиболее опытные и внимательные к деталям тундровики использовали и другие способы сверить географическое направление с помощью растений. Проводник В.Н. Тоболякова определял подветренную сторону по висящим на кустарнике льдинкам [1930, с. 21]. На Гыдане один из оленеводов рассказывал, что в самом густом тумане можно сориентироваться, заметив, как остались наклонены головки растения пушица — они совершенно четко указывают направление последнего сильного ветра [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015]. В местности, где произрастают деревья (в северных районах это уже только лиственницы), ненцы иногда определяют стороны света по их кроне: *«Лиственница, когда стоит, у нее же с северной стороны практически веток нету. Вот по этому можно определиться»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2014]. Упоминались и другие, более редкие приметы, связанные с деревьями: *«Одинокие-то деревья немного наклонены к солнцу, если хорошенько посмотреть. А кому не лень, может в таком месте и корни посмотреть. Большие-то корни, они на север идут. Там основных четыре корня идет, а большой всегда на север»* [Там же].

В весенний и осенний период, как говорят тундровики, помочь в определении направлений могут перелетные птицы, так как весной они летят на север, а осенью на юг. Однако для использования этого ориентира необходима высокая компетентность наблюдателя. Во-первых, нужно уметь различать миграционный перелет и перемещения птиц в поисках новых мест кормежки и, в частности, знать последовательность и график перелета разных видов; во-вторых, надо владеть информацией о локальных особенностях перелетных маршрутов пернатых (например, через северную часть Гыданского полуострова птицы осенью движутся в западном-юго-западном направлении). Характерный комментарий гыданского оленевода по этому поводу: *«Перелетные птицы у нас на юго-запад летят. Если на время смотреть, то на 2 часа или на 3-й час [имеются в виду направления сторон света по циферблату часов в полдень]. Сейчас-то, если на них смотреть, то, конечно, это тебе не поможет — пока трава-то, они в разные стороны летят, кормятся. А вот эти раньше полиняли, с черными носами крупные — гуменники. А с красным носом — эти уже попозже. Где-то в сентябре [перелет] начнут»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2015].

Один из ненцев рассказал, что для ориентировки по основным направлениям он использует известные ему особенности небесного освещения: *«Вот, например, едешь по голой тундре на север, чтобы не заплутать, смотри: в хорошую яркую погоду, в декабре, например, на севере всегда больше синевы. С севера всегда синеватый свет идет, наиболее яркий»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н, 2014]. Справедливости ради, надо отметить, что при ясном небе стороны света можно легко определить и по другим, более надежным ориентирам, в частности по астрономическим объектам.

Применение приборов ориентирования

Указанная тема довольно неожиданно раскрывает некоторые специфические черты ненецкой системы ориентирования. Начнем с того факта, что компас оказался, по сути, чуждым для ненцев прибором. Известно, что им пользовались короткий период 1900–1930-х гг. отдельные ненецкие морские зверобои, отправлявшиеся в плавание на больших лодках, а во второй половине XX в. — крайне незначительное число тундровых оленеводов.

Зоолог Б.М. Житков в начале XX в. писал о ненцах: *«Употребления компаса, за исключением весьма немногих промышленников, плавающих в карбасах по морю, они не знали. Кажется, я первый завез и раздал несколько штук карманных компасов на Ямале»* [1913, с. 224]. Как показывают источники, на пути технического оснащения тундровых ненцев у Б.М. Житкова

Специфика ориентирования по сторонам света у тундровых ненцев

были и предшественники, и продолжатели дела, однако добиться прочного успеха в популяризации компаса среди тундровиков им не удалось. Еще в 1860-е гг. ознакомлением ненцев с использованием компаса и другими довольно сложными инструментами для ориентирования в море занимался Ю.И. Кушелевский. Этот путешественник высоко оценивал мореходные способности обученных им самоедских матросов: *«Они были гораздо дельнее и проворнее русских; сметливость их удивляла меня, так же, как и любознательность. Я познакомил их с компасом, подзорной трубой, термометром, барометром, секстантом и проч. Все слышанное от меня они очень скоро усваивали и хорошо помнили, так что каждому вновь приходящему посетителю моей шхуны передавали все с величайшей подробностью»* [1868, с. 14–15]. Дарили компасы ненецким морским зверобоям и оленеводам в свои поездки 1928–1929 гг. известные исследователи Ямала В.П. Евладов [1992, с. 43] и В.Н. Чернецов [Источники..., 1987, с. 57]. Тем не менее даже то ограниченное использование компаса, которое удалось распространить среди ненецких зверобоев, к 1920-м гг. быстро сошло на нет вместе с угасанием практики коллективной охоты на больших гребных лодках.

Относительно причин неприятия ненцами компаса в качестве инструмента определения сторон света можно привести несколько рассуждений. С одной стороны, применение этого прибора за полярным кругом осложнено из-за существенного и нестабильного отклонения стрелки от истинного (немагнитного) полюса. Величина отклонения изменяется даже в течение суток, а на отрезке в несколько десятков лет дистанция смещения магнитного полюса может достигать сотен километров [Тарасов, 2012, с. 45–48]. С другой стороны, есть множество доводов в пользу вероятной практичности применения компаса ненцами: 1) в критической ситуации бывает важно знать даже примерное направление сторон света, а сам прибор прост в обращении, компактен и удобен для перевозки; 2) основная ось координат компаса — север — юг прямо соответствует главной «ненецкой оси»; 3) ненцы умело пользуются в своей практике большим набором других нестабильных ориентиров — ветер, снежные барханы, небесные объекты и пр.; 4) компас с успехом использовался в высоких широтах коми-зырянами, русскими поморами, а также частью ненцев, занятых морским зверобойным промыслом, не говоря о приезжих путешественниках; 5) в более южных районах тундры и лесотундры отклонение от истинного севера не столь велико, чтобы создавать существенные проблемы с ориентированием.

И все же, несмотря на многолетний опыт общения с путешественниками, обучение нескольких поколений тундровиков работе с компасом в школе, прибор так и не завоевал доверия ненцев. Красноречивы высказывания, записанные среди современных жителей тундры, занятых традиционным хозяйством: *«Я не помню, чтобы оленевод с компасом ходил». «Компасом здесь никогда не пользовались. И во времена отца тоже, тогда своей головой ориентировались»* [ПМ Адаева, Рахимова, Тазовский р-н, 2014–2015]. На мой взгляд, причина неприятия ненцами компаса для использования на суше состояла в том, что всю необходимую информацию о своем положении относительно сторон света тундровики с успехом получали доступными им средствами и приемами, причем сразу с привязкой к объектам на местности. Последнего качества компас лишен.

Однако упомянутое качество есть у спутникового навигатора, и именно поэтому он без труда вошел в широкое употребление ненецким населением, постепенно став обычным бытовым прибором для оленеводов, рыбаков и охотников. В ходе полевых исследований в четырех районах ЯНАО (Надымский, Приуральский, Тазовский, Ямальский) мы неизменно встречали коренных жителей, которые имели в личном пользовании навигатор, многие собирались его приобрести в ближайшем будущем. Безусловно, проникновение таких приборов будет способствовать утрате ряда элементов традиционной системы ориентирования ненцев, в особенности это касается наиболее сложных и тонких ее аспектов, где сливаются воедино знания, опыт и интуиция. Тем не менее я не разделяю опасений коллеги К.В. Истомина, что победное проникновение навигатора на следующем этапе непременно приведет к полному вытеснению соответствующих ненецких традиций и замене их инновацией [2015, с. 53]. На мой взгляд, этот возможный вариант развития событий реализуется только при условии тотального промышленного освоения всей территории проживания ненцев и утрате ими кочевого оленеводства. До тех пор пока сохраняются протяженные переезды по безлюдной территории, пока олень продолжает использоваться в качестве транспортного животного, пока тундра не покроется плотной сетью дорог и оседлых поселений, навигационные приборы будут выступать лишь дополнением и подстраховкой для традиционных способов ориентирования.

Заключение

Подводя итог, можно акцентировать внимание на следующих выявленных особенностях ненецкой системы ориентирования по сторонам света: 1) первоочередное значение оси север — юг и некоторая «размытость» восточного и западного направлений; 2) ограниченный набор распознаваемых и используемых для определения сторон света астрономических объектов; 3) владение детальной информацией о годовом и суточном цикле их перемещения; 4) разнообразии способов корректировки маршрутов и географических направлений по ветру, рельефу и различным локальным объектам, базирующееся на развитой наблюдательности и глубоком знании местных условий; 5) определение сторон света в традиционной практике навигации, неотделимое от привязки к местным ориентирам; 6) обусловленные указанной особенностью предпочтения ненцев в приборах для ориентирования — неприятие компаса и быстрое освоение спутникового навигатора. В дальнейшем, по мере накопления и анализа большого массива материалов, перспективным является сопоставление традиционного опыта пространственного ориентирования ненцев с системами аналогичных знаний и навыков других народов-кочевников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМ Адаева В.Н. Тазовский и Надымский районы ЯНАО, 2014–2015.

ПМ Волжаниной Е.А. Ямальский район ЯНАО, 2014.

ПМ Рахимова Р.Х. Тазовский и Надымский районы ЯНАО, 2014.

Литература

Адаев В.Н. Ориентирование по астрономическим объектам в традиционной культуре ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 210–213.

Адаев В.Н. Формы передачи географической информации в традиции тундровых и лесных ненцев // УИВ. 2015b. № 2. С. 33–38.

Адаев В.Н. Горные ненцы Полярного Урала: особенности традиционной культуры и ландшафтного освоения у этнолокальной группы // УИВ. 2017. № 2. С. 25–34.

Веселкова Н.В. Ментальные карты города: Вопросы методологии и практика использования // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2010. Т. 31. С. 5–29.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Наука, 1995. 606 с.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.

Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 350 с.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.

Истомин К.В. Попытка построения стадиальной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций // ЭО. 2015. № 3. С. 41–59.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.

Кольс Р.Е. Река Таз (Тасу-ям). Л.: РГО, 1930. 32 с.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб.: Тип. МВД, 1868. 156 с.

Тарасов Л.В. Земной магнетизм. Долгопродный: Интеллект, 2012. 184 с.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.

Тоболяков В. К верховьям исчезнувшей реки. М.: Работник просвещения, 1930. 120 с.

Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. 582 с.

Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.

Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к Северным Уральским горам. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. 665 с.

Dwyer M.J., Istomin K.V. Theories of nomadic movement: a new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and Komi reindeer herders // Human ecology. 2008. No. 11. P. 521–533.

Istomin K.V., Dwyer M.J. Finding the way (a critical discussion of anthropological theories of human spatial orientation with reference to reindeer herders of Northeastern Europe and Western Siberia) // Current Anthropology. 2009. Vol. 50. No. 1. P. 29–49.

Jackson F.G. The great frozen land (Bolshaiazemelskija tundra), narrative of a winter journey across the tundras and a sojourn among the Samoyads. L.: Macmillan and CO, 1895. 328 p.

THE TUNDRA NENETS WAYS OF SPATIAL ORIENTATION WITH THE USE OF CARDINAL DIRECTIONS

The article refers to the larger research project on the traditional wayfinding techniques of the Tundra Nenets who are one of the nomad peoples who possess outstanding navigational abilities. The focus of the research project is the description of the Nenets navigational knowledge and experience, an assessment of its practical effectiveness and its correlation with the way of life of the tundra people. This paper presents the traditional Nenets ways of orientation with cardinal directions where the primary interest lies on revealing the characteristic features of this kind of navigational knowledge and techniques, and their dependence on the environmental and traditional worldview factors. When navigating, the Tundra Nenets rely both on cardinal directions and landmarks, and it is specifically the first of the mentioned methods that makes them able to envisage adequately their geographical location on a large scale, creating mental maps that are closely in accordance to real maps. It should also be taken into account that the traditional Nenets way of transmission of geographic information is primarily based on oral descriptions. The results of the research showed that: 1) the north-south axis is of primary importance for the navigation of the Tundra Nenets; 2) they possess detailed information about the annual and daily cycle of motions and relative positions of celestial objects though use only a few of them directly for the determination of the cardinal directions (mainly the Sun, the Moon, Venus and the Ursa Major constellation); 3) they also apply a variety of other methods to adjust their routes and the cardinal directions, based on observations of wind speed and direction, features of the snow cover, shapes of plants, bird activity, etc.; 4) Nenets preferences in the use of navigation devices — they have rejected compass but rapidly became accustomed to satellite navigation systems — is based on methods of their wayfinding system where determination of cardinal directions is inseparable from references to local landmarks.

Key words: Siberian ethnography, wayfinding, Nenets, anthropology of mobility, indigenous knowledge, navigation systems.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-089-098

REFERENCES

- Adaev V.N., 2015a. Orientirovanie po astronomicheskim ob"ektam v traditsionnoi kul'ture nentsev [Celestial navigation in the Nenets traditional culture]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkhologiya, ekologiya: Materialy Vserossiiskoi konferentsii*, 3, Tyumen: IPOS SO RAN, pp. 210–213.
- Adaev V.N., 2015b. Formy peredachi geograficheskoi informatsii v traditsii tundrovyykh i lesnykh nentsev [Forms of transfer of geographical information in the traditions of the Tundra and Forest Nenets]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 33–38.
- Adaev V.N., 2017. Gornye nentsy Poliarnogo Urala: osobennosti traditsionnoi kul'tury i landshaftnogo osvoeniia u etnolokal'noi gruppy [The Mountain Nenets of the Polar Urals: features of traditional culture and landscape use by a local ethnic group]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 25–34.
- Dwyer M.J., Istomin K.V., 2008. Theories of nomadic movement: A new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and Komi reindeer herders. *Human ecology*, no. 11, pp. 521–533.
- Evladov V.P., 1992. *Po tundram lamala k Belomu ostrovu* [Toward the Belyi island through the Yamal tundra], Tyumen: IPOS SO RAN, 282 p.
- Finsh O., 1882. *Puteshestvie v Zapadnuu Sibir'* [A trip to Western Siberia], Moscow: Tipografiia M.N. Lavrova i K^o, 582 p.
- Golovnev A.V., 1995. *Govoriashchie kul'tury: Traditsii samoditsev i ugrov* [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions], Ekaterinburg: Nauka, 606 p.
- Jackson F.G., 1895. *The great frozen land (Bolshaiazemelskija tundra), narrative of a winter journey across the tundras and a sojourn among the Samoyeds*, London: Macmillan and CO, 328 p.
- Islavin V., 1847. *Samodiy v domashnem i obshchestvennom bytu* [The domestic and social life of the Samoyeds], St. Petersburg, 142 p.
- Istomin K.V., 2015. Popytka postroeniia stadial'noi modeli mezhkul'turnogo zaimstvovaniia i vnutrikul'turnogo rasprostraneniia tekhnologicheskikh innovatsii [An attempt at constructing a stadial model of intercultural borrowing and intracultural dissemination of technological innovations]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 41–59.
- Istomin K.V., Dwyer M.J., 2009. Finding the way (a critical discussion of anthropological theories of human spatial orientation with reference to reindeer herders of Northeastern Europe and Western Siberia). *Current Anthropology*, vol. 50, no. 1, pp. 29–49.
- Khariuchi G.P., 2012. *Priroda v traditsionnom mirovozzrenii nentsev* [Nature in the Nenets traditional worldview], St. Petersburg: Istoricheskaya illiustratsiia, 160 p.
- Kol's R.E., 1930. *Reka Taz (Tasu-iam)* [The Tas-river (Tasu-yam)], Leningrad: RGO, 32 p.

В.Н. Адаев

Kushelevskii Iu.I., 1868 *Severnyi polius i zemlia Iamal* [North Pole and the earth Yamal], St. Petersburg: Tipografiia MVD, 156 p.

Markov G.E., Lukina N.V., 1987, (eds.). *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia], Tomsk: Izd-vo TGU, 284 p.

Shrenk A.I., 1855. *Puteshestvie k severo-vostoku Evropeiskoi Rossii chrez tundry samoedov k Severnym Ural'skim goram* [A trip to the north-east of European Russia through the Samoyedic tundra to the North Ural Mountains], St. Petersburg: Tipografiia G. Trusova, 665 p.

Tarasov L.V., 2012. *Zemnoi magnetizm* [Terrestrial magnetism], Dolgoprudny: Intellect, 184 p.

Tereshchenko N.M., 1965. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets-Russian dictionary], Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 942 p.

Toboliakov V., 1930. *K verkhov'iam ischeznuvshei reki* [To the headwaters of a disappeared river], Moscow: Rabotnik prosveshcheniia, 120 p.

Veselkova N.V., 2010. Mental'nye karty goroda: Voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniia [Mental city maps: Methodological issues and practice of use]. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, vol. 31, pp. 5–29.

Zhitkov B.M., 1913. *Poluostrov Iamal* [The Yamal Peninsula], St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 350 p.

Г.Х. Самигулов, З.А. Тычинских

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080

E-mail: gayas_@mail.ru

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Акад. Осипова, 15, Тобольск, 626152

E-mail: zaituna.09@mail.ru

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МУРЗ КУЛЬМАМЕТЕВЫХ¹

На основе выявленных в региональных и центральных архивах документов авторы статьи вновь обращаются к истории известного рода тобольских служилых татар Кульмамметевых. Архивные материалы подтверждают происхождение рода от князя Бегиша Сибирского ханства, высокий статус предков Кульмамметевых, ставших в конце XVII в. головами служилых татар.

Ключевые слова: служилые татары, бухарцы, татарский голова, Кульмамметевы, князь Бегиш, Кульмаммет, Авазбакей, Сабанак, земельные владения.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107

Одним из значимых в истории сибирских татар является клан сибирских мурз Кульмамметевых, поскольку со второй половины XVII в. и до первой трети XIX в. представители этой семьи занимали должности голов служилых и ясачных тобольских татар, а фактически на протяжении длительного исторического периода осуществляли руководство значительным числом аборигенного населения. К истории этого известного рода обращались многие исследователи, и в настоящее время по нему накоплен довольно значительный материал [Бахрушин, 1955; Рабцевич, 1982, 1985; Валеев, 1993; Тычинских, 1998, 2007, 2010, 2012; Белич, 2009; Самигулов, 2014, 2015; Бакиева, 2015].

Одним из первых о представителях рода Кульмамметевых — Авазбакее и Сабанаке писал С.В. Бахрушин в работе «Сибирские служилые татары в XVII в.», в которой рассмотрен ранний период формирования служилого татарского сословия в рамках российской государственности. Исследователем выявлена преемственная связь категории служилых татар, в том числе Кульмамметевых, с феодальной элитой Сибирского ханства — «кучумовыми беками и мурзами». Родоначальником клана Кульмамметевых С.В. Бахрушин называет князя Бегиша [1955, с. 163–164].

Некоторые моменты истории мурз Кульмамметевых затрагивал Ф.Т. Валеев. Рассматривая структуру административного управления сибирскими татарами, среди волостных старшин Ф.Т. Валеев выделяет «жалованного старшину» Авазбакея Кульмамметева. Обратив внимание на то, что Кульмамметевы были крупными землевладельцами, исследователь достаточно подробно останавливается на вопросе о земельных приобретениях и тяжбах рода в течение XVII–XIX вв. [Валеев, 1993, с. 58–59].

В.В. Рабцевич в работе «Неопубликованные записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII — первой половины XIX вв.», рассматривая рукописные документы, хранящиеся в фондах ТИАМЗ, в составлении которых принимали участие головы служилых и ясачных татар Сабанак и Рахматулла Кульмамметевы, наглядно показала, что начиная со времени присоединения края аборигенное население Сибири, в том числе сибирские татары, подчинялось традиционно сложившейся системе управления, умело использовавшейся царским правительством. Как отмечает исследователь, верхушка нерусского населения часто выступала в качестве низового бесплатного звена управления [Рабцевич, 1982, с. 134]. Данный вывод наглядно подтверждается на примере ситуации с сибирскими татарами.

В наших работах рассмотрена история рода Кульмамметевых в течение XVII–XIX вв., начиная с легендарного родоначальника «Большого князя Бегиша», показана важная роль служилых татар Кульмамметевых в процессах этнокультурного и исторического развития служилого

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. — II тыс. н.э.)».

татарского сословия в указанный период, их деятельность в должности голов служилых и ясачных татар в Сибири, представлена родословная Кульмамметевых с конца XVI по начало XIX в. [Тычинских, 1998, 2007, 2010, 2012; Самигулов, 2014, 2015].

В последнее время появились работы тюменских исследователей И.В. Белича и Г.Т. Бакиевой, которые вносят свою лепту в рассмотрение истории этого известного рода [Белич, 2009; Бакиева, 2015]. В своих работах И.В. Белич и Г.Т. Бакиева оспаривают ряд моментов по истории рода Кульмамметевых, которые, на наш взгляд, являются ключевыми не только для истории конкретного рода, но и для понимания в целом истории сибирских служилых татар. К ним можно отнести вопрос о происхождении рода Кульмамметевых от князя Бегиша периода Сибирского ханства, о статусе и роде деятельности предков Кульмамметевых, в конце XVII в. ставших головами служилых татар, о месте их проживания и др. На анализе выводов авторов по некоторым значимым моментам истории мурз Кульмамметевых остановимся ниже.

Целью нашего исследования является введение в научный оборот новых источников и данных по истории рода Кульмамметевых. Также в рамках предлагаемой статьи коснемся ряда важных вопросов, связанных с историей Кульмамметевых XVII–XVIII вв., информация о которых содержится в выявленных делах и подтверждает некоторые выводы, сделанные авторами настоящей статьи ранее.

Из ранее опубликованных работ известно, что источники по истории этого рода хранятся в центральных и региональных архивах, включая Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив древних актов, Государственный архив в г. Тобольске, архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и др. Неожиданно целый пласт материалов по истории рода Кульмамметевых был обнаружен нами в Государственном архиве Пермского края (далее — ГАПК). Данный комплекс документов можно назвать уникальным: он включает в себя информацию о земельных владениях, родословной, краткие сведения о службах представителей рода с 1680-х до 1790-х гг. Пакет документов был сформирован в связи с направленным в декабре 1789 г. на высочайшее имя прошением «мурзы Сабанака Авазбакеева сына Кульмамметева» о награждении его самого, его братьев, сыновей и племянников очередными воинскими чинами.

Должность генерал-губернатора (наместника) Пермского и Тобольского в этот период исполнял Евгений Петрович Кашкин, «резиденция» которого находилась в Перми. В связи с этим прошение было переслано в Пермь, в канцелярию генерал-губернатора Пермского и Тобольского, с приложенными к нему документами. Затем, по требованию канцелярии генерал-губернатора, были направлены дополнительные сведения, в том числе информация о пожалованиях предкам семьи Кульмамметевых и об их владениях. И все это отложилось в виде отдельного дела в фонде «Пермское наместническое правление» (Ф. 316).

Другой комплекс источников отложился в Российском государственном архиве древних актов: это «Книги именных тобольским служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татарам с хлебными и соляными оклады» (Ф. 214), где отразился один из ранних этапов истории мурз Кульмамметевых.

Материалы Пермского архива содержат копии с документов (в том числе переписных книг Льва Поскочина) начиная с 1680-х гг., но в них представлена также информация, относящаяся к более раннему времени. Примечательно, что в документах содержится апелляция к службе Авазбакея Кульмамметева и практически не упоминаются заслуги его отца. Объясняется это, видимо, тем обстоятельством, что документов о поощрениях Кульмаммета Бегишева в семье не сохранилось. Более того, и о службе Авазбакея (Азбакея, Авезбакея)² в упомянутом деле говорится лишь с 1692 г., т.е. с момента назначения его головой тобольских служилых и захребетных татар.

В деле содержатся данные о земельных владениях Авазбакея Кульмамметева из переписных книг Льва Поскочина, сохранившиеся в виде выписки в более позднем указе Иоанна и Петра Алексеевичей. Очевидно, это была та часть переписных книг, где учитывались татарские

---

² Варианты имени «Авазбакей» («Авезбакей») и «Азбакей» выступают как взаимозаменяемые. То есть все варианты используются как имя Авазбакея Кульмамметева [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 66–78]. Причем оба написания не просто встречаются в тексте одного документа, но фигурируют буквально в пределах одной фразы, например: «тобольские служилые юртовские татара голова Авезбакей Кульмамметев, да сын его Сабанак Азбекеев» [Там же, л. 66 об.]. Это наблюдение важно, так как имя Азбакей встречается в документах второй половины XVII в., но утверждать, что это форма имени Авазбакей, было сложно. Сейчас мы можем говорить об этом с уверенностью. Для родоначальника клана Кульмаммета так же характерны варианты имени: Кулмаммет/Келмаммет/Килмаммет.

вотчины³. Выписка из этой части переписных книг Поскочина имеется также в документах дела о праве на земли по речке Ичкин семьи (клана) Сейдяшевых.

Помимо сведений об угодьях Авазбакея дело включает разнообразную информацию, которая, несомненно, очень важна для дальнейшего изучения истории рода Кульмаметевых и в целом служилых татар Западной Сибири.

В челобитной на имя Иоанна и Петра Алексеевичей, поданной в 7203 г. (1694–1695 гг.), указывалось, что служат «Азбакей лет с пятьдесят и больше, а Сабанак лет с тридцать и больше» [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 66 об.]. Следовательно, служба Авазбакея Кульмаметева началась около 1640-х гг. В качестве родового гнезда Кульмаметевых, видимо, выступала «деревня Носовская» на р. Иртыше, землями которой Авазбакей владел вместе «з братом Сейдашем», и именно эта деревня в выписке из переписных книг Льва Поскочина фигурирует как первоначальная, можно сказать «исходная» [Там же, л. 67]. В деле есть еще одно, косвенное, подтверждение того, что Авазбакей в 1640-х гг. был уже дееспособным человеком и жил, видимо, там же, в Носовских юртах: санными покосами на Саусканской луке он владел с 7152 г. (1644 г.), купив их у сына боярского Ивана Александра [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 68]. Причем в тексте выписки из переписных книг Поскочина относительно деревни Носовской нет никаких указаний на покупку этой деревни/земель. Можно предположить, что Носовская с относящимися к ней землями была наследственной вотчиной, доставшейся Авазбакею и Сейдяшу от отца Кульмамета.

Те земли, что позже были известны как деревня Сабанакова, точнее, две деревни Сабанакovy [Сибирь..., 1996, с. 76], скорее всего, являются двумя частями деревни Носовской. Название Носовская, наряду с другим названием — юрты Сабанакoвские, сохранялось за деревней вплоть до начала XX в.

Отдельно следует коснуться деревни Авазбакеевой и относящихся к ней угодий по р. Тоболу ниже устья р. Исети. Как писал в челобитной Авазбакей Кульмаметев, эти земли уступили ему «тюменские служилые и ясашные татаровя Шугур Матмасов с товарищи»; упоминается в документе также ясашный татарин Иртычко Чюрин. По словам Кульмаметева, указанные угодья были записаны за ним в книгах писца Льва Поскочина [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 72]. Таким образом, получил он эти земли, самое позднее, в начале 1680-х гг.⁴ В настоящее время жители юрт Авазбакеевских вспоминают лишь о легендарном основателе деревни — Авазбакее, по имени которого и названа деревня [ПМА, 2012].

Одной из важных составляющих пермского документа является «Поколенная роспись» Кульмаметевых, ведущая начало от «мурзы Авазбакея Кульмаметева». Она позволяет уточнить некоторые моменты родословной, касающиеся XVIII в. Так, согласно «Росписи», у мурзы Авазбакея Кульмаметева было пятеро сыновей — Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур. Один из них, Сабанак, указан головой, а еще один из сыновей, Хоцамшукур, — ахун. У Сабанака также, согласно «Росписи», было пятеро сыновей — Ниматула(й), Назар, Шафи, Суюцбака и Авазбакей. Трое из них в разное время служили головами. Три сына было у Ниматулая, один из которых также служил головой. У брата Ниматулая — Авазбакея было 14 сыновей, среди которых — составитель «Росписи» голова 1-го класса Сабанак Кульмаметев; брат же его занимал должность головы 2-го класса [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 82].

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на сыне Авазбакея Кульмаметева, который назван в «Росписи» ахун (ахун, ахунд — мусульманский богослов, ученый, главное духовное лицо, специалист по мусульманскому праву, имеющий право выносить судебные решения и издавать религиозно-правовые предписания). С этим сыном Авазбакея связана история обнаружения пленным шведским офицером Ф.И. Таббертом-Страленбергом в Тобольске списка исторической хроники Абул-Гази «Родословная тюрков». Рукопись, согласно приводимому А.К. Бустановым отрывку из дневника Табберта-Страленберга, принадлежала «главному священнику Агуну Азбакеевичу» [2013, с. 17]. А.К. Бустанов называет его «другом мирзы Сабанака и пленного шведского офицера Табберта-Страленберга» и приводит его имя — Хваджам-

³ В статье «Сейдяшевы и Кульмаметевы — попытка реконструкции» один из авторов настоящей работы упоминал о существовании выписок из переписных книг Л. Поскочина, посвященных конкретно татарским поселениям [Самигулов, 2014]. К сожалению, о существовании этих переписных книг нам известно только по выпискам в более поздних документах.

⁴ Г.Т. Бакиева пишет, «что местом жительства Кульмаметевых первоначально являлись не Сабанакoвские юрты в Тобольском уезде, как это ранее указывалось исследователями, а юрты Авазбакеевские в Ялуторовском уезде» [2015, с. 13]. На наш взгляд, исследователь поспешила с выводом, опираясь лишь на вновь выявленный ею документ, в котором указывается, что в начале XVIII в. Сабанак Кульмаметев с семьей проживал в ю. Авазбакеевских [Там же].

Шукур б. Аввас-Баки. Далее он сообщает, что Хваджем-Шукур б. Аввас-Баки был учеником йасавийского шейха, через посредство которого, видимо, и получил список рукописи [Там же, с. 18]. Через десять лет, в 1734 г., историк Г.Ф. Миллер сообщает, что видел рукопись в Тобольске у «одного бухарца духовного звания», возможно у того же ахуна [1999, с. 192]. Таким образом, пермская «Роспись» позволяет утверждать, что Хоцамшукур, или Хваджем-Шукур б. Аввас-Баки, «Агун Азбакеевич» — главное духовное лицо Тобольска приходился родным братом голове тобольских служилых татар Сабанаку Кульмамметеву.

Данное обстоятельство подтверждает наш вывод, что Кульмамметевы стремились сосредоточить в своих руках как светскую, так и духовную власть над татарским населением. В связи с этим не случайно во второй половине XVIII в. на имя бывшего головы мурзы Авазбакея Кульмамметева и ахуна Абтигарима Тацимова, а также головы Сабанака Кульмамметева приходит высочайшее предписание о том, что дела по «махометанскому закону... препоручены в единственное их ведение» [РО ТИАМЗ, № 12864, л. 3]. В нем также должны были быть «по духовным делам в послушании» состоящие «в том махометанском законе» татары Тарского, Томского, Тюменского и Верхотурского ведомств. «По смерти помянутых головы Кульмамметева и агуна Тацимова те законные дела разбирательством случаи по их махометанскому закону и духовных чинов поныне головою Сабанакон Кульмамметевым производятся» [Там же].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что руководство делами «по махометанскому закону» было поручено сначала совместно с ахуном Тацимовым не духовным лицам, а голове служилых татар Авазбакею Кульмамметеву и его сыну Сабанаку. Уже во второй половине XVIII в. этими делами занимался единолично татарский голова Сабанак Кульмамметев. Однако, как известно, Аптигарим Тацимов, который назывался в г. Тобольске ахуном, главным лицом духовной иерархии татар в Сибири [Юшков, 1861, с. 299], Г.Ф. Миллером называется также родственником Сабанака Кульмамметева. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами, которые были в ведении татарского головы, основывались на «махометанском законе» [Сибирь XVIII в. ..., 1996]. Видимо, на какое-то время в руках Сабанака Кульмамметева (второго) сосредоточилась как светская, так и религиозная власть. Следует заметить, что это было не случайно. Кульмамметевы, будучи головами служилых татар, играли значимую роль в сохранении ислама и его позиций. Обладая большой властью над местным населением и серьезным влиянием на политику местной власти, они противодействовали политике христианизации [Огрызко, 1941, с. 27]. Думается, благодаря их активной деятельности служилые татары оставались мусульманами на протяжении всего периода существования данной этнословной группы.

Пермская «Поколенная роспись» позволила пролить свет на еще одну страницу истории мурз Кульмамметевых. В своих работах мы высказывали предположение, что под знаменитой могильной плитой с Ханского кладбища могли лежать представители известного рода сибирских мурз Кульмамметевых [Тычинских, 2010, с. 231]. По эпитафии, под этим камнем был погребен «в тысяча восемьдесят четвертом году [(1673–1674 гг.)]... Мирза Бакай, (который) из страны брэнности в страну вечности переселился...», а в «тысяча сто двенадцатом году [(1700–1701 гг.)]... Мухаммед-Мурад, сын Гавваза Бакыя переселился из страны брэнности в страну вечности». То есть, под этой плитой похоронены два сына Гаввас-Бакия. Возвращаясь к «Росписи», видим, что в ней указываются пять сыновей головы тобольских служилых татар Авазбакея Кульмамметева, жившего в XVII в.: Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 82]. В связи с тем что ни у одного из них, кроме Сабанака, не указаны дети, можем предположить, что они умерли достаточно рано. Имя Маметмурат Аваз(з)бакеев (Кульмамметев) встречается в окладных книгах денежного жалованья в 1689/90 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 919, л. 238]. В более позднее время — в XVIII в. имена Мурзата, Маметмурата и Назара не фигурируют, в отличие от братьев — Сабанака и Хоцамшукура, игравших заметную роль в жизни Тобольска и региона. Один из самых известных представителей рода, Сабанак, после смерти отца Авазбакея в 1698 г. становится головой служилых татар 1-го класса. Именно при нем род Кульмамметевых достигает вершин могущества. Брат Сабанака Хоцамшукур долгие годы служил в Тобольске ахуном. Имена Мурзат, Маметмурат — варианты «Мирза Бакыя» и «Мохамметмурата» с намогильной плиты. Имя их отца — Гаувас Бакый является мусульманской версией имени Авазбакея. Учитывая знатность рода, место в социальной иерархии, можно с достаточной основательностью говорить, что под данной плитой лежали сыновья головы тобольских служилых татар мурзы Авазбакея Кульмамметева.

Одним из значимых вопросов, касающихся семьи Кульмаметевых, является вопрос об их статусе и роде деятельности. В наших работах было показано, что представители рода в течение многих лет несли военную службу, являясь служилыми татарами, а с конца XVII в. — головами служилых татар [Тычинских, 2010]. По мнению Г.Т. Бакиевой, «в конце XVII в. власть над служилым и ясачным сибирско-татарским населением была передана... бухарцу Авазбакею Кульмаметьеву. Судя по документам, он вместе со своим отцом Кульмаметом прибыл в Российскую империю из пределов Бухарского ханства незадолго до пришествия на престол царей Петра и Иоанна Алексеевичей. Сын Авазбакея, Сабанак, единственный из представителей знати, управлявшей сибирскими татарами, был возведен в дворянское сословие и стал именоваться мурзой» [Бакиева, 2015, с. 11]. Здесь следует заметить, что Авазбакей начал службу в Сибири задолго до 1682 г., т.е. времени воцарения Ивана и Петра, что подтверждается целым рядом документов [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 141, 201, 475, 607]⁵.

Рассуждения Г.Т. Бакиевой, что «Авазбакей относился к торговому сословию», построены на том, «что он являлся состоятельным человеком, так как имел дворовых людей» [2015, с. 14]. Также автор ссылается на приводимый С.В. Бахрушиным «факт, что еще в 1681 г. местная администрация поручила ему покупку и меню китайских товаров» [Там же]. Здесь следует отметить, что среднеазиатское, «бухарское» происхождение — это совершенно не обязательно принадлежность исключительно к торговому сословию. Известно, что «бухарского» происхождения в Сибири были не только торговцы, но и представители духовенства, а также военно-служилая знать. Среднеазиатского происхождения была часть войска Кучума, в том числе его дружина. Поэтому Авазбакей, к которому тесть царя Ивана Алексеевича обращался: «приятелю моему Азбекею Кульмаметевичу Федор Салтыков челом бьет, пожалуй вели ко мне писать про свое здоровье, как тебя бог милует» [ГАПК, ф. 314, оп. 1, д. 109, л. 66], вряд ли был простым бухарским торговцем, как считает Г.Т. Бакиева. Да и сомнительно, что военно-служилая знать бывшего Сибирского ханства, которая составляла основу сословия «йомышлы», признала бы власть над собой пришлого торговца. Что касается торговых занятий Авазбакея, то и С.В. Бахрушин, и мы в своих работах определяли, что служилые татары, кроме военной службы, активно занимались и торговлей, и разведкой и дипломатией [Бахрушин, 1955; Тычинских, 2010].

Одним из наиболее интересных и в то же время дискуссионных моментов в рассматриваемой теме является вопрос о происхождении мурз Кульмаметевых. Уже в работах С.В. Бахрушина и Н.А. Томилова основателем клана Кульмаметевых называется князь Бегиш Сибирского ханства. Так, С.В. Бахрушин сообщает: «...встречаем среди тобольских служилых татар сына упоминавшегося владельца Байшева городка князя Бегиша — Келмамета князь Бегишева» [1955 с. 163–164]. В работе другого известного историка, Н.А. Томилова, есть информация, что «одним из известных семейств в XVII–XVIII вв., ведущим начало от владельца Байшева городка князя Бегиша, здесь были Кульмаметевы, усердно служившие царским властям и произведенные за это в дворянство» [1981, с. 69].

В статье «Письменные источники 80-х гг. XVIII — первой четверти XIX века о правовых традициях сибирских татар» И.В. Белич пытается оспорить происхождение Кульмаметевых от князя Бегиша. Правда, аргументация автора в отрицании родоначальства Бегиша определяется лишь тем, что к истории рода Кульмаметевых обращались «сибирско-татарские авторы», которые, как он считает, в связи с «аутоэтническим подходом» ошибочно возводят родословную Кульмаметевых к летописному Бегишу [Белич, 2009, с. 181].

Г.Т. Бакиева также отрицает родоначальство князя Бегиша. Она считает, что «бухарец Авазбакей Кульмаметьев вместе со своим отцом Кульмаметом прибыл в Российскую империю из пределов Бухарского ханства незадолго до пришествия на престол царей Петра и Иоанна Алексеевичей» [2015, с. 11]. На чем основывает данное утверждение автор, не ясно, так как в исторических документах упоминания об Авазбакее Кульмаметеве, тем более о его отце Кульмамете в связи с сибирской историей, встречаются задолго до 1682 г.

---

⁵ В дворянское сословие в 1796 г. был возведен не сын первого Авазбакея (Кульмаметевича) первый Сабанак, как указывает Г.Т. Бакиева [2015, с. 11], а сын второго Авазбакея (Сабанакевича), второй Сабанак. Кульмаметевы стали именоваться мурзами не после возведения в дворянское сословие, а являлись мурзами, представителями военно-служилой знати, и до 1796 г. После смерти Авазбакея Кульмаметевича головой 1-го класса становится его сын Сабанак, а головой 2-го класса — Не(и)матулай, который был не сыном Авазбакея, как указывает Г.Т. Бакиева [2015, с. 15], а его внуком, сыном Сабанака.

Так, в документах первой половины XVII в. упоминается о служилом татарине Кульмамете. В 1623 г. тобольский воевода М.М. Годунов направил к калмыцкому тайше Талаю посольство, возглавлявшееся тобольским боярским сыном Дмитрием Черкасовым. Сопровождали Д. Черкасова тобольский служилый татарин Кельмамет Якшигильдеев, тюменские служилые люди Лазарко Васильев, Офонька Табанак да Карабашко Ишимов [Миллер, 1941, с. 94, 300]. С ними были «в кашеварах отпущены 2 человека служилых татар Енигейко Адяков да Урмаметко Урусов» [Там же, с. 291]. Упомянутый выше Кельмамет Якшигильдеев, отправленный в «вожах» с посольством Д. Черкасова, у Г.Ф. Миллера назван также Килмаметко Бегишевым [Там же, с. 300]. Как видим, здесь содержится прямое подтверждение тому, что основатель клана служилых татар Кульмаметевых, Кельмамет, является сыном князя Бегиша. С другой стороны, то обстоятельство, что Кельмамет Якшигильдеев был отправлен с такого рода поручением, подтверждает его высокий статус, так как подобного рода поручения, связанные с посольской деятельностью, доверялись представителям высшей страты аборигенного населения.

Более того, происхождение Кельмамета от князя Бегиша подтверждают и другие документы, в том числе обнаруженные в РГАДА, в которых служилый татарин Келмамет называется княж Бегишевым, т.е. сыном князя Бегиша [РГАДА, ф. 214, оп.1, кн. 14, л. 98, 205 об. и др.]. То есть, здесь мы видим прямые доказательства того, что род Кульмаметевых ведет «начало от владельца Баишева городка князя Бегиша» [Томилов, 1981, с. 69].

Одно из последних, выявленных на сегодняшний день, упоминаний, где фигурирует тобольский юртовский служилый татарин Кельмамет княж Бегишов, встречается в «Книгах именных тобольским служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татарам с хлебными и соляными оклады», относящихся к 1641/1642 гг. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 141, л. 206]. В документе 1645/1646 гг. встречается имя Мамеделея Кильмаметева [Там же, кн. 201, л. 133 об.], вероятно сына Кульмамета. Одно из ранних упоминаний в архивных документах другого, более известного сына Кульмамета — Авазбакея относится к 1663/1664 гг. [Там же, кн. 475, л. 103 об.]. А под 1675/1676 гг. содержится запись, что «на съездем дворе юртовские служилые татары бухарцы и захребетники дали шерть на куране». Среди шертовавших юртовских служилых татар первым назван Авазбакей Кульмаметев [Там же, кн. 607, л. 175]. В этом же документе указано, что в это время сын Авазбакея — Сабанак Авазбакеев находился «на Москве» [Там же, л. 204].

Один из авторов статьи вслед за известным казанским историком Д.М. Исхаковым выдвинула гипотезу, что родоначальник Кульмаметевых — князь Бегиш был беклярибеком в Сибирском ханстве [Исхаков, 2004, с. 80; Тычинских, 2009, с. 246–250]. Эта версия на сегодняшний день не опровергнута, но и не вполне доказана, однако то, что «Большой князь Бегиш» занимал очень высокое место в сибирско-татарской иерархии, несомненно. При этом если вопрос о беклярибекстве Бегиша остается пока открытым, то происхождение рассматриваемого клана от князя Бегиша можно подтвердить выявленными документами.

Известно, что русская администрация в XVI–XVII вв. обычно активно использовала потенциал и административную структуру завоеванного государства. Поэтому назначение на должность голов тобольских служилых татар потомков если не беклярибека, то одного из представителей верхней страты Сибирского ханства Кульмаметевых было не случайно и вполне логично. Обычно в татарских ханствах беклярибеки возглавляли военное и дипломатическое ведомства, а также высшее гражданское судопроизводство [Татарский, 1999, с. 69]. Татарский голова выполнял многие из тех функций, которые были характерны для карача-бека (беклярибека). Татарскому голове была вручена огромная власть над аборигенным населением. На протяжении почти полутора веков Кульмаметевы верно служили царям в должности татарских голов, получая за это почести и награды и сохраняя в своих руках значительные властные полномочия.

Таким образом, выявленные в ГАПК и РГАДА документы позволили восстановить и уточнить некоторые важные страницы истории мурз Кульмаметевых. На их основе можно подтвердить происхождение рода Кульмаметевых от князя Бегиша периода Сибирского ханства, а также то, что предки Кульмаметевых, в конце XVII в. ставшие головами служилых татар, начиная с родоначальника Кульмамета (Келмамета), давшего фамилию клану, были служилыми татарами, а родоначальник Кульмаметевых имел бухарское происхождение. Мы смогли уточнить данные по генеалогии Кульмаметевых в XVII и XVIII вв., а также то, что уже во второй половине XVII в. местом их проживания была д. Носовская (юрты Сабанакковы); что один из сыновей Авазбакея (первого) был ахуном в Тобольске; что под знаменитой намогильной плитой с Ханского кладбища были захоронены сыновья мурзы Авазбакея (первого) Кульмаметева, и др.

Новые источники по истории мурз Кульмаметевых

Как видим, история этого значимого рода связана со многими важными событиями сибирской истории, многие из которых требуют дальнейшего изучения и осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГПАК. Ф. 316. Д. 109.
РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141, 201, 475, 607.
РО ТИАМЗ. Д. № 12864.
ПМА — Полевые материалы З.А. Тычинских. 2012 г.

Литература

- Бакиева Г.Т.* Быть в Тобольске в татарских головах...: (Из истории рода служилых татар Кульмаметевых) // Сиб. ист. исследования. 2015. № 4. С. 10–29.
- Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. труды. Т. III. Ч. II. М., 1955. С. 153–175.
- Белич И.В.* Письменные источники 80-х гг. XVIII — первой четверти XIX века о правовых традициях сибирских татар // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2009. Т. XI. С. 170–195.
- Бустанов А.К.* Книжная культура сибирских мусульман. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 264 с.
- Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: Культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань. 2004. 132 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 535 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. 148 с.
- Рабцевич В.В.* Неопубликованные записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII — первой половины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 115–134.
- Рабцевич В.В.* Генезис дворянского землевладения на землях местных народов Сибири (по материалам тобольских татар) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVIII — начало XX века). Новосибирск, 1985. С. 33–44.
- Самигулов Г.Х.* Сейдяшевы и Кульмаметевы — попытка реконструкции // Присоединение Сибири к России: Новые данные: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень, 2014. С. 162–166.
- Самигулов Г.Х.* К истории ичкинских татар последней трети XVII — XVIII века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 100–107.
- Сибирь XVIII в.* в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири: Первоисточники, Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. Вып. 6. 192 с.
- Татарский энциклопедический словарь* / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Ин-т тат. энциклопедии АН РТ, 1999.
- Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 276 с.
- Тычинских З.А.* Служилые казаки Кульмаметевы в XVIII в. // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1998. С. 117–119.
- Тычинских З.А.* Татарские казачьи головы Кульмаметевы (XVII–XIX вв.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск: СО РАН, 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 135–140.
- Тычинских З.А.* О беклярибеке Сибирского ханства: (К вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.) // Форум «Идель-Алтай»: Материалы науч.-практ. конф. «Идель-Алтай: Истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгр. средневековой археологии евразийских степей: Тез. докл. Казань, 2009. С. 246–250.
- Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 288 с.
- Тычинских З.А.* Из истории сибирских мурз Кульмаметевых в XVII–XIX вв. // Акселеу Сейдімбек: Гылыми мурасы жэне тэуелсіздік (ауызша тарих мэселелері). Халықаралық ғылыми-теориялық конф., 6 желтоқсан 2012 жылы. Астана, 2012. С. 271–279.
- Юшков И.Н.* Сибирские татары // Тоб. губерн. ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.

NEW SOURCES ON THE HISTORY OF MURZAS KULMAMETEV

The authors of the article return to the topic of the history of a well-known Tatar clan of Tobolsk servicemen Kulmametev. The article is based on the documents found in regional and central archives. Particular attention is paid to the analysis and reasoned criticism of recent publications on the topic, which challenge the conclusions of the authors of this article about the origin, status of clan representatives in the XVII century, which are crucial not only for the history of a particular clan, but also for understanding the whole history of Siberian service Tatars. The revealed archival materials confirm that the family descends from Prince Begish of the Siberian Khanate and that Kulmametevs' ancestors enjoyed a high status and became leaders of the service Tatars in the late 17th century.

Key words: service Tatars, Bukharians, Tatar leaders, the Kulmametevs, Prince Begish, Kulmamet, Avazbakey, Sabanak, landed estates.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107

REFERENCES

Bakieva G.T., 2015. Byt' v Tobol'ske v tatarskih golovah...: (Iz istorii roda sluzhilyh tatar Kul'mametevyh) [To be in Tobolsk among the Tatar leaders...: (From the history of the family of the service Tatars Kulmametev)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 10–29.

Bahrushin S.V., 1955. Sibirskie sluzhilye tatary v XVII v. [Siberian service Tatars in the XVII century]. *Nauchnye trudy*, vol. III, part II, Moscow, pp. 153–175.

Belich I.V., 2009. Pis'mennyye istochniki 80-h gg. XVIII — pervoj chetverti XIX veka o pravovyh traditsiyah sibirskih tatar [Written sources of the 80-ies of the XVIII — the first quarter of the XIX century on legal traditions of the Siberian Tatars]. *Etnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma*, vol. XI, Omsk: Nauka, pp. 170–195.

Bustanov A.K., 2013. *Knizhnaya kul'tura sibirskih musul'man* [Book culture of Siberian Muslims], Moscow: Izd. Dom Mardzhani, 264 p.

Hasanov M.H., 1999, (ed.). *Tatarskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Tatar encyclopedic dictionary], Kazan': Institut tatarskoj ehnciklopedii AN RT.

Iskhakov D.M., 2004. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [The Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries], Kazan', 132 p.

Miller G.F., 1941. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia], vol. 2, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 535 p.

Miller G.F., 1999. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia], vol. 1, Moscow: Vostochnaya literatura, 630 p.

Ogryzko I.I., 1941. *Hristianizaciya narodov Tobol'skogo Severa v XVIII v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the XVIII century], Leningrad, 148 p.

Rabceвич V.V., 1982. Neopublikovannyye zapisi obychnogo prava sibirskih narodov poslednej chetverti XVIII — pervoj poloviny XIX v. [Unpublished records of customary law of the Siberian peoples of the last quarter of the XVIII — the first half of the XIX century]. *Istochniki po kul'ture i klassovoj bor'be feodal'nogo perioda*, Novosibirsk, pp. 115–134.

Rabceвич V.V., 1985. Genezis dvoryanskogo zemlevladieniya na zemlyah mestnyh narodov Sibiri (po materialam tobol'skih tatar) [Genesis of noble landownership on the lands of the indigenous peoples of Siberia (based on the materials of the Tobolsk Tatars)]. *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri (XVIII — nachalo XX veka)*, Novosibirsk, pp. 33–44.

Samigulov G.H., 2014. Sejdyashevy i Kul'mametevy — popytka rekonstrukcii [The Seidiashevs and the Kulmametevs: An attempt of reconstruction]. *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: Novyye dannyye: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Tyumen', pp. 162–166.

Samigulov G.H., 2015. K istorii ichkinskih tatar poslednej treti XVII — XVIII veka [On the history of the Ichkinsk Tatars in the last third of the XVII — XVIII centuries]. *Vestnik arheologii, antropologii i ehntografii*, no. 4 (31), pp. 100–107.

Tomilov N.A., 1981. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoj ravniny v konce XVI — pervoj chetverti XIX vv.* [Turkic-speaking population of the Western Siberian Plain in the end of the XVI — first quarter of the XIX centuries], Tomsk, 276 p.

Tychinskih Z.A., 1998. Sluzhilye kazaki Kul'mametevy v XVIII v. [Service cossacks Kulmametev in the XVIII century]. *Sibirskie tatary: Materialy I Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»*, Tobol'sk; Omsk, pp. 117–119.

Новые источники по истории музр Кульмаметевых

Tychinskih Z.A., 2007. Tatarskie kazach'i golovy Kul'mametevy (XVII–XIX vv.) [Tatar cossack leaders Kul'mametev (XVII–XIX centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya Istoriya, filologiya, vol. 6, no. 1, pp. 135–140.

Tychinskih Z.A., 2009. O beklyaribekke Sibirskogo hanstva (k voprosu o transformacii sistemy tradicionnogo upravleniya v XVII–XVIII vv.) [About the beyliarybey of the Siberian Khanate (about transformation of the system of traditional governance in the XVII–XVIII centuries)]. *Forum «Idel'-Altaj»: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Idel'-Altaj: Istoki evrazijskoj civilizacii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej: Tezisy dokladov*, Kazan', pp. 246–250.

Tychinskih Z.A., 2010. *Sluzhilye tatary i ih rol' v formirovanii etnicheskoy obshchnosti sibirskih tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and their role in forming an ethnic community of the Siberian Tatars (XVII–XIX centuries)], Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 288 p.

Tychinskih Z.A., 2012. Iz istorii sibirskih murz Kul'mametevyh v XVII–XIX vv. [From the history of the Siberian murzas Kulmametev in the XVII–XIX centuries]. *Akseleu Sejdimbek: Gylymi murasy zehne tehuelsizdik (auyzsha tarih mehseleleri): Halykaralyk gylymi-teoriyalyk konferenciya, 6 zheltoksan 2012 zhyly*, Astana, pp. 271–279.

Valeev F.T., 1993. *Sibirskie tatary: Kul'tura i byt* [Siberian Tatars: Culture and way of life], Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 208 p.

Yushkov I.N., 1861. Sibirskie tatary [Siberian Tatars]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, no. 35–45, Tobol'sk.

О.В. Голубкова, Ю.Б. Кононова

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: olga-11100@yandex.ru
Независимый исследователь
E-mail: july1075@gmail.com

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У РУССКИХ И КОМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Культ предков являлся одним из наиболее значимых элементов традиционных верований. У многих народов считалось, что предки могли становиться мифическими покровителями рода, семьи (чур, домовой), помогать своим потомкам, защищать их от негативного воздействия со стороны чужих духов, колдунов, вредоносных (заложных) покойников. Согласно полевым материалам, в Западной Сибири для русских, коми, а также украинцев, белорусов, мордвы и других народов, предки которых «поселились» на данной территории сравнительно недавно (сменилось несколько поколений, многие помнят, из каких мест переселились за Урал их предки, хранят семейные предания, связанные с «малой родиной» и переездом в Сибирь), сакрально опасными локациями считались святилища и кладбища народов, которые поселились в Сибири раньше (ханты, манси, татары, аборигенные народы). Особенно страшными местами информанты (русские, коми) считали заброшенные могилы «инородцев» и «иноверцев», полагая, что иные способы погребения и ритуальной обрядности других народов не гарантируют безопасности живым, особенно «чужакам». В полевых материалах отражены эмоциональные истории о привидениях и враждебных духах, связанных с предыдущим населением Западной Сибири. Таким образом, мы столкнулись с фактами этнокультурной дивергентности, основанной на противопоставлении православного и «нехристианского» (языческого, мусульманского) культов. Кроме этого, многие информанты (русские и коми) считали, что сибирские народы обладают особыми, тайными знаниями и магическими способностями. Чтобы обеспечить защиту от враждебных духов и колдунов «инородцев» и «иноверцев», русские и коми не только использовали христианские обереги, но и стремились получить мистическое покровительство своих предков, что было особенно актуально в отрыве от своих корней, от родной земли.

Ключевые слова: мифология, сакрализация, русские, коми, Западная Сибирь, «свой — чужой», культ предков, психологическая адаптация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-108-117

Введение

Территориальное поведение биологических видов, в том числе людей (как индивидуумов, так и объединенных в сообщества по родству, социальной, этнической или конфессиональной принадлежности и т.п.), включает два типа активности: направленную на обеспечение собственного существования и устремленную на установление отношений с соседями (представителями иных сообществ). «Закрепление» территории за определенными группами (семьей, «общиной», народом) достигалось различными способами, в числе которых, помимо охраны границ занимаемого пространства и агрессии по отношению к чужакам, а также особого ритуального поведения, сложилась система специальных «сигналов» — символов, свидетельствующих о занятости территории. В культурном контексте символы наделялись сакральным статусом, который переносился также на территорию, маркированную этими знаками.

Многие исследователи (в частности, представители феноменологической школы) убеждены, что сакрализация является естественным механизмом воспроизводства культуры и коренится в самой природе человека, который испытывает необходимость в сакрализации («трансцендировании») своего биологического существования; именно посредством сакрализации (наделения человеческого мира смыслами и значимостями) религия тысячи лет противостояла когнитивному и социальному хаосу [Копцева, 2008, с. 307].

¹ Работа выполнена на средства гранта РФФИ, проект № 14-50-00036.

В основе всех религий лежит страх смерти, страх собственной конечности. И чтобы смягчить этот страх, люди придумывают защитные ритуалы, нерушимо верят в чудесного спасителя [Ялом, 2009, с. 8–11]. Так, ритуалы, связанные с сакрализацией пространства, могут быть направлены на снижение страха смерти. Осваивая новое — незнакомое, чужое, враждебное — пространство, люди неизбежно испытывают страх, вызванный угрозой их жизни. Переселяясь на новое место, люди должны были преодолевать бытовые трудности, приспособиться к иным ландшафтным и природно-климатическим условиям, быть готовыми к враждебному отношению новых соседей — все эти факторы несли реальную угрозу жизни коллектива, оказавшегося в отрыве от своего сообщества, от родных мест. Помимо смелости и выносливости, необходимых для выживания в непривычных (некомфортных) условиях, люди также нуждались в психологической стабильности, которую обеспечивали религии и дорелигиозные системы верований.

При изучении психологического аспекта формирования как межличностных, так и межэтнических отношений актуален вопрос их классификации. Классификация видов отношений к другим людям, их мировоззрению, культуре, традициям, религии может быть произведена с опорой на специфику самого отношения, на его характеристики («параметры отношений»). Систематизация различных параметров отношений, используемых для анализа, показывает, что ведущими параметрами отношений личности являются модальность, интенсивность, «знак» (символическое отношение), уровень осознанности, а также дифференциация самого объекта отношения. Постановка проблемы идентификации обращает нас к трудам представителей психоанализа и символического интеракционизма, в которых понятие «идентификация» использовалось как обозначение процедуры формирования положительного отношения к представителям своей группы и негативного к членам других групп. Считается, что основа этнической идентификации всегда есть разделение на «мы — они», «свои — чужие» [Штихве, 1998, с. 41–52], отражающееся, например, в самоназваниях этносов («свои люди», «говорящие люди», «правильные люди») и в названии других народов («чужие», «немые» люди и т.п., а иногда и «не люди» вовсе). Отношения между людьми в архаичных культурах, основанные на оппозиции «мы — они», позволяют расширять понятие «мы» за счет включения в него кого-то из числа «их» (путем заключения брачных связей, участия в совместной деятельности и т.д.) [Гемуев, 1990, с. 176]. В ряде работ по социальной психологии показано, что одним из важнейших критериев анализа такого элемента системы отношений личности, как отношение к другим людям, является дифференциация «другого» как «конкретного/обобщенного», «своего/чужого», «близкого/далекого» [Штихве, 1998; Шипилов, 2008; Шкурко, 2013; и др.].

Формирование образа «обобщенного другого» является ключевым этапом социализации личности. Автор термина, Дж. Г. Мид, определял *обобщенного другого* как возникающее в процессе социализации представление индивида об *абстрактном другом*, включающее в себя совокупность ожиданий, установок, ценностей социальной группы, на которые человек ориентируется при построении своего социального поведения [Шкурко, 2013, с. 83]. Дихотомия «свой — чужой» выступает основным критерием восприятия другого человека во все исторические эпохи и в любом обществе. Отнесение другого человека к «своему/чужому» выполняет ряд социально-психологических функций, в том числе: играет роль фактора межличностной и межгрупповой агрессии; представляет собой фактор включения/исключения в/из определенной социальной группы, общности; задает параметры межличностных и межгрупповых отношений, определяет паттерны взаимодействия с другими людьми; обуславливает процессы формирования групповой (коллективной) идентичности, субъекта, стремление субъекта к объединению со «своими» и обособлению от «чужих» [Штихве, 1998, с. 41–52; Шипилов, 2008, с. 21–175; Шкурко, 2013, с. 84].

В нашем исследовании мы обратились к анализу этнографических материалов, связанных с восприятием российскими переселенцами и их потомками некоторых аспектов религиозного мировоззрения соседей — представителей других (местных или коренных сибирских) народов («инородцев» и «иноверцев»), с точки зрения обоснования информантами критериев «свой/чужой», образа «обобщенного другого» по отношению к локальным духам на новой территории из иных этномифологических традиций.

Способы сакральной маркировки пространства, применяемые русскими и коми переселенцами в Западной Сибири

Продвижение в Сибирь русских и коми, начавшееся в XVI–XVII вв., растянулось на несколько веков. На север Западной Сибири отдельные группы предков коми начинали переселяться

раньше — в XI–XIII вв. [Повод, 2006, с. 31; История Ямала, 2010, с. 261]. На более позднем этапе, на рубеже XIX–XX вв., переселение в Сибирь восточно-славянских (русских, украинцев, белорусов) и финно-угорских (коми, мордва, эстонцы) народов стало массовым. Освоение сибирских земель на всех этапах сопровождалось процессами включения новых территорий в категорию «своего» пространства, что обусловлено универсальными психологическими потребностями адаптации человека. В этом процессе неизбежно активно были задействованы возможности мифологического мировоззрения и ритуального поведения. Полевые материалы этнографических экспедиций 2000-х гг. показали, что традиционные механизмы сакрального освоения пространства восточно-славянскими и финно-угорскими народами в Западной Сибири сохранились в начале XXI в. и активно применяются на практике.

Переселяясь в Сибирь, русские и коми использовали различные способы сакральной маркировки пространства, превращения новой территории в «свою».

1. В контексте христианской веры. Практиковалось освящение местности: строили храмы, сооружали обетные, поклонные, придорожные кресты, устраивали крестные шествия, наделяли статусом местных святынь некоторые природные объекты (водные источники, горы) и т.д. В качестве примера освящения территории на севере Западной Сибири можно привести установление креста ижемскими колонистами в знак памяти о их переходе через Урал. Крест был поставлен на одной из вершин гряды Мужинского Урала (Полярный Урал) предположительно в середине XIX в., он отмечал пройденный путь из Ижмы в Нижнее Приобье. *Народ в Сибирь шел с Ижмы, с Коми-то. Многие семьи со своими оленями, с баранами через Урал перевалили. Много народа пришло сюда. И на гору сюда поднялись. И увидели реку. Река, значит, кончаются горы, скоро поселок будет. И на этом месте крест поставили* (ГМА 2004: ЯНАО, с. Мужы, коми). Около креста останавливались оленеводы, гонявшие стада через Урал; здесь они молились, а также оставляли хлеб и водку «для духов» (Там же). Впоследствии на этом месте возводились другие кресты, заменявшие утраченные или обветшавшие, и, таким образом, появился значимый в сакральной географии обских коми объект — урочище «Кресты» в 8 км к западу от с. Мужы [Голубкова, 2006, с. 102–103; Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168–175]. Эти действия чрезвычайно символические, поскольку воздвижение креста на вновь открытой («обретенной») земле являлось исходным моментом формирования священной топографии и в целом первой точкой в освоении изначально «чужого», «неокультуренного» пространства [Теребихин, 2004, с. 146].

Со священными локусами, «отмеченными Богом», связаны легенды о появлениях святых, творивших чудеса, открывавших людям источники с целебной водой и т.п.; о явленных иконах, обнаруженных в родниках, ключах, на деревьях, показавшихся из земли. *Перед войной <...> я в поле пшеницу жала и нашла в земле иконку. Маленькая, размером с ладошку. Очистила от земли и увидела лик Пресвятой Богородицы <...> спросила у бабушки, откуда берутся иконы, если рядом нет церкви? Бабушка <...> рассказала, что иконы могут сами собой вырастать из земли или из воды выходить. Если где икона появится, значит, это место, благословенное самим Господом Богом* (ГМА 2000: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коен, рус.). Таким образом, чудесное появление иконы из земли или воды могло восприниматься подтверждением сакральной значимости данного места как священного православного объекта (в народно-христианском понимании) и являться одним из поводов его включения в категорию «своего» пространства, что обеспечивало психологический комфорт, давало чувство божественной защищенности на новом месте.

2. При заселении сибирских земель русскими и коми в систему мировоззрения включались элементы «чужих» религий — священные места, локальные духи-покровители и т.п., почитаемые у народов, ранее обосновавшихся на данной территории. Отношение к богам/духам и культовым объектам «иных» народов могло быть совершенно разным, варьироваться от полного неприятия и противопоставления «своего» (христианского) мировосприятия «чужому» (языческому) до суевренных страхов перед «иностранцами» духами — древними «хозяевами сибирских земель».

Поселковые святилища обских угров условно разделены на две категории, причем в основе этого разделения лежит их статус — уровень сакральности. Меньшим статусом обладают так называемые мужские и женские священные места, которые располагаются на окраинах поселков. Более высокий статус имеют собственно святилища — места «проживания» поселковых (или региональных) божеств, которые обычно от поселков удалены [Бауло, 2005, с. 166]. Обские коми старались соблюдать нормы, регламентирующие правила поведения на территории, где «хозяйничали» духи обских угров, придерживаться запретов на посещение святилищ. *Мы на*

святые места не ходим, там манси своим богам поклоняются, а мы люди христианской веры (ПМА 2011: ХМАО, с. Саранпауль, коми). *Там святилище манси, они в ту сторону на лодках ездят, а наши туда никогда не ходят. Там ихние идолы стоят, лучше не трогать и даже не смотреть, может приключиться что-то недоброе* (Там же). Женские священные места, обладающие наименьшим сакральным статусом, могут посещать все: женщины и мужчины любых этнических и конфессиональных сообществ. Женщины посещают их чаще всего по праздникам (в Вороний день — весной, на Ильин день — летом и др.), но иногда и в будни, во время болезни или когда приснится плохой сон [Бауло, 2005, с. 166–167]. Рядом с п. Ямгорт (ЯНАО) женское священное место расположено среди елок и сосен. На некоторых деревьях были повязаны платки (рис. 1), ленточки, висели цепочки и кольца. К одному из деревьев был привешен череп коровы. Проживавшие в Ямгорте коми (в 2004 г. две семьи) считали это место священным, но опасались туда ходить. *Мы на хантыйской земле живем, поэтому их духи на нас влияют* (ПМА 2004: ЯНАО, п. Ямгорт, коми).

Рис. 1. Женское святое место хантов около п. Ямгорт (ЯНАО). Фото О.В. Голубковой, 2004 г.

В некоторых случаях коми и русские выражали почтение (нередко обусловленное страхом) местным божествам в виде бескровных жертвоприношений. Проезжая или проходя мимо места, почитаемого у «других» народов (связанного с божеством, эпическим героем или легендарным событием из «чужой» культурной традиции), русские/коми оставляли угощение, монеты, завязывали ленточки и т.п. Считалось, что такая откупная жертва задобрит духов, охраняющих территорию, и поможет предотвратить несчастье, которое способны навлечь духи-хозяева за непочтительное отношение к ним. *На хантыйские места, где они своим богам молятся, мы не ходим. Кто заходил случайно, потом болели, или какое-нибудь несчастье случилось. Оттуда нельзя ничего себе брать. А уж если зашел, то нужно от себя что-нибудь положить, хоть самое простое: хлебушка, монетку, тряпочку, хотя бы ниточку привязать. Вроде как подарок* (ПМА 2004: ЯНАО, п. Овгорт, коми). *На Сосьве есть остров, это святое место у манси, там их духи живут. Когда мимо острова на катере проплываем, нужно бросить в воду денежку — заплатить за проезд. Всегда бросаем, чтобы дорога была легкой* (ПМА 2011: ХМАО, п. Сосьва, коми).

Подчеркнем, что у русских и коми переселенцев подобных вторжений из «инородческих» мифологических систем в сферу дохристианских духов домашнего очага (самого близкого пространства) не фиксировалось.

3. Еще одной формой сакрального освоения новой территории можно считать стремление обеспечить патронат своих предков, которое выражалось в обустройстве кладбищ и соблюдении традиционных норм похоронно-поминальной обрядности. Наверное, это было особенно актуально для первых поселенцев, оказавшихся в отрыве от «корней», от родной земли и могил предков. *Родная земля там, где предки похоронены. Наши предки пришли из России в Сибирь, здесь их могилы. Выходит, у меня здесь родина* (ПМА 2005: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, рус.).

Рассматривая причины происхождения и особенности религиозных верований через призму психоанализа, З. Фрейд пришел к выводу, что религия и религиозные ритуалы являются необходимой иллюзией, помогающей справляться со страданиями, тяготами жизни, страхами, болезнями. То есть, по сути своей являются психологической защитой. Человек, вброшенный в этот огромный мир, оказывается один на один перед лицом природы. Ее мощь и величие пугают, а порой ужасают: природные катаклизмы, от которых нет спасения, болезнь, терзающая загадка смерти, не имеющая ответа. На фоне всего этого человек выглядит жалким и беспомощным. Чтобы противостоять этой природной мощи и непредсказуемости судьбы, человечеству необходимо было выработать некий защитный механизм, способный решить три задачи: утешить грубо задетое самолюбие человека; представить жизнь и мир не столь ужасными; удовлетворить человеческую любознательность. Эти задачи отчасти были решены путем очеловечения природы. Это уже не безличные силы, с которыми невозможно вступить в контакт и договориться. Теперь, используя те же средства, что и во взаимодействии со своим окружением, можно попытаться воздействовать на высшие силы, через подкуп и заклинания забрать часть их могущества. У данной ситуации существует инфантильный прообраз. Когда-то в детстве человек уже ощущал подобную беспомощность, испытывая страх перед собственными родителями. Особенно перед отцом, на которого, однако, можно было положиться, ища защиты от опасностей. Используя механизм проекции, человек подобным образом наделяет силы природы человеческими чертами, придавая им характер отца, создавая иллюзию надежды на защиту и спасение. Позже, когда природные явления стали более понятны и объяснимы, природа утратила свои человеческие черты. Однако человек от этого не стал менее уязвимым. Потребность снизить ощущение человеческой беспомощности, сделать ее более переносимой породила ряд представлений, основанных на воспоминаниях о беспомощности собственного детства и детства человечества. Таким образом, божественное, сакральное, было призвано снизить тревогу, связанную со столкновением с неконтролируемыми явлениями природы, осознанием собственной конечности и неизбежности смерти, и вознаградить за лишения и страдания, выпавшие на долю человека [Фрейд, 1927, 1998].

В локальных ситуациях человек, испытывая тревогу, страх, беспомощность, использует все тот же механизм проекции — ищет отца-защитника, способного избавить от страданий. Так, переселенцы, попавшие в чужие земли, испытывают страх перед неизвестностью, новизной, тревогу, призывая на помощь предка — мифического покровителя рода. Вероятно, наделяя в своих фантазиях местных жителей магическими способностями, они пытались олицетворить свой страх перед новым и неизвестным, чужим. Теперь этот страх не всеобъемлющий. У него есть лицо. У него есть имя. Скорее всего, этот кто-то будет похож на существа из собственного общества. Им если и нельзя противостоять, то можно пытаться задобрить, договориться, подкупить.

«Свои» и «чужие» предки на новой территории

Подробнее остановимся на проблеме символического освоения новой территории через культ предков. Отношения людей с духами строились по той же схеме, что и между людьми, и были основаны на оппозиции «мы — они» [Гемуев, 1990, с. 176]. Считалось, что умершие предки оберегают живых потомков и защищают их от негативного воздействия со стороны «чужих» покойников или «кинородцев»-колдунов, шаманов. Например, у обских коми существовал суевренный страх перед кладбищами хантов и манси; у русских — перед могильниками не православных народов и т.п. Считалось, что способы погребения и похоронно-поминальной обрядности «других» народов (не соответствующие привычным нормам, отличающиеся от «своих») не гарантируют безопасности для переселенцев.

Различия в исполнении обрядов, когда соседи (представители другого народа) делали что-то «не так, как принято у нас» порождали представления о том, что «они», с одной стороны, обладают неизвестными «нам» сакральными знаниями, из чего автоматически возникало предположение, что «они» более сильны в знахарстве и колдовстве. *Все манси колдуны, идолопо-*

клонники, значит, им нечистая сила помогает (ПМА 2011: ХМАО, с. Саранпауль, коми). С другой стороны, различия в исполнении обрядов могли трактоваться как «неправильные». Соответственно «неверно» проведенный обряд не мог обеспечить желаемых результатов. Особенно это касалось похоронно-погребальной обрядности, общий смысл которой сводится к преодолению смерти и ограждению живых от опасностей мира мертвых. «Чужие» кладбища у русских и коми считались «страшным местом», причем старые погосты и заброшенные могилы «иностранцев»/«иноверцев» воспринимались как более опасные, чем действующие. Утратив свое первоначальное значение, эти места считались местопребыванием теней мертвых, их почитание было генетически связано с культом предков, которые могли враждовать с предками русских/коми. Заброшенные могилы «соплеменников» также могли считаться опасными местами, но степень их опасности расценивалась ниже.

У русских и коми, проживающих в Западной Сибири, зафиксированы эмоциональные истории о привидениях и враждебных духах, связанных с предыдущим населением. *У нас раньше школа-интернат стояла на нечистом месте. Когда-то там ханты хоронили своих беззубых младенцев. А они покоя после смерти не знают. Построили школу, а в ней беспокойно. По ночам кто-то ходит, то плачет, то смеется, дверями хлопает, двери сами отворялись. Днем ничего не слышно, а ночами начинается* (ПМА 2004: ЯНАО, п. Овгорт, коми). Интересно, в качестве примера территориально-мировоззренческого конфликта, «наложение» в чем-то эквивалентных локусов — школы-интерната (места воспитания детей в отрыве от семьи) и «иностранческого» детского кладбища.

История, которую можно назвать типичной — связанной со «старыми могилами» прежнего иноэтничного населения, была записана у русских в Новосибирской области. *Старый Московский тракт проходил мимо старинного заброшенного татарского кладбища. На месте бывших могил построили дом. Позже там находили человеческие кости, но тогда еще не знали о кладбище. В том доме постоянно что-то чудилось ночами, было невозможно спать. Женщина, которая жила в доме, каждую ночь видела, что ходят какие-то тени, все гремело, брэнчала посуда. Однажды она увидела тень женщины в татарской одежде. Тогда догадалась, что дом стоит на могиле этой женщины татарки. Потом уехали, и никто в этом доме больше не жил* (ПМА 2013: г. Болотное, рус.). Здесь территориально-мировоззренческий конфликт выступает как пример «наложения» близких локусов — дома переселенцев на «дом» инокультурных умерших (кладбище). То есть, наблюдается двойной психологический конфликт: антагонизм между живыми и мертвыми, усиленный тем, что умершие принадлежали к иному этническому, культурному и конфессиональному сообществу.

Похожий территориально-мировоззренческий конфликт зафиксирован в д. Гриневицы Тарского района Омской области. С начала XX в. основным населением Гриневицкой были поляки, здесь находились костел и католическое кладбище. В советские годы число поляков сокращалось (по разным причинам, в том числе по причине «обрусения»); в 1970-е гг. в деревню массово переселялись семьи из ликвидированных близлежащих селений. К началу XXI в. этнический состав Гриневицкой полностью изменился: в 2005 г. он был представлен русскими, украинцами, белорусами и коми-зырянами; не осталось жителей, относящих себя к полякам (ПМА). Однако информанты хорошо помнили, что в деревне жили поляки; название «польское» закрепилось за местным кладбищем, хотя, судя по ориентации могил — головой на запад и на восток, захоронения производились как по католической, так и по православной традиции. В центре кладбища находились поминальный крест с распятием (рис. 2) и общий поминальный стол, в качестве надгробных памятников преобладали четырехконечные (католические) кресты. Несмотря на отсутствие польского (католического) населения в Гриневицах, кладбище продолжало функционировать, здесь хоронили одиноких людей, оставшихся без родственников. В основном жители Гриневицкой хоронили своих родственников на кладбищах соседних деревень и высказывали предпочтение быть погребенными там же, объясняя это желанием лежать рядом со своей родней. Во время бесед, касавшихся польского кладбища, были зафиксированы эмоциональные высказывания, отражавшие мистический страх перед этим местом. *На могилы ходим, поминаем родителей, всех родных, никакого страха не бывает. У нас тут, сразу за деревней в лесу, польское кладбище. Там страшно, всегда что-то чудится. Даже мимо кладбища проходишь, озноб берет* (ПМА 2005, рус.). *Раньше здесь жила ведьма полячка — старуха Козик, портила людей и скот, выдаивала чужих коров. А когда умерла, стала вставать из могилы, летала по деревне, в окна заглядывала. Она на польском кладбище похоронена. Многие ее*

там видели. Душа не успокоилась, около могил летает (Там же, белорусы). По кладбищу призраки ходят, людей пугают (Там же, рус.). На польском кладбище нечистая сила водится (Там же, коми).

Рис. 2. Распятие на польском кладбище д. Гриневици (Омская обл.). Фото О.В. Голубковой, 2005 г.

Для защиты от «чужих» враждебных духов русские, коми и другие российские переселенцы в Западной Сибири использовали средства апотропейной магии (включая христианские обереги: икону, крест, молитву и т.д.), а также рассчитывали на мистическое покровительство предков и их противодействие «враждебным» духам. *Родители покойные на том свете за нами наблюдают. Они как ангелы-хранители помогут в трудную минуту* (ГМА 2009: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка, рус.). То есть, применяли те же обереги и способы, что и для защиты от *нечистой силы, нежити* — представителей «своей» системы верований.

На частном, семейном уровне сакральное освоение пространства выражалось в обустройстве дома. Первым делом в новый дом приглашали *домового (хозяйина, суседко)*, который считался душой дома, помощником домочадцам и их защитником от враждебных потусторонних сил. Образ домового хозяина является эманацией предка — *чура*, поэтому в ряде случаев *домовой* (как и *чур*) мог выполнять те же функции, что и ангел-хранитель в народно-христианской интерпретации [Криличная, 2004, с. 150–155, 175; Ансимова, Голубкова, 2016, с. 131–134]. Параллельно с приглашением домового, обустройством его угла и его «угощением» совершались христианские обряды освящения дома: вносили иконы, оформляли Красный угол, на окнах и дверях рисовали крестики и т.п. Соответственно освоение новых территорий можно сравнить с процессом сакрального обустройства домашнего пространства, включения его в сферу «своего», пригодного для безопасного проживания; в том и другом случае использовались аналогичные ритуалы.

Ритуал — это переход от мирского к священному, от преходящего и иллюзорного к реальности и вечности, от смерти к жизни, от человека к божеству. Любой ритуал имеет свою сакральную модель. Всем религиозным актам положили начало боги, культурные герои или мифические предки [Элиаде, 1987, с. 45–50]. В. Тэрнер большое внимание уделил конфликтным ситуациям, которые чаще всего преодолеваются ритуалом. Описывая социальные драмы, он показал, как в специфических ситуациях некоторые принципы вступают в конфликт друг с другом и какие попытки делаются для поддержания единства. Ритуал пытается устранить кризис, но если раскол неизбежен, то ритуал утверждает в условиях повышенной эмоциональности высочайшие общие ценности. Ритуал является важнейшим средством постоянного поддержания общих

норм и ценностей народа, так как система ритуала связана с символом, подражанием, восприятием. Таким образом, ритуал — это особая программа поведения, с помощью которой коллектив преодолевает критические точки бытия. Ритуал проводит человека или социальную группу через лиминальность, в которой с большей эмоциональностью утверждаются нетленные ценности общества, к новому закреплению структуры (иногда видоизмененной) [Тэрнер, 1983, с. 48–62].

Ритуал имеет психотерапевтический эффект и служит для создания условий психологического комфорта социального бытия. Эта функция приобретает особое значение в кризисных ситуациях (стихийные бедствия, смерть членов коллектива, смена места обитания и т.п.). Под угрозой оказывается единство коллектива, его нормальное функционирование. Коллектив стремится каким-то образом компенсировать утрату и тем самым сохранить смысл своего существования. Эту компенсаторную роль в традиционном обществе успешно выполнял ритуал. Функция ритуала — регулирование психической стабильности, создание уверенности в трудных и кризисных ситуациях (в период кризиса следование ритуалам может снимать ощущение тревоги и неблагополучия, тем самым вызывая у людей положительные эмоции). Одно из важнейших следствий ритуала (как религиозного, так и бытового) — психотерапевтическая компенсация, которая заключается в осуществлении общения, объединении людей, преодолении одиночества, тревожности, разлада с собой, отчужденности, обособленности и дает человеку чувство принадлежности к группе — социальной, половозрастной, этнической, профессиональной, территориально-родовой. Ритуал превращает сложные переживания индивида в согласованную систему символов, предлагает ему образ простого и упорядоченного мира [Куницына и др., 2001, с. 118–134]. Эмоциональная сторона ритуала представляется чрезвычайно важной. Не случайно этологи и психологи связывают возникновение ритуализации с реакцией на ситуацию неопределенности, порождающую страх, тревогу, неуверенность. В ритуалах снимается эмоциональное напряжение, «канализируется агрессия» и т.п. Психологическую почву религии создает устойчивое, постоянное чувство страха, которое может переживать индивид. Это чувство относят к числу астенических. Переживание такого рода эмоций, как астенических, необходимо для человека, в пределах определенной силы и длительности астеническая эмоция психологически закаляет людей. Страх является естественной реакцией на реальную опасность, сигналом тревоги, в сравнении с другими эмоциями он наиболее угнетает человека. Сильный, постоянный, застойный страх разрушителен: он ослабляет живую связь с действительностью, искажает ощущение и восприятие, возбуждает болезненную фантазию, сковывает мышление, рассеивает внимание, затрудняет деятельность памяти, вызывает необоснованные решения. В ситуации угрозы, опасности нередко появляется психологический стресс, который ведет к вызывающим дискомфорт эмоциональным сдвигам, дезорганизации поведения и деятельности. Человек ищет защиты от разрушительных сил, от стрессов и фрустраторов, возбуждающих состояние подавленности, и находит его в ритуалах, обращенных к предкам-покровителям и направленных на сакрализацию домашнего и нового (пока «чужого») природного, «инокультурного» пространства.

Выводы

Таким образом, дихотомия «свой — чужой» имеет территориально-пространственное измерение («своя/чужая» земля) и является важнейшим критерием анализа системы человеческих взаимоотношений. Освоение Западной Сибири русскими, коми и другими народами происходило не только в материальном мире, но также в сакральной, мифологической «реальности» — в мире «своих» предков-покровителей и «чужих» духов, между которыми устанавливался своеобразный баланс. Этот универсальный механизм обособления и одновременного «проникновения» обеспечивает мировоззренческую адаптацию практически в любой мигрантной среде, о чем свидетельствуют и современные процессы, связанные с масштабным перемещением этнических групп. А включение «чужой» земли в сферу «своего» пространства имеет большое значение для психологического комфорта человека на новом месте проживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анимова О.А., Голубкова О.В. Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских: (Этнографический и лексикографический аспекты) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3 (44). С. 130–138.

- Бауло А.В. Религиозное мировоззрение и обрядовая практика // Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 145–172.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука Со, 1990. 232 с.
- Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 101–111.
- Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 168–176.
- История Ямала: В 2 т. / Под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы / Под ред. Н.В. Федоровой, А.П. Зенько и др. 416 с.
- Копцева Н.П. История религии. Версия 1.0: Конспект лекций. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. 328 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/35/u_lectures.pdf.
- Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проспект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
- Повод Н.А. Коми Северного Завралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 272 с.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии. 1927. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://nv-shulenina.narod.ru/freyd_zigmund_buduschee_odnoy_illyuzii.pdf.
- Фрейд З. Тотем и табу. СПб.; М.: Олимп: АСТ-ЛТД, 1998. 448 с.
- Шкурко Т.А. Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 81–95.
- Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
- Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 1. С. 41–53.
- Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
- Ялом И. Вглядываясь в солнце: Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

O.V. Golubkova, Yu.B. Kononova

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: Olga-11100@yandex.ru
Independent researcher
E-mail: july1075@gmail.com

SACRALIZATION OF SPACE AS A WAY OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION THE RUSSIANS AND KOMI IN WESTERN SIBERIA

Ancestor worship was one of the most significant elements of traditional beliefs. In many cultures it is believed that the ancestors can become mythical patrons of a clan or a family (chur, domovoy (hobgoblin)). They help their descendants, protect them from the negative impact of alien spirits, sorcerers, and harmful corpses (navs). Our conclusions are based on the ethnographic field material, collected in different regions of Western Siberia, mainly among the Russians and Komi, as well as among the Ukrainians, Belarusians, Mordovians. The ancestors of these people settled in Siberia relatively recently (it took several generations, many of them remember the places from where their ancestors migrated behind the Urals, keep family traditions associated with «homeland» and migration to Siberia). For them, sacred dangerous loci are sanctuaries and cemeteries of the peoples who had settled in Siberia earlier (Khanty, Mansi, Tatars, indigenous peoples). The informants (Russian, Komi) consider abandoned graves of «aliens» and «infidels» as especially frightening places. They believe that other methods of burial and ritual ceremonies of other nations do not guarantee safety for a living person, especially for «outsiders». The field materials reflect emotional stories about ghosts and hostile spirits associated with the previous population of Western Siberia. Thus, we face the facts of ethnic and cultural divergence, based on the opposition of Orthodox and «non-Christian» (pagan, Muslim) worship. Besides, many informants (Russian, Komi) believe that the Siberian peoples have special secret knowledge and magical abilities. The Russians and the Komi used Christian amulets in order to provide protection from hostile spirits and wizards of the indigenous peoples. In addition, they seek mystical protection of their ancestors. This was true in isolation from their roots, from their native land.

Key words: mythology, sacralization, Russian, Komi, Western Siberia, «own — alien», the cult of ancestors, psychological adaptation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-108-117

REFERENCES

- Alekseev V.V., 2010, (ed.). *Istoriia lamala* [History of Yamal], vol. I: lamal traditsionnyi, book 1: Drevnie kul'tury i korennye narody, Ekaterinburg: Basko, 416 p.
- Ansimova O.A., Golubkova O.V., 2016. Mifologicheskie personazhi domashnego prostranstva v narodnykh verovaniiax russkikh: (Etnograficheskii i leksikograficheskii aspekty) [Mythological characters of the domestic space in Russian folk beliefs: Ethnographic and lexicographic aspects]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 3 (44), pp. 130–138.
- Baulo A.V., 2005. Religioznoe mirovozzrenie i obriadovaia praktika [Religious worldview and ritual practice]. *Synskie khanty*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 145–172.
- Eliade M., 1987. *Kosmos i istoriia* [Cosmos and History], Moscow: Progress, 312 p.
- Ermakova E.E., Liskevich N.A., 2011. Sakral'naia geografiia izhemtsev Nizhnego Priob'ia [Sacred geography of the Izhemtsy of the Lower Ob Basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (14), pp. 168–176.
- Freud S., 1927. *Budushchee odnoi illiuzii* [The future of one illusion], available at: http://nv-shulenina.narod.ru/freyd_zigmund_budushee_odnoy_illyuzii.pdf.
- Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi's worldview: Houm and Cosmos], Novosibirsk: Nauka, 232 p.
- Golubkova O.V., 2006. Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyriian i russkikh v sfere sakral'nogo simbolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyrians and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 3 (27), pp. 101–111.
- Freud S., 1998. *Totem i tabu* [Totem and taboo], St. Petersburg; Moscow: Olimp: AST-LTD, 448 p.
- Krinichnaia N.A., 2004. *Russkaia mifologiya: Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: A world of images of folklore], Moscow: Akademicheskii prospect: Gaudeamus, 1008 p.
- Koptseva N.P., 2008. *Istoriia religii* [History of religion]. Versiia 1.0: Konspekt lektsii, available: Krasnoarsk: IPK SFU, 328 p.
- Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M., 2001. *Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication], St. Petersburg: Piter, 544 p.
- Povod N.A., 2006. *Komi Severnogo Zaural'ia (XIX — pervaiia chetvert' XX v.)* [The Komi of the Northern Trans-Urals (XIX — first quarter of the XX)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.
- Shipilov A.V., 2008. «Svoi», «chuzhie» i drugie [«Us» and «them» and others], Moscow: Progress-Traditsiia, 568 p.
- Shkurko T.A., 2013. Otnosheniia k «svoim/chuzhim», «blizkim/dalekim» zhitelei gorodov raznogo tipa [Attitude to the «us/them», «close person/stranger» in residents of cities of different types]. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo*, no. 4, pp. 81–95.
- Stichweh R., 1998. Ambivalentnost', indifferentnost' i sotsiologiya chuzhogo [Ambivalence, Indifference and Sociology of a Stranger]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. I, no. 1, pp. 41–53.
- Terebikhin N.M., 2004. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North], Arkhangel'sk: Pomor. un-t, 272 p.
- Turner V., 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Moscow: Nauka, 277 p.
- Yalom I., 2009. *Vgliadyvaias' v solntse: Zhizn' bez strakha smerti* [Staring at the Sun: Overcoming the Terror of Death], Moscow: Eksmo, 352 p.

Д.Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум
ул. Инструментальная, 12, Красноярск, 660123
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

ЗЕМЛЕ- И ВОДОУСТРОЙСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается процесс землеустройства хакасов и водоустройства в низовьях Енисея в начале XX в. Автор анализирует водо- и землеустройство как части единого процесса. Доказывается, что водо- и землеустройство не носили этнодискриминационного характера по отношению к коренным жителям Сибири: реформы привели к уменьшению пользования природными ресурсами как коренного, так и русского старожильческого населения. Более того, показывается, что по возможности землеустроители старались учесть интересы коренных жителей, наделяя их землей сверх нормы. Кроме того, автор доказывает, что земле- и водоустройство служили цели создать правовые условия для проникновения крупного капитала в Сибирь. На юге губернии в результате экспроприации земель у хакасов было образовано капиталистическое овцеводческое хозяйство. На севере эта цель не была достигнута — не нашлось желающих для создания хорошо обустроенного рыболовецкого хозяйства.

Ключевые слова: землеустройство, водоустройство, Енисейская губерния, хакасы, Енисейский Север, минусинские и ачинские татары, рыбопромышленность, капиталистическое хозяйство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-118-125

В начале XX в. в Сибири активно проходил процесс землеустройства, в том числе коренных народов Южной Сибири. На территории Енисейской губернии землеустройство затронуло хакасское население. Практически одновременно власти провели водоустроительную реформу в низовьях Енисея, которая касалась интересов коренного населения Таймыра. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы получили освещение в ряде работ [Дамешек, 2007; Шерстова, 2005; Шекшеев, 1998; Ващенко, 1979; Шиловский, 2005]. Новизна настоящей статьи заключается в подходе к водо- и землеустройству как к однопорядковым явлениям, составным частям единого процесса. Цель исследования — выявление задач и итогов государственной политики в области земле- и водоустройства коренных народов Енисейской губернии и связи этих мероприятий с проникновением крупного капитала в Сибирь. Работа основана на анализе материалов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Красноярского края и архива г. Минусинска, а также опубликованных материалов Енисейской научно-промышленной экспедиции 1908–1915 гг.

Хронологически раньше произошло водоустройство в низовьях Енисея (в 1908 г.). Основным занятием русского населения долины р. Енисея к северу от деревни (станка) Осиновой было рыболовство. Распределение рыболовных угодий между селениями осуществлялось на основании обычного права. В пределах проживания русского населения (от ст. Осинового до ст. Дудинского) ежегодно выходило для рыбного промысла некоторое количество «инородческих» семей. Они свободно пользовались рыболовными песками. Споров из-за этих местностей не зафиксировано. Пространство к северу от ст. Дудинского считалось традиционным местом водопользования «инородцев». Современник отмечал, что в середине XIX в. «низовские жители» не пускали в низовья Енисея пришлых рыболовщиков [Кривошапкин, 1865, с. 158]. Рыболовством на Енисее занимались енисейские остяки, остяко-самоеды, юраки, самоеды, долганы и тунгусы.

Организация в 1863 г. частного пароходства привела к появлению в низовьях р. Енисея пришлых рыболовных артелей. Тогда же, в 1860-х гг., администрацией был установлен «неводной сбор», который взимался с артелей в пользу «инородцев». Однако в 1899 г. Иркутский генерал-губернатор усомнился в правах коренных жителей на пользование рыболовными песками в низовьях Енисея, и «неводной сбор» на этом основании был отменен [Востротин, 1910, с. 22–25].

Появление пароходства значительно изменило традиционный уклад жизни в низовьях Енисея. К концу XIX в. пароходоладельцы монополизировали вывоз рыбы из Туруханского края. И крестьяне, и коренные жители были вынуждены сдавать рыбу по заниженным ценам парохо-

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

довладельцам. Последние перепродавали ее в г. Енисейске значительно дороже. Кроме того, пароходовладельцы продавали рыбопромышленникам предметы первой необходимости (хлеб, чай, орудия промысла) втридорога. Для самых бедных существовала система «обстановки»: пароходовладелец поставлял крестьянину или «инородцу» необходимые орудия для промысла и продукты в счет будущего улова. Нередко рыбопромышленники попадали в многолетнюю кабалу, и их положение было очень бедственным. Можно говорить, что пароходовладельцы явились своеобразными агентами модернизации, так как вовлекали местных жителей в товарно-денежные, рыночные отношения. Однако эта модернизация оказалась хищнической, приобрела нецивилизованные формы, свелась к эксплуатации местного населения.

В 1908 г. Управление государственных имуществ Енисейской губернии организовало Енисейскую научно-промышленную экспедицию, которая проработала до 1915 г. Кроме научных (географическое описание низовьев Енисея, изучение способов и орудий лова рыбы) перед экспедицией были поставлены сугубо практические задачи: изучить вопрос о принадлежности рыболовных местностей. В результате ее работы было установлено, что побережья ниже 69° с.ш. следует считать незаселенными, а значит, находящимися в полном распоряжении государства. Осенью того же года Иркутский генерал-губернатор принял «Временные правила для рыболовства в низовьях Енисея», в коих было закреплено, что на данных территориях создаются 125 рыболовных участков, которые должны сдаваться в аренду на рыболовный сезон. Характерно, что эти участки были запроектированы экспедицией еще до утверждения правил. Этот акт вызвал широкий общественный резонанс — целый шквал критических статей в енисейской и сибирской прессе. Общественные деятели увидели в решении генерал-губернатора ущемление прав коренных жителей Енисейского Севера, писали об «ограблении инородцев» (подробнее об этом: В[довин, 2004]). Депутат Государственной думы Востротин даже издал брошюру, специально посвященную данному вопросу [1910].

Проведенная реформа лишала коренных жителей возможности законно и бесплатно пользоваться рыболовными промыслами и, наоборот, создавала правовую основу для проникновения пришлого капитала (в том числе крупного) на Енисейский Север в форме аренды рыболовных промыслов.

Водоустройство в низовьях Енисея вряд ли носило этнодискриминационный характер. В результате реформы пострадали как коренные жители, так и жители русских станков, проживавшие в долине Енисея южнее, которые регулярно, год от года, осуществляли рыболовный промысел в низовьях реки. Пострадали и мелкие пришлые артели, количество которых особенно увеличилось с организацией в 1906 г. казенного пароходства. Вместе с тем после отмены «неводного сбора» правовая ситуация вокруг рыболовных песков была крайне неоднозначной и требовала скорого решения: были известны случаи конфликтов из-за рыболовных промыслов, в ходе которых пришлые артели выгоняли «инородцев» с их традиционных промыслов [Окулич, Исаченко, 1909, с. 17].

Управление государственных имуществ не скрывало своих намерений — способствовать проникновению на Енисейский Север крупного капитала с «цивилизаторской» миссией. Организаторы экспедиции прямо писали в своих публикациях: «нужно урегулировать промысел... и тогда найдутся энергичные люди, найдется капитал, и вокруг хорошо оборудованных промысловых заведений будет кипеть жизнь и работа» [Исаченко, Лавров, 1908, с. 56].

Однако водоустроительная реформа не достигла своих целей: более половины участков были арендованы «Енисейской компанией пароходства», которая не пожелала инвестировать в организацию «хорошо оборудованных промысловых заведений», а предпочла передать участки в аренду местным рыбопромышленникам. «Туруханцы принуждены снимать в аренду из вторых рук — у «Енисейской компании», к которой попали все лучшие пески, да еще на драконовских условиях: с отдачей половины улова по той цене, какую вздумается назначить компании» [Л.К., 1909а]. В результате в 1916 г. сотрудник Енисейской научно-промышленной экспедиции А.Г. Шлихтер констатировал, что торговый капитал получал настолько большие выгоды в Туруханском крае, за счет своих посреднических функций, что вкладывать деньги в интенсификацию производства для него было абсолютно невыгодным [1916, с. 96].

Заметим, что из 125 участков 52 были предоставлены в пользование «инородцам» и немногочисленным русским «низовским жителям». Таким образом, местные жители получили юридическое закрепление права пользования своими традиционными рыболовными песками, хотя их площадь была сокращена более чем в два раза [Исаченко, Лавров, 1909, с. 24].

Реформа 1908 г. не была единичным мероприятием. Аналогичные правила были утверждены для Аральского моря, оз. Байкал и низовьев р. Амур [Л.К., 1909b]. Как было указано, водоустроительная реформа 1908 г. стоит в одном ряду с землеустройством коренных народов Южной Сибири. Но если землеустроительные работы у хакасов Енисейской губернии вызвали активное сопротивление последних, выразившееся как в массовой подаче жалоб на землеустроителей, так и в открытом сопротивлении, так называемом Ачинском бунте 1913 г. (о чем речь пойдет ниже), то на Енисейском Севере мы не наблюдаем каких-либо организованных протестов со стороны местного населения.

Процесс землеустройства в Сибири, и в Енисейской губернии в частности, начался в 1890-х гг. Непосредственной причиной землеустроительных мероприятий была практическая необходимость выделить участки для нужд переселенцев из Европейской России [Шиловский, 2005, с. 38]. Землеустроители в Енисейской губернии под руководством В.Ю. Григорьева (старшего чиновника по составлению отводных записей, позже — заведующего переселением и землеустройством) не спешили с проведением соответствующих работ в отношении коренного населения — хакасов. До революции 1917 г. коренное население Минусинского и Ачинского уездов не имело самоназвания. В научной литературе и делопроизводственной документации фигурировали наименования «минусинские и ачинские инородцы» или «минусинские и ачинские татары». В начале XX в. они образовывали четыре административные единицы: Абаканская и Аскизская инородные управы Минусинского уезда и Кызыльская и Мелетская инородные управы Ачинского уезда, в 1912 г. преобразованные в инородные волости. В рамках статьи термин «хакасы» употребляется как собирательный для всего коренного населения Минусинского и Ачинского уездов.

В.Ю. Григорьев опубликовал работу «К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края», в которой последовательно доказывал, что наделение землей по общей норме (15 дес. удобной земли и 3 дес. леса на мужскую душу) будет недостаточным для скотоводческого хозяйства хакасов [1906, с. 118]. В конце работы В.Ю. Григорьев настаивал на организации специального исследования хакасских хозяйств. Такое исследование было проведено Н.Н. Козьминым и М.Н. Богдановым в 1909–1910 гг. Результатом работ стал вывод о минимально необходимом наделе для жителей Абаканской управы в 61,3 дес. на душу и для жителей Аскизской управы — в 31,3 дес. на душу [Козьмин, 1917, с. 23]. При этом фактическое землепользование для Аскизской управы в среднем составляло 22,1 дес. на душу, а для Абаканской — 54,25 дес. (подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 4 об.–5]). Таким образом, предлагавшиеся нормы наделов даже превышали размеры фактически существовавших у хакасов.

Однако Переселенческое управление в 1913 г. предписало В.Ю. Григорьеву производить землеустройство хакасов по общему правилу. Результаты работ Н.Н. Козьмина и М.Н. Богданова не могли рассматриваться как нормы для землеустройства всех хакасов, и каждое отступление от норм нужно было считать исключительным [Там же, л. 55–55 об.].

В 1912–1913 гг. Минусинская поземельно-устроительная комиссия разрабатывала проекты поземельного устройства «инородцев». Большинство проектов было рассмотрено общим присутствием Енисейского губернского управления 17 мая 1914 г., еще несколько — 12 июня того же года. Затем они утверждались Иркутским генерал-губернатором и отправлялись в Переселенческое управление в марте — апреле 1915 г. В большинстве случаев землеустроителям удалось наделить хакасов землей сверх нормы. Утверждения проектов землеустройства в большинстве случаев проходили без изменений: Енисейское губернское правление и Иркутский генерал-губернатор поддерживали переселенческих чиновников в их стремлении увеличить наделы коренного населения. Местная администрация оказывалась между двух огней: с одной стороны — требования Петербурга о скорейшем землеустройстве коренных народов, с другой — необходимость провести реформу максимально безболезненно для населения во избежание волнений.

В Усть-Абаканской волости наибольший душевой надел получила надельная группа из улусов Кутень-Булук и др. — 67,98 дес. удобной земли на душу [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 87 об.]; наименьший — Синявинское и Бейское сельские общества: по 23,79 дес. на душу [Там же, л. 81 об.]. В среднем по волости надел составил 36,42 дес. на душу.

В Аскизской инородной волости только некоторые улусы получили наделы выше нормы, а многие, наоборот, значительно ниже 15 дес. на душу. Наименьший надел получил улус Верхний

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

Имек — 7,46 дес. [Там же, л. 167], а наибольший — Сырское сельское общество — 34,51 дес. [Там же, л. 93] В среднем по Аскизской волости душевой надел составил 15,78 дес. удобной земли. Сравнение итогов землеустройства с данными М.Н. Богданова о фактическом землепользовании показывает, что площади землепользования хакасов Минусинского уезда были значительно уменьшены — почти в полтора раза по обеим волостям (табл.).

Результаты землеустройства хакасского населения, дес.*

	Усть-Абаканская волость	Аскизская волость
Фактическое землепользование	53,5	22,1
Нормы землеустройства 1910 г.	61,3	31,3
По итогам землеустройства	36,42	15,78

* Составлено и подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 4 об.–5, 84 об., 114 об., 159 об., 98–98 об., 127, 132–132 об., 74, 104–104 об., 109 об., 138, 69, 67, 154 об., 149, 79, 90, 121, 143, 167; Козьмин, 1917, с. 23]

У исследователей нет однозначного мнения о площади земель, которые были изъяты из землепользования хакасов в ходе землеустройства. Называются следующие цифры: 670 тыс. дес. [Дамешек, 2007, с. 70], 600 тыс. дес. [Козьмин, 1917, с. 12]. Сами землеустроители «путались в показаниях». Так, В.Ю. Григорьев в письме Переселенческому управлению от 31 июля 1914 г. указывает, что в северной части Усть-Абаканской волости было изъято 60–70 тыс. дес. [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 167 об.]; в его же письме Иркутскому генерал-губернатору эта цифра «превращается» в 100 тыс. дес. [Там же, л. 187 об.]. Следует учитывать, что параллельно с землеустройством Управление государственных имуществ Енисейской губернии проводило лесоустройство, в ходе которого лесные площади также изымались из пользования хакасов, и эти площади также входят в число отрезков.

Подсчеты, произведенные по данным из упомянутого письма В.Ю. Григорьева в Переселенческое управление от 31 июля 1914 г., показали, что из землепользования хакасов Минусинского уезда было изъято не менее 260 тыс. дес. пахотной, сенокосной и пригодной для скотоводства земли. Лесные отрезки составили не менее 360 тыс. дес. Таким образом, в целом по Минусинскому уезду было изъято не менее 620 тыс. дес. (подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 167 об.–168]). Иркутский генерал-губернатор в письме в Переселенческое управление от 14 ноября 1914 г. указывал площадь изъятых земель по Минусинскому уезду в 670 тыс. дес. [Там же, л. 191]. Эти цифры можно назвать вполне сопоставимыми. Возможно, за прошедшие 3,5 мес. землеустроители изъяли дополнительно 50 тыс. дес.

По данным Н.Н. Козьмина, размер изъятий из землепользования хакасов в Ачинском уезде составил 74,5 тыс. дес. [1917, с. 12]. Соответственно всего у хакасов было изъято не менее 744,5 тыс. дес. земли.

Хакасы, естественно, были недовольны массовыми земельными изъятиями и пытались с ними бороться. В Минусинском округе коренные жители выбрали тактику борьбы в рамках существовавшего законодательства: они подали жалобы и пытались оспорить (безуспешно) каждое решение землеустроительных комиссий в отдельности. В Ачинском уезде сопротивление землеустроительным работам выразилось в так называемом Ачинском бунте в сентябре 1913 г. (подробнее об этом: [Хоменко, 2012]).

Далеко не всегда земли, изъятые из пользования хакасов, попадали в колонизационный фонд. Многие из этих земель были совсем непригодны для земледелия, поэтому землеустроители предпочитали формировать запасные участки, предназначенные для сдачи в аренду. Автор отчета о землеотводных работах в Енисейской губернии в 1915 г. указывал, что в так называемой Койбальской степи было образовано большое количество запасных участков, на которые имелся высокий спрос среди скотопромышленников. В этом документе отмечено, что «обращать их (запасные участки. — Д. Х.) в состав последнего (колонизационного фонда. — Д. Х.) было бы чрезвычайно нежелательно. Это в настоящее время будет единственный земельный резерв в распоряжении казны» [ГАКК, ф. 262, оп. 1, д. 117, л. 67–67 об.]. Таким образом, землеустроители абсолютно не стесняясь заявляли, что изъятые в ходе реформы земли пойдут не в пользу переселенцев, а для сдачи в аренду и извлечения прибыли государством. А в конечном итоге выгоду от такого землеустройства должны были получить «скотопромышленники», т.е.

представители крупного капитала российского происхождения. Один такой показательный случай имел место.

Товарищество «Владимир Алексеев» владело сетью мануфактурных текстильных фабрик в Центральной России, а также овцеводческими хозяйствами в Ставропольской губернии. В 1908 г. контракт на аренду земель в Северокавказском регионе заканчивался, и собственник (удельное ведомство) предупредил, что продлен он не будет. Поэтому товарищество было вынуждено искать новые земли.

Товарищество «Владимир Алексеев» обратилось в 1908 г. в Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ) с просьбой предоставить в аренду запасные участки Учумский и Каргалык в Ачинском и Минусинском уездах соответственно. Еще до рассмотрения этого вопроса в Совете министров главноуправляющий ГУЗиЗ распорядился удовлетворить прошение товарищества. Следует отметить, что данные участки изначально проектировались как переселенческие, однако главноуправляющий распорядился перевести их сначала в разряд запасных, а затем преобразовать в казенно-оброчные для сдачи в аренду. Однако кроме этих, сформированных, участков товарищество претендовало также на земли «при станице Алтайской». Несмотря на то что при станице не было никаких запасных участков, ГУЗиЗ поручило минусинской поземельно-устроительной партии сформировать такой участок. В связи с полученными распоряжениями заведующий землеустройством и переселением в Енисейской губернии В.Ю. Григорьев в предложении от 19 марта 1909 г. предлагал Н.Н. Козьмину «с целью образования запасного участка при “ст. Алтайской” приступить к поземельному устройству некоторых инородческих улусов Абаканского ведомства, за счет излишков землепользования коих мог бы быть образован названный участок, размером в 15–16 тыс. десятин» [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 10 об.]

Вскоре распоряжения ГУЗиЗ были подтверждены решением Совета министров, а 22 июня 1909 г. утверждены императором. 4 ноября 1909 г. состоялось заседание Временной комиссии по вопросу об образовании запасного участка «Овечьего». Выяснилось, что часть территории, намеченной товариществом «Владимир Алексеев», была еще в 1908 г. включена в состав переселенческого участка Солонозерского, который не был официально утвержден, что не мешало, однако, условно причислить к нему орловских переселенцев.

Обозначились и другие трудности при выделении земли товариществу: «инородцы», из пользования которых были изъяты земли для нужд товарищества, возражали против выделения в участок лесных борков по берегу Енисея и двух пресных ключей возле оз. Алтайского (Пресного). Кроме того, выяснилось, что само оз. Пресное отдано в аренду для добычи соли.

Все эти противоречия были разрешены комиссией в пользу товарищества: утвердили запасной участок Овечий в размере 15 143,5 дес. удобной земли (и 265,01 дес. неудобной), ходатайства «инородцев» отклонили, приняли решение для нужд орловских переселенцев отвести переселенческий участок по смежеству [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 25 об.]. Касательно пресных ключей близ оз. Алтайского приняли компромиссное решение: один ключ был передан товариществу, второй оставлен переселенцам. Впрочем, вопрос о водных источниках решался на протяжении 1910 г. Томское горное управление, которое ведало сдачей в аренду оз. Алтайского, признало возможным передать пресные источники в пользование товарищества «Владимир Алексеев», поскольку «арендатор озера ключами этими не пользуется» [Там же, л. 37 об.].

Как и водоустроительная реформа 1908 г. в низовьях Енисея, этот случай получил освещение в прессе. Так, в газете «Сибирская жизнь» в декабре 1909 г. была напечатана критическая статья некоего Ив. Горного, в которой он обвинял власти в сговоре с арендаторами, непроведении торгов и ущемлении прав переселенцев [Горный, 1909]. В январе следующего года было опубликовано опровержение Управления государственными имуществами Енисейской губернии.

Таким образом, государство поддержало крупный капитал в его стремлении организовать овцеводческое хозяйство в хакасских степях. Местные землеустроительные власти в лице В.Ю. Григорьева, который весьма щепетильно относился к экспроприациям земель у хакасов для нужд переселенцев, были вынуждены выполнять указания вышестоящих органов, ущемляя при этом интересы как коренного населения, так и потенциальных переселенцев. Однако государство, поддерживая крупный капитал, оставляло последнее слово за собой: земля в Сибири оставалась в собственности государства, и согласно заключенному контракту Управление государственных имуществ имело право его разорвать, в случае если товарищество не будет выполнять взятые на себя обязательства [Волков, Иванов, 1910].

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

Товарищество «Владимир Алексеев» смогло организовать достаточно успешное крупное капиталистическое хозяйство на предоставленных землях. Этот пример «вдохновил» некоторых местных государственных деятелей. Так, начальник Управления государственными имуществами по Енисейской губернии И.К. Окулич считал необходимым провести наделение хакасов землей на общих основаниях, чтобы таким образом принудить их к интенсификации своего хозяйства. Факт пригодности земель хакасов исключительно для скотоводства не смущал его, так как эти земли нужны были «для скотоводов из Европейской России». Пример деятельности товарищества «Владимир Алексеев» И.К. Окулич называет «блестящим» [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 59].

Вместе с тем проникновение крупного капитала на хакаские земли еще не носило в начале XX в. массового характера. С аналогичной просьбой (об отдаче в аренду на 99 лет запасного участка «Тептятка» близ г. Ачинска) обратился в ГУЗиЗ в 1910 г. генерал-майор К.М. Каменев. По его словам, он желал бы завести на этих землях коннозаводское хозяйство, аналогичное существовавшеему в его имении в Курской губернии. Енисейский губернатор Я.Д. Бологовский ответил на запрос отрицательно, так как данный участок еще в 1899 г. был отведен Советом министров в надел мещанам г. Ачинска. Однако через два года, после повторного обращения К.М. Каменева, губернатор изменил точку зрения и в своем представлении от 10 апреля 1912 г. на имя Иркутского генерал-губернатора указал, что находит возможным отдать в аренду под коннозаводское предприятие часть участка «Тептятки», а именно 350 дес. [РГИА, ф. 396, оп. 6, д. 36, л. 19 об.]. Решение губернатора было основано на мнении Управления государственными имуществами и заведующего переселением и землеустройством. Эти ведомства, неоднократно сталкивавшиеся (прежде всего по вопросам землеустройства и создания казенных лесных дач), проявили удивительное единодушие в данном вопросе. К сожалению, не имеется сведений, согласился ли К.М. Каменев на эти предложения. Значительно важнее тот факт, что государство вновь оказалось на стороне частного капитала: чиновники даже изменяют собственное мнение и готовы ущемить интересы горожан в пользу капиталистов.

Можно утверждать, что отдача в аренду товариществу «Владимир Алексеев» земель для нужд овцеводческого хозяйства не носила этнодискриминационного характера. Земли были изъяты у хакасов не потому, что они хакасы, а как наиболее пригодные для овцеводческого хозяйства, о чем заявляли представители товарищества [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 8]. Были ущемлены интересы и русского населения: переселенцев и арендатора оз. Алтайского. Как можно видеть из аналогичного примера, при обеспечении интересов крупного капитала государство не считалось с интересами местного населения вне зависимости от его национальной принадлежности и сословного статуса.

Подводя итоги земле- и водоустройства в Енисейской губернии, следует заметить, что на юге губернии в результате экспроприации земель под нужды крупного капитала было создано образцовое капиталистическое хозяйство. Государство в этом смысле достигло поставленных целей. Попытка же создать рыболовное капиталистическое хозяйство потерпела фиаско: водоустройство открыло путь в низовья Енисея ростовщическому капиталу, права местных жителей (включая коренное население) были ущемлены, а компенсация оказалась незначительной.

Несмотря на то что непосредственные причины земле- и водоустройства были различны (выделение земель для нужд переселенцев из Европейской России и обеспечение правовых основ рыболовного промысла), сущность этих процессов была единой: государство устанавливало право своей собственности на земельные и водные угодья. Кроме того, в обоих случаях создавалась правовая основа для проникновения в Сибирь крупного капитала. Сами по себе мероприятия по водо- и землеустройству не были этнодискриминационными по отношению к коренным народам Сибири, поскольку в ходе реформ ущемлялись права и русского старожильского населения. Государство активно способствовало проникновению крупного капитала в Сибирь, не только обеспечивая правовую основу, но и производя необходимую экспроприацию природных ресурсов у сибирского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Дело о поземельном устройстве инородцев Минусинского уезда // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923.

Документы о сдаче в аренду земельного участка «Овечьего» Бейской волости торгово-промышленному участку «Владимир Алексеев» для развития скотоводства. 1909 г. // АГМ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 240.

Д.Ю. Хоменко

О сдаче частным лицам в аренду казенных земельных участков под сельско-хозяйственные предприятия в Енисейской губ. 1912 г. // РГИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 36.

Отчет о работе землеотводного отдела за 1915 год // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 117.

Литература

Ващенко П.Т. Социально-экономический уклад населения Таймыра во второй половине XIX — начале XX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 185–197.

Вдовин А.С. Общественный резонанс одной научной экспедиции // Енисейская провинция: Альманах. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. Вып. 1. С. 91–99.

Волков В., Иванов С. Письмо в редакцию от управления Государственными имуществами Енисейской губ. в Красноярске // Сиб. жизнь. 1910. № 11. С. 3–4.

Востротин С.В. Туруханская рыбопромышленность и инородцы. СПб: Тип. Альтшулера, 1910. 62 с.

Горный И. Переселение баранов из Кавказских степей в Минусинские // Сиб. жизнь. 1909. № 282. С. 3.

Григорьев В.Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1906. 133 с.

Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — нач. XX в.) Сер. Азиатская Россия. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 320 с.

Исаченко В., Лавров С. Предварительный отчет по исследованиям 1908 года (низовья р. Енисея и Енисейский залив) // Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1908. Вып. 1. 64 с.

Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск: Тип. тов-ва кооперативов Енисейской губ., 1917. 24 с.

Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1865. Т. 2. 188 с.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909а. № 20. С. 23.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909б. № 21. С. 39–41.

Окулич И.К., Исаченко В.Л. Инородцы низовьев реки Енисея и рыбный промысел // Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1909. Вып. 2. 31 с.

Хоменко Д.Ю. Землеустроительная реформа у хакасов Енисейской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов II Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 155–162.

Шекшеев А.П. С.И. Четвериков и сибирские овцеводческие экономики // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. С. 116–126.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.

Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв. в современной историографии (1991–2004 гг) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества: (История и современность). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. Вып. 3. С. 30–48.

Шлихтер А.Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Ч. 2. // Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Ен. губ. эл.-тип., 1916. Вып. 8. 99 с.

D.Yu. Khomenko

Krasnoyarsk Medical Vocational School
Instrumentalnaya st., 12, Krasnoyarsk, 660123, Russian Federation
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

LAND AND WATER ARRANGEMENT AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES IN YENISEI REGION IN THE EARLY XX CENTURY

This paper examines the process of land arrangement among the Khakas and water arrangement in the lower reaches of the Yenisei River in the early XX century, which affected the Kets, Dolgans, Selkups, Nenets, Enets and Evenks. The author considers water arrangement and land arrangement as parts of a single process. Land arrangement and water arrangement had different immediate causes, but they were of the same essence: the government secured its rights for natural resources: lands in the south of Yenisei region and fishing areas in the north of the region. During the land arrangement resettlement, the officials withdrew the land from the use of the Khakas people. The author argues that the withdrawn land was more than 744 500 dessiatins (more than 800 000 hectares). But it wasn't ethnicity-based discrimination, because the land was taken away from the Russian people too. On the contrary, the officials responsible for relocation tried to give the Khakas people land above the limit. Fishing areas in the north of Yenisei region were withdrawn from the use of the indigenous peoples and the Russian people. It had been planned to lease fishing areas. So, there was no ethnicity-based discrimination in the north of Yenisei region. The author also argues that the goal of land and water arrangement was to create legal conditions so that big business could enter Siberia. For example, a large capitalist sheep farm «Vladimir Alekseev» was created in the south of Yenisei region. It was built on the lands that had been taken away from the Khakas people.

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

It had been planned to lease fishing areas to big business in order to organize high-yield fisheries in the north of Yenisei region. «Enisejskaya kompaniya parohodstva» (Yenisei steam navigation company) received a lease. But that enterprise didn't organize high-yield fisheries. It subleased the fishing areas to the local population. The goal wasn't reached. Thus, we can conclude that government's activity in the south of Yenisei region was successful, and in the north it was a failure.

Key words: land arrangement, water arrangement, Yenisei governorate, the Khakass, Northern Yenisei region, fishing industry, capitalist economy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-118-125

REFERENCES

- Gornyj I., 1909. Pereselenie baranov iz Kavkazskih stepej v Minusinskie [Moving sheep from the Caucasian steppes to Minusinsk steppes], *Sibirskaya zhizn'*, no. 282, p. 3.
- Grigor'ev V.Yu., 1906. *K voprosu o pozemel'nom ustrojstve inorodcev Minusinskogo kraja* [About land arrangement among the indigenous peoples in Minusinsk region], St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 133 p.
- Dameshek L.M., 2007. *Sibirskie «inorodcy» v imperskoj strategii vlasti (XVIII — nach. XX v.)* [Siberian indigenous peoples in imperial power strategies (XVIII — beg. of the XX century)], Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 320 p.
- Isachenko V., Lavrov S., 1908. Predvaritel'nyj otchyot po issledovaniyam 1908 goda (nizov'ya r. Eniseya i Enisejskij zaliv) [A preliminary report of 1908 (the lower reaches of the Enisey River and the Yenisei Bay)]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii* vol. 1., Krasnoyarsk: Tip. M.I. Abalakova, 64 p.
- Koz'min N.N., 1917. *Zemel'nyj vopros v Enisejskoj gubernii* [The land question in Yenisei region], Krasnoyarsk: Tip. tovarishchestva kooperativov Enisejskoj gub., 24 p.
- Krivoshapkin M.F., 1865. *Enisejskij okrug i ego zhizn'* [The Yenisei district and its life], vol. 2, St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova, 188 p.
- Okulich I.K., Isachenko V.L., 1909. Inorodcy nizov'ya reki Eniseya i rybnyj promysel [Indigenous peoples in the lower reaches of the Yenisei River and fishing]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii*, vol. 2, Krasnoyarsk: Tip. M.I. Abalakova, 31 p.
- Khomenko D.Yu., 2012. Zemleustroitel'naya reforma u hakasov Enisejskoj gubernii v nachale XX v. [Khakas land reform in Yenisei region in the early XX century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: Vzgljad molodyh uchyonyh*, Novosibirsk: Parallel', pp. 155–162.
- Sheksheev A.P., 1998. S.I. Chetverikov i sibirskie ovcevodcheskie ehkonomii [S.I. Chetverikov and Siberian sheep farm]. *Rossiya i Hakasiya: 290 let sovместnogo razvitiya*, Abakan: Izd-vo HGU im. N.F. Katanova, pp. 116–126.
- Sherstova L.I., 2005. *Tyurki i russkie v Yuzhnoj Sibiri: Ehtnopoliticheskie processy i ehtnokul'turnaya dinamika XVII — nachala XX v.* [Turks and Russians in southern Siberia: Ethno-political processes and cultural dynamics of the XVII — beginning of the XX century], Novosibirsk: IAET SO RAN, 311 p.
- Shilovskij M.V., 2005. Ehtnosocial'nye processy v Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. v sovremennoj istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethnosocial processes in Siberia in the XIX–XX centuries in modern historiography (1991–2004)]. *Tradicii ehkonomicheskikh, kul'turnyh i obshchestvennyh svyazej stran Sodruzhestva: (Istoriya i sovremenost')*: *Mezhvuz. sb. nauch. tr.*, vol. 3, Omsk: Izd-vo OmGPU, pp. 30–48.
- Shlihter A.G., 1916. Ehkonomicheskoe polozhenie krest'yan Turuhanskogo kraja. Ch. 2 [Economic situation of the farmers in Turukhansk region. Part 2]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii*, vol. 8, Krasnoyarsk: En. gub. ehl.-tip., 99 p.
- Vashchenko P.T., 1979. Social'no-ehkonomicheskij uklad naseleniya Tajmyra vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. [Socio-economic structure of the population of Taimyr in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Istoriya, arheologiya i ehtnografiya Sibiri*, Tomsk, pp. 185–197.
- Vdovin A.S., 2004. Obshchestvennyj rezonans odnoj nauchnoj ehkspedicii [Public response to one scientific expedition]. *Enisejskaya provinciya*, vol. 1, Krasnoyarsk, pp. 91–99.
- Volkov V., Ivanov S., 1910. Pis'mo v redakciyu ot upravleniya Gosudarstvennymi imushchestvami Enisejskoj gub. v Krasnoyarske [A letter to the editorial board from the Department of state assets of Yenisei region in Krasnoyarsk]. *Sibirskaya zhizn'*, no. 11, pp. 3–4.
- Vostrotin S.V., 1910. *Turuhanskaya rybopromyshlennost' i inorodcy* [Turukhansk fishermen and indigenous peoples], St. Petersburg: Tip. Al'tshulera, 62 p.

Е.А. Волжанина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003
Email: nyabako@mail.ru

ЧТО ГОВОРЯТ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ О НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ДЛЯ НЕНЦЕВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)¹

Опираясь на опубликованные и неопубликованные данные всеобщих переписей населения, подводим итоги изменения языковой ситуации у ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX и в первом десятилетии XXI в. Данная работа, основанная на статистических фактах, позволяет увидеть и проанализировать ситуацию в округе в целом. Как показывает историографический обзор, до сих пор подробного анализа языковой ситуации у ненцев с применением массовых статистических данных не проводилось. Анализируется владение ненцев языками по данным всесоюзных и всероссийских переписей, распределение ненцев по возрастным группам, родному и второму языкам среди городского и сельского населения, в том числе акцент сделан на различиях в этих аспектах между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: *ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Всероссийская перепись населения, Всесоюзная перепись населения, языковая ситуация, распределение населения по полу, возрасту и языку.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-126-137

Ненецкий язык называют наиболее благополучным среди языков народов Севера в конце XX — начале XXI в., отмечая при этом, что степень его жизнеспособности различается у разных локальных групп и зависит от многих факторов: характера проживания на той или иной территории, близкого или удаленного расположения населенных пунктов, уровня сохранения традиционного образа жизни и культурно-языковых контактов с представителями других национальностей [Аксянова, 2001, с. 11; Вахтин, 2001, с. 60, 162; Буркова, 2010, с. 184]. Оценивая результаты современных социолингвистических исследований, ряд исследователей говорят о прогрессирующей ассимиляции ненцев под влиянием русской культуры, что выражается в утрате функциональной роли ненецкого языка как отличительного признака ненецкого этноса, поскольку он вытесняется не только из производственной сферы, но и из бытового общения [Хайруллина, 2005, с. 160], и акцентируют внимание на сохранении родного языка прежде всего у людей, занятых в традиционном хозяйственном секторе — оленеводстве [Кривоногов, 1997, с. 158–159; Хайруллина, 2005, с. 162; Мамонтова, 2013, с. 70]. Вместе с тем социологический опрос, проведенный в среде поселковых жителей, показывает жизнеспособность родного языка у ненцев вне связи с традиционными занятиями, свидетельствуя об определенных ресурсах «автономного существования и сохранения родного языка» [Попков, Тюгашев, 2007, с. 108], о высоком уровне этнического самосознания и осознания ценности родного языка.

Замедление процесса языковой ассимиляции среди оседлых ненцев объясняется постоянным притоком новых выходцев из тундры [Кривоногов, 1997, с. 159], переходящих в силу различных объективных и субъективных обстоятельств на оседлость, а также интенсивным взаимодействием кочевой и поселковой групп друг с другом благодаря родственным, дружеским, соседским и хозяйственным связям. Результаты этнографических исследований показывают, что не существует четкой границы между кочевниками и жителями поселка, обе группы являются взаимоперетекаемыми несмотря на отличные культурные правила и нормы [Lyarskaia, 2008]. Выбор оседлого образа жизни не всегда рассматривается самими ненцами как окончательный, а кочевание не исключает временного оседания на одном месте. Таким образом, до тех пока будет сохраняться этот источник, ненцам не угрожает утрата родного языка, хотя сфера его употребления в рамках поселка ограничивается устным дружеским и внутрисемейным общени-

¹ Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2010 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Что говорят переписи населения о ненецком языке...

ем и традиционной религиозной практикой, связанной с обрядами жизненного цикла, и в меньшей степени касается традиционных промыслов и оленеводства.

Принимая во внимание, что языковая ситуация является результатом языковой политики государства и региона, мы, тем не менее, не ставим целью статьи анализ государственных мероприятий в этой сфере и дискуссий по данному вопросу в научных кругах. В настоящей работе мы хотим, опираясь на опубликованные и неопубликованные данные всеобщих переписей населения, подвести итоги изменения языковой ситуации у ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX и первом десятилетии XXI в. На наш взгляд, работа, основанная на статистических фактах, позволит увидеть и проанализировать ситуацию в регионе в целом, что даст возможность выработать адекватные меры для поддержки ненецкого языка и расширения сфер его применения в будущем. Как показывает историографический обзор, до сих пор подробного анализа языковой ситуации у ненцев с применением массовых статистических данных не проводилось [Аксянова и др., 2003; Буркова, 2010; Вахтин, 2001].

В силу различного подхода всеобщих переписей населения к фиксации данных о языке, достаточно сложно показать динамику языковой ситуации среди ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа. Традиция всесоюзных переписей населения записывать сведения о родном и иных языках, которыми владеет респондент, была прервана Всероссийской переписью 2002 г., когда акцент был сделан на владении русским и другими языками. В опросный лист Всероссийской переписи 2010 г. включили все три вопроса: «Владеете ли вы русским языком? Какими иными языками вы владеете? Ваш родной язык?».

Несмотря на относительно благоприятную языковую ситуацию среди ненцев по сравнению с остальными коренными народами, от переписи к переписи наблюдаем рост доли людей, владеющих русским языком в ущерб родному. Темпы изменений значительно ускорились в конце XX и первом десятилетии XXI в. Сравнительный анализ материалов переписей по уровню владения языками за 1979–2010 гг. показывает, что существенное изменение языковой ситуации среди ненцев произошло за последние 10 лет, а именно только за период с 2002 по 2010 г. доля людей, владеющих ненецким языком, уменьшилась с 85,5 до 55,1 %, тогда как доля лиц, владеющих русским, в их составе выросла до 88,8 % (табл. 1). При этом среди городских ненцев ситуация выглядит еще более удручающей. Здесь с 2002 по 2010 г. доля ненцев, владеющих ненецким языком, сократилась с 63,7 до 27,9 %, т.е. более чем в два раза. В сельской местности изменения происходят менее быстрыми темпами, тем не менее наблюдаются те же тенденции.

Таблица 1

Владение языками ненцами Ямало-Ненецкого автономного округа по данным всесоюзных и всероссийских переписей*

Год переписи	Население	Владеют языком		
		своей национальности	русским	другими
1979**	Городское и сельское	95,8	70,8	1,5
	Городское	79,9	89,1	1,5
	Сельское	97,2	69,1	1,5
1989**	Городское и сельское	95,3	72,2	1,3
	Городское	86,6	86,1	0,1
	Сельское	96,2	70,7	1,4
2002	Городское и сельское	85,5	84,8	3,0
	Городское	63,7	96,4	5,9
	Сельское	89,0	83,0	2,5
2010	Городское и сельское	55,1	88,8	3,2
	Городское	27,9	98,4	7,4
	Сельское	60,7	86,8	2,3

Примечание. Источники: 1979 г. — ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 178. Л. 152–213; 1989 г. — ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 228. Л. 8, 37, 67; 2002 г. — <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; 2010 г. — Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

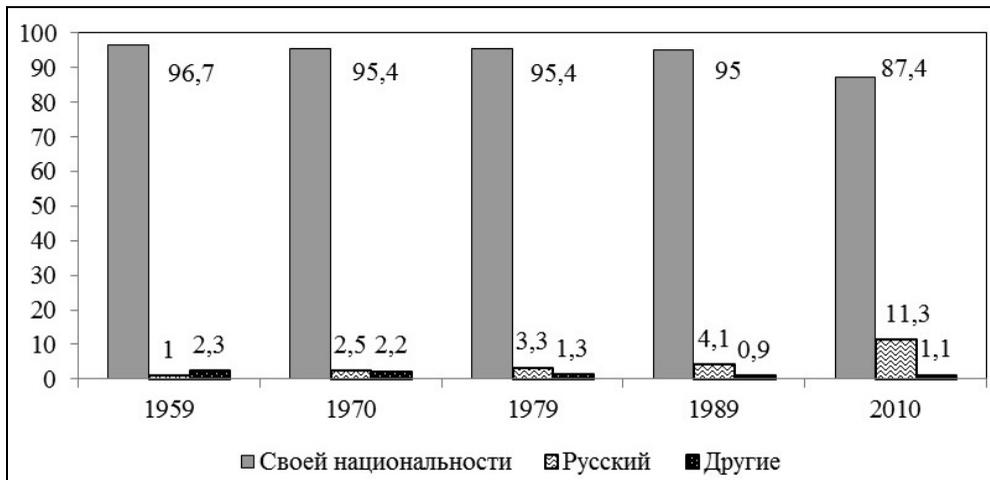
*Данные включают сведения о языках, на которых говорят ненцы Ямало-Ненецкого автономного округа. Большинство из них может говорить на более чем одном языке.

** Расчеты выполнены на основе суммированных данных о родном и втором языках.

Русский является государственным языком, и хорошее его знание служит залогом получения высшего образования и широкого выбора профессиональной деятельности. Он входит в

число обязательных предметов для сдачи единого государственного экзамена, поэтому, стремясь к поступлению в высшие учебные заведения, некоторые ненецкие дети целенаправленно изучают русский язык. Согласно Закону об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе обучение и воспитание детей ведется на русском языке [2013]. Для учащихся, получающих начальное общее, основное общее или среднее (полное) общее образование и слабо владеющих (или не владеющих) русским языком, создаются специальные классы или группы для изучения русского языка или организуется индивидуальное обучение русскому языку [Там же]. Родной язык изучается с 1-го по 9-й класс в местах компактного проживания ненцев в Ямальском, Тазовском, Надымском и Пуровском районах. При этом разработанные на основе большеземельского говора ненецкого языка учебные пособия по признанию самих ненцев (как родителей, так и детей-школьников) являются малопонятными. В настоящее время доля владеющих ненецким языком в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 3,4 % от общей численности населения округа². Стало уже традиционным считать возрастание значения русского языка и снижение удельного веса людей, свободно владеющих языком своей национальности, неизбежным процессом, объясняя исторической необходимостью освоение опыта других народов небольшими общностями, «поскольку свой язык не в состоянии обеспечить потребности, возникающие в процессе освоения широкого общечеловеческого опыта» [Бойко, 1987, с. 45].

На протяжении прошлого столетия доля ненцев, считающих родным языком ненецкий, составляла 96–95 % (рис. 1). Только с 1989 по 2010 г. их количество сократилось с 95 до 87,4 %. При этом практически в три раза увеличилась доля людей с родным языком русским, а именно — с 4,1 % в 1989 г. до 11,3 % в 2010 г. В городе русский язык в качестве родного признан 32,4 % от общей численности городских ненцев, в сельской местности — 6,9 %. Отмечается следующая особенность. В городе мужчин, считающих русский язык родным, больше, чем женщин. В сельской местности, наоборот, женщин с родным языком русским больше (табл. 2). С родным ненецким языком мужчин в сельской местности больше, чем женщин, а в городе наблюдается обратная ситуация — женщин больше. Сравнение сведений о распределении ненцев по родному языку и владению языками в целом дает возможность полагать, что респондент, отвечая на вопрос о родном языке, не всегда имеет в виду знание и владение им и постоянное использование на практике. На это наталкивает сама официальная формулировка вопроса о родном языке в 2010 г. — «Ваш родной язык?», в отличие от остальных двух вопросов, нацеленных на выявление языков, которыми владеет население.

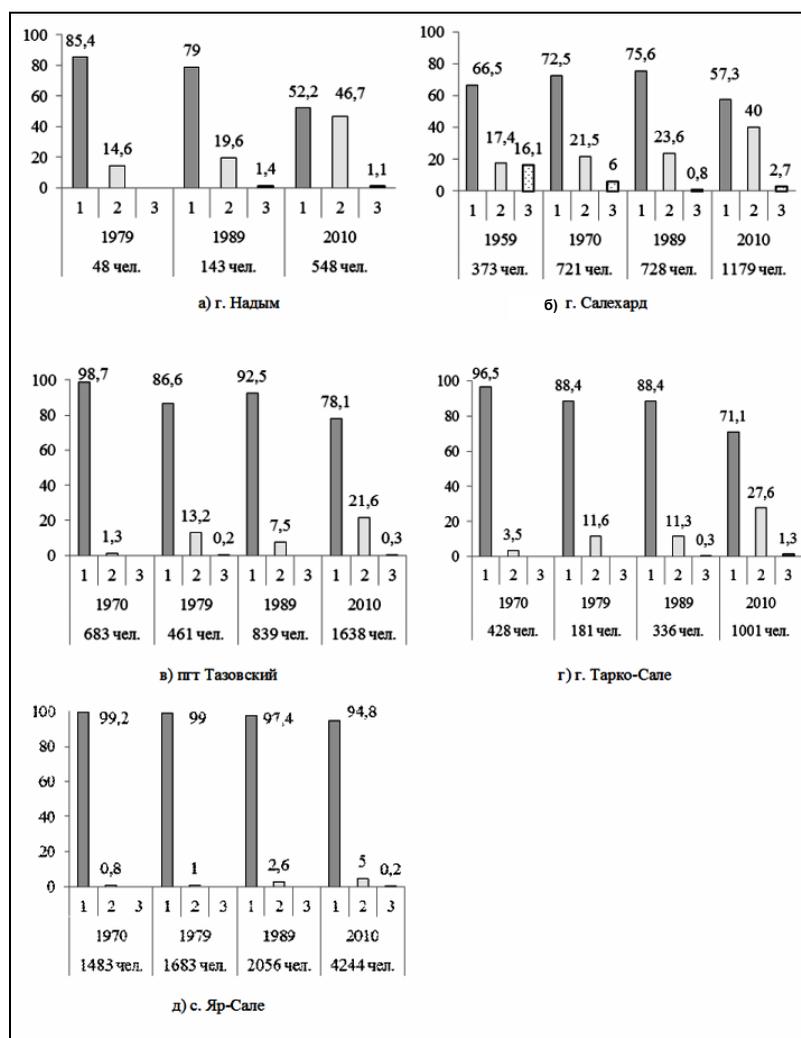
Рис. 1. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по родному языку по данным всеобшественных и всероссийских переписей населения, % от общей численности ненцев. Источники: 1959 г. — ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9. Л. 127–151; 1970 г. — Там же. Д. 69. Л. 1–137; 1979 г. — Там же. Д. 178. Л. 152–213; 1989 г. — Там же. Д. 228. Л. 8, 37, 67; 2010 г. — Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

² Для русского языка этот показатель равен 96,8 % (рассчитано по неопубликованным данным Всероссийской переписи 2010 г., полученным в Территориальном органе Федеральной статистики по Тюменской области).

Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по родному языку по данным Всероссийской переписи 2010 г.

Население	Всего, чел.	С родным языком				
		своей национальности	русским	коми	хантыйским	другим
Городское и сельское, оба пола	29772	87,4	11,3	0,4	0,2	0,5
Мужчины	13945	88,3	10,5	0,3	0,2	0,5
Женщины	15827	86,6	12,0	0,5	0,2	0,4
Городское, оба пола	5109	66,0	32,4	0,5	0,0	0,7
Мужчины	2048	64,2	34,3	0,3	—	0,9
Женщины	3061	67,1	31,2	0,6	0,1	0,7
Сельское, оба пола	24663	91,8	6,9	0,4	0,3	0,4
Мужчины	11897	92,4	6,4	0,3	0,3	0,4
Женщины	12766	91,3	7,4	0,4	0,3	0,4

Примечание. Источник: Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

Рис. 2. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным Всероссийской переписи 2010 г. по родному языку. Население городов и районных центров: 1 — родной язык ненецкий; 2 — родной язык русский; 3 — родной язык другие языки. Здесь и на рис. 3 рассчитано по неопубликованным данным Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

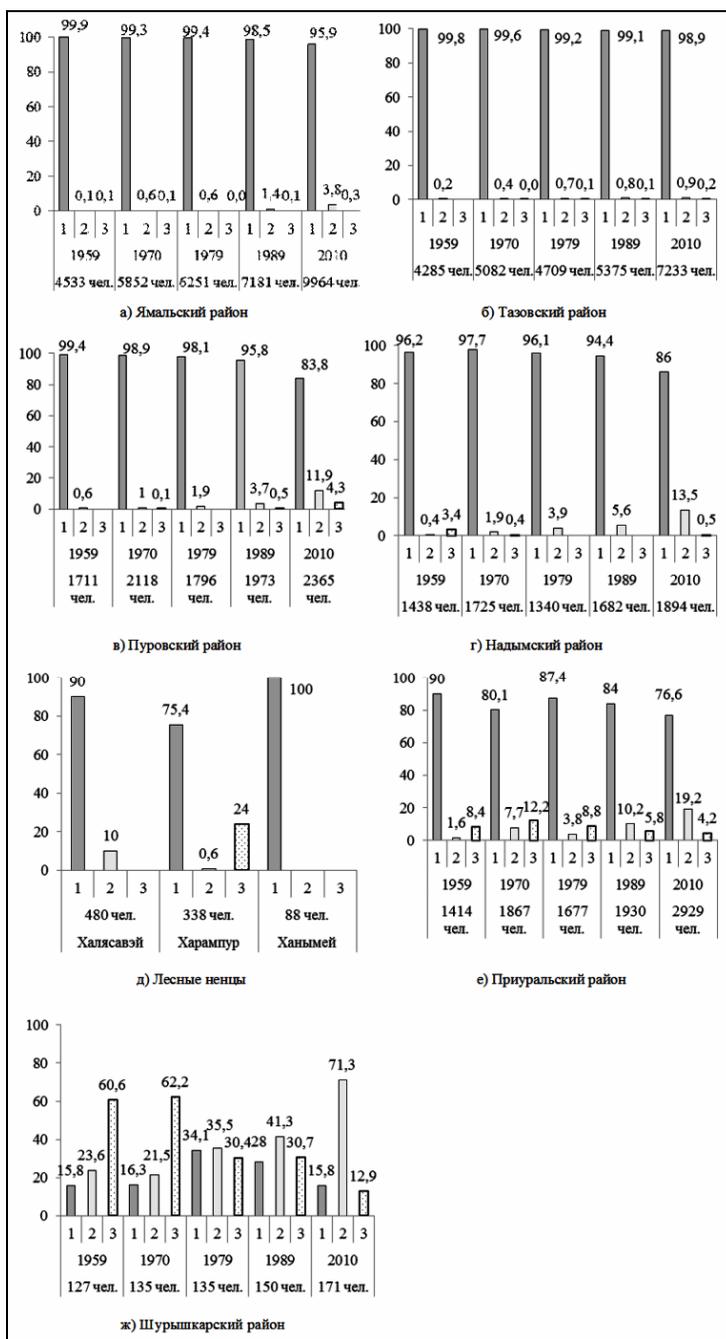
Привлечение данных всесоюзных переписей за 1959, 1970, 1979, 1989 и 2010 г. для анализа языковой ситуации в городах и районах округа показало, что тенденция «русификации» ненцев является повсеместной. Наиболее ярко она выражена в городах, районных центрах и на этноконтактных территориях. Среди городского населения «самые» русскоязычные ненцы проживают в г. Надыме, где 46,7 % ненцев с родным русским языком (рис. 2, а). Во время работы экспедиции на Ямале приходилось слышать от ямальских ненцев, что «надымские ненцы все уже говорят на русском языке» (ПМА. Ямальский р-н, 2013). Второе место по доле русскоязычных ненцев занимает г. Салехард, где проживает самая многочисленная группа городских ненцев. Из 1179 ненцев, проживающих в Салехарде, 40 % считают родным языком русский (рис. 2, б). В пгт Тазовском доля лиц с родным ненецким языком сократилась за 21 год (1989–2010) с 92,5 до 78,1 %, при этом доля лиц с родным русским языком выросла почти в три раза, т.е. с 7,5 до 21,6 % (рис. 2, в). В пгт Тарко-Сале (ныне г. Тарко-Сале), районном центре Пуровского района, доля ненцев с родным языком уменьшилась с 1989 по 2010 г. с 88,4 до 71,1 %, а с русским — выросла с 11,3 до 27,6 % (рис. 2, г). Самая благополучная ситуация с родным языком отмечается для с. Яр-Сале, районного центра Ямальского района, где у 94,8 % ненцев родной язык — ненецкий и только у 5 % — русский (рис. 2, д).

Что касается сельской местности, то в конце 1980-х гг. доля ненцев с родным языком ненецким мало различалась между районами, насчитывая более 90 % в общей численности населения; исключение представлял только Приуральский район в силу многонационального состава его населения. В 2010 г. ситуация изменилась, по-прежнему более 90 % ненцев, считающих ненецкий язык родным, проживают в Тазовском и Ямальском районах (рис. 3, а, б). В Пуровском и Надымском районах, где ведется интенсивное промышленное освоение, они насчитывают более 80 % (рис. 3, в, г). Удивителен факт, что 90 % и более пуровских лесных ненцев сохраняют родной язык (данные представлены по населенным пунктам с. Халясавэй, д. Харампур и п. Ханымей) (рис. 3, д). Он может объясняться удаленностью их проживания от нефтегазовых месторождений и дорог длительное время [Волжанина, 2010]. В сельской местности «самые» русскоязычные ненцы проживают в Приуральском и Шурышкарском районах, на территории которых проходит южная граница расселения ненцев. В Приуральском районе доля ненцев с родным ненецким языком сократилась с 1989 по 2010 г. с 84 до 76,6 % (рис. 3, е). В Шурышкарском районе из 171 ненца 71,3 % считают русский язык родным (рис. 3, ж).

Соотношение этнографических материалов, собранных в 1960–1970-е гг., главным образом В.И. Васильевым в районах проживания ненцев, с данными переписей по языку показывает, что в районах с давней традицией этнического взаимодействия ненцев с другими народами процент людей, считающих родным иной язык (коми, хантыйский, селькупский и др.), кроме ненецкого, выше. К таким районам относятся Шурышкарский, Приуральский, Надымский. В 60–80-х гг. XX в. языковые процессы среди ненцев, проживающих в этноконтактных зонах с коми, характеризовались комизацией при сохранении ими этнического самосознания, а в районах чересполосного расселения с хантами отмечались распространение двуязычия и размытость представления о самоопределении [Васильев, 1985, с. 77, 80]. В Надымском и Приуральском районах, где совместно проживают представители сибирских и европейских ненцев, последние являются потомками выходцев с европейского севера и считают родным языком коми [Там же, с. 78]. В Надымском и северной части Приуральского района ненцы поглотили хантов, которые вошли в их состав в качестве ненецких родов хантыйского происхождения (Неркагы, Пандо, Тибичи, Нядонги, Лар) [Волжанина, 2010]. Языковая ассимиляция селькупов лесными ненцами происходит в результате интенсивных брачных контактов этих народов друг с другом в бассейне рек Айвоседо-пур и Еркал-надэй-пур в Пуровском районе [Васильев, 1985, с. 84; Волжанина, 2007]. В начале 1970-х гг. знание ненецкого языка фиксировалось у нижнетазовских селькупов, однако уже к концу XX в. большинство из них утратили собственное самосознание и считали себя ненцами [Васильев, 1985, с. 84; Квашнин, 2002, с. 230–232].

Ассимиляционные потери ненцев складываются прежде всего за счет русификации и смешанных браков с русскоязычным населением. Данные Всероссийской переписи 2010 г. показывают, что менее 1 % ненцев владеют языками коми, хантыйским и селькупским, тогда как 4 % хантов и селькупов указали владение ненецким языком (табл. 2). Среди современных коми перепись зафиксировала владение ненецким языком в очень низкой степени. Кроме родного языка, в результате смешанных браков, по данным 2010 г., ненцы умели говорить, читать и писать или только разговаривать на более чем 20 языках славянской, романской, германской, балтийской, иранской, тюркской, самодийской, финно-угорской групп. Следствием получения образования является умение объясняться на английском (0,9 %) и немецком (0,3 %).

Что говорят переписи населения о ненецком языке...

Рис. 3. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным Всероссийской переписи 2010 г. по родному языку. Население сельской местности: 1 — родной язык ненецкий; 2 — родной язык русский; 3 — родной язык другие языки.

Таблица 3

Владение языками у ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным всероссийских переписей, абсолютные данные

Год переписи	Русский	Украинский	Английский	Ненецкий	Татарский	Немецкий	Хантыйский	Коми	Селькупский	Другие языки	Не указали владение языками
2002	22 424	14	84	22 601	14	109	250	277	12	95	593
2010	26 425	11	267	16 390	3	104	225	266	5	30	1288

Примечание. Источники: 2002 г. — <http://www.perepis2002.ru>; 2010 г. — <http://www.perepis-2010.ru>.

По результатам распределения ненцев по полу, возрасту и языку, полученным по данным Всесоюзной переписи 1989 г., видим постепенное повышение доли людей с родным языком русским начиная с поколения, родившегося в середине XX в. (рис. 4). В возрастной группе до 6 лет она уже насчитывала 7,9 %, а более 79 % из них не владели вторым языком. В 2002 г. это поколение представляет возрастную группу 15–19-летних, для 79,9 % которых русский язык уже стал вторым языком, а еще 1,1 % считают вторым языком ненецкий (рис. 5, 6). Статистические данные убедительно показывают сокращение от поколения к поколению доли людей, владеющих только одним родным языком (рис. 5). Если 20 лет назад это были преимущественно дети до 6 лет, не охваченные начальным образованием, и мужчины и женщины старше 50 лет, то в начале XXI в. нижняя граница опустилась до возрастной группы 60 лет и старше. К моменту завершения обучения в средней школе 90 % школьников свободно владеют русским языком. Этнографическая полевая работа показывает, что молодое поколение владеет ограниченным словарным запасом на родном языке и часто не понимает старшее поколение в разговорах не на семейно-бытовые темы [ПМА]. Встречаются случаи замены ненецких слов на русские в общении, если они ассоциируются с русскими словами негативного характера.

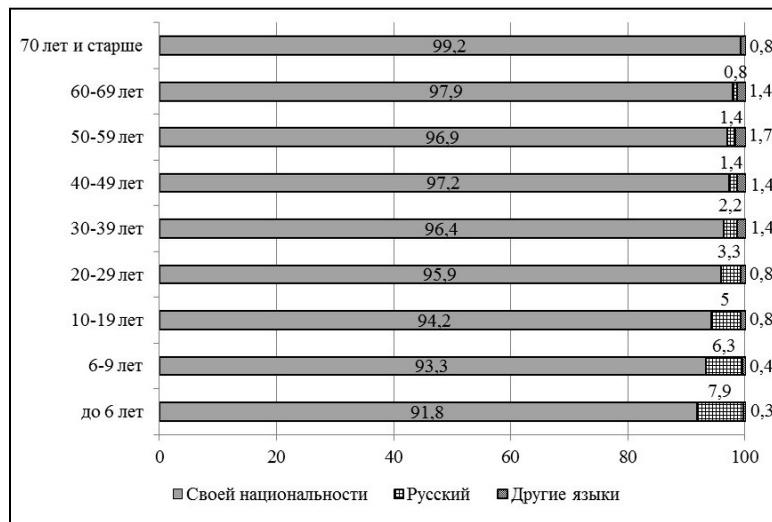

Рис. 4. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по возрасту и родному языку по данным Всесоюзной переписи 1989 г. (городское и сельское население).
Источник для рис. 4, 5: ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 228. Л. 8.

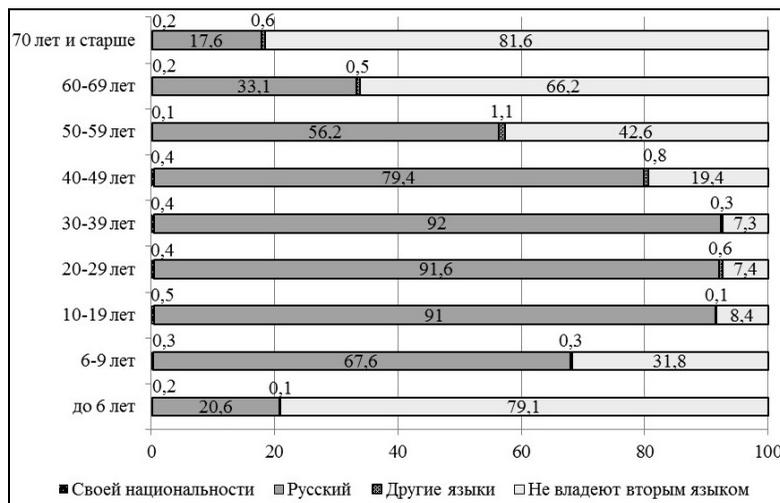
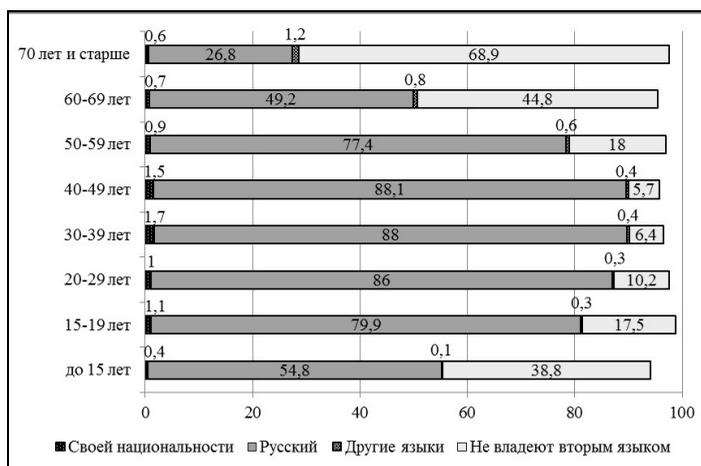

Рис. 5. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по возрасту и второму языку по данным Всесоюзной переписи 1989 г. (городское и сельское население).

Что говорят переписи населения о ненецком языке...

Рис. 6. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по возрасту и второму языку по данным Всероссийской переписи 2002 г.

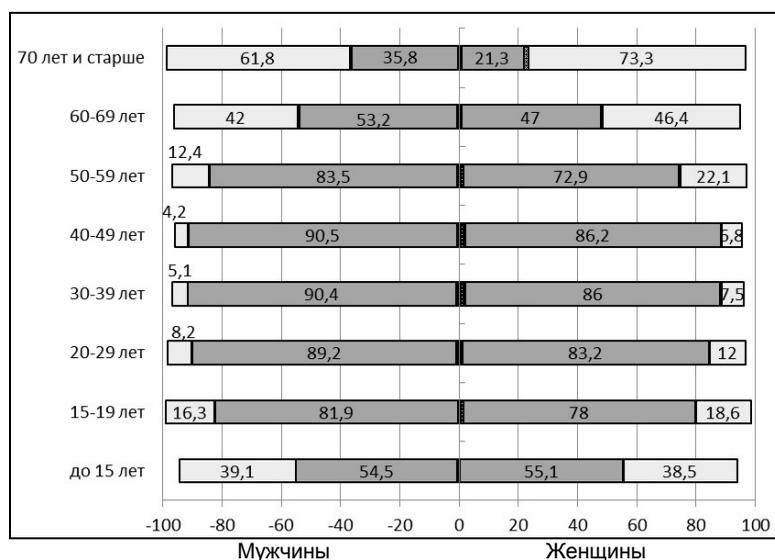
Источник: Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

В настоящее время только 7,2 % ненцев владеют одним языком³. Традиционно в эту группу входят дети и старики. Но от переписи к переписи она сокращается, в том числе в результате естественного движения населения. Сегодня ненецкие дети дошкольного возраста знакомятся с русским языком уже в тундре (а не как раньше, только в подготовительном классе школы-интерната), просматривая мультфильмы, кино, знакомясь с детской литературой с помощью родителей. Родители покупают (или передают родственники из поселка) им детские книжки на русском языке, «русскоговорящие» игрушки. Работая в чумах среди ненцев, мы ни разу не видели литературу на ненецком языке для детей. В экспедиции мы сталкивались со случаями незнания ненецкого языка среди детей поселкового ненецкого населения, общающегося только на русском, тогда как в тундре практически все ненцы в зависимости от ситуации легко переходят к объяснению с родного языка на русский. Дети в межнациональных семьях изначально являются билингвами, хотя уже не владеют языком в полном объеме, а некоторые владеют только на уровне понимания.

Результаты социологических исследований во многом подтверждают данные всеобщих переписей населения о высоком уровне знания ненцами родного языка. По данным Н.Г. Хайруллиной, проводившей опрос в Ямальском районе и охватившей анкетированием преимущественно людей, занятых в традиционном секторе экономике (42,2 %), а также в сферах обслуживания, культуры, образования, здравоохранения, органах власти, на транспорте и безработных, «90 % ненцев знают язык своей национальности хорошо и только 7 % не знают его совсем» [2005, с. 162]. При этом 70 % опрошенных свободно владели родным языком, могли писать и разговаривать, 24 % разговаривали и могли читать, 4 % только разговаривали [Там же]. Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, обобщая свои материалы, вывели формулу, описывающую «формат современного состояния традиционной культуры поселкового самодийского населения», как «кухня-язык-запреты» [2007, с. 110], так как при оценке респондентами степени распространения практики следования в повседневной жизни национальным традициям высокий балл получили позиции «питание по традициям национальной кухни» и «разговорная практика на родном языке» [Там же]. Среди жителей поселков в среднем «практически никогда не пользуются родным языком 13,8 % ненцев [Там же]. При этом, по мнению участников анкетирования, возможность разговаривать на языке своей национальности уступает по значимости некоторым универсальным ценностям, таким как иметь супруга, детей, хорошее здоровье, богатую обстановку в доме, постоянную работу по своей профессии, хорошее образование, много зарабатывать, работать в дружном коллективе и жить в России, и находится на одном уровне с желанием часто бывать в тундре, иметь свою лодку и снегоход [Там же, с. 112, 115]. Данный факт может свидетельствовать, что большинство ненецкого населения не ощущают недостатка в общении на родном языке и угрозы его исчезновения.

³ Рассчитано по неопубликованным данным Всероссийской переписи 2010 г., полученным в Территориальном органе Федеральной статистики по Тюменской области.

К сожалению, данные переписи не позволяют выявить прямую зависимость владения и повседневной практики использования родного языка от полученного образования. Изменение образовательной структуры ненцев не могло не отразиться на языковой ситуации. Это косвенно подтверждает тот факт, что у городских ненцев уровень образования и владения русским языком выше, чем в сельской местности. В этом отношении полезными являются результаты социологических опросов, показывающие прямую связь между уровнем образования и частотой использования родного языка, а именно с повышением образования среди ненцев растет доля общающихся дома и на работе только на русском языке [Хайруллина, 2005, с. 161]. Последнее обстоятельство может быть связано с тем, что получение определенной специальности уже предполагает работу в многонациональном коллективе, а чаще всего — в русскоязычном. Материалы переписи позволили отметить еще одну парадоксальную ситуацию, состоящую в том, что среди женщин доля владеющих русским языком меньше, чем среди мужчин, несмотря на то что уровень образования у женщин выше и они являются пионерами в освоении поселковых профессий. Если преобладание в старших возрастных группах (50 лет и старше) женщин, не владеющих никаким другим языком, кроме родного, больше, чем мужчин, можно объяснить особенностью традиционной культуры и этических норм кочевого общества, где все внешние связи осуществлялись мужчинами, то в средних и молодых возрастных группах такое положение скорее всего связано с сохранением подобной традиции в ряде семей (рис. 7). Автору неоднократно приходилось встречаться на удаленных стойбищах с женщинами, не разговаривающими на русском языке и не понимающими его. Как правило, они не учились в школе совсем или родители забрали их еще из начальных классов.

Рис. 7. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по возрасту, полу и владению языками (кроме родного) по данным Всероссийской переписи 2002 г. На рис. 6 и 7 обозначения одинаковые.

Анализируя данные анкет, социологи пришли к выводу, что «преобладание этнической среды не обеспечивает автоматическое сохранение традиционной культуры». В качестве показательного приводится пример Пуровского района с наименьшей долей коренного населения в общей численности населения, но при этом лидера по частоте речевой практики на родном языке, в отличие от Ямальского и Тазовского районов [Попков, Тюгашев, 2007, с. 109]. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что несмотря на интенсивное нефтегазовое освоение пуровские лесные ненцы длительное время находились в стороне от промышленной инфраструктуры, сохраняя традиционную дисперсную структуру расселения, нарушенную только в первое десятилетие XXI в. развернувшимся строительством автомобильных дорог, вводом в эксплуатацию новых месторождений и их обустройством. Уникальность сохранения лесными ненцами своего языка заключается в том, что у них не было своей письменности до середины 1990-х гг. из-за существенных расхождений с тундровым диалектом, один из говоров которого

(большеземельский) был принят за основу литературного ненецкого языка [Буркова, 2010, с. 189], и их язык функционировал только в сфере устного общения. Преподавание родного языка пуровским лесным ненцам ограничивается начальной школой [Там же, с. 190] ввиду относительно недавнего создания для них письменности на базе пуровского говора лесного диалекта.

Заключение

Современная языковая ситуация в Ямало-Ненецком автономном округе по данным всеобщих переписей населения позволяет уверенно судить о широкой степени распространения и владения русским языком в первом десятилетии XXI в. и высоком уровне двуязычия среди ненцев. Это можно рассматривать как результат современных процессов глобализации и интернационализации, складывания информационного общества, роста городского и оседлого населения, уровня образования и расширения сфер занятости. Вовлечение оленеводов-кочевников во всемирный процесс экономической, политической и культурной интеграции и унификации с неизбежностью сопровождается усвоением ценностей и стереотипов поведения доминирующего общества, увеличением числа людей, владеющих русским языком иногда в ущерб родному ненецкому. Происходит сужение сферы функционирования ненецкого языка при сохранении этнического сознания на высоком уровне. Тем не менее можем видеть отличия для разных территорий проживания ненцев. В районах с преобладанием кочевого оленеводческого населения уровень владения родным языком выше, чем в районах, относящихся к периферии оленеводческого комплекса, где традиционно большую роль играло рыболовство и образ жизни был менее подвижным (полуоседлым или оседлым).

Можно прогнозировать, что число людей, владеющих русским языком, в том числе в качестве родного, будет только расти. Как показывают данные Всероссийской переписи 2010 г. и текущей статистики, интенсивность языковой ассимиляции ненцев пришлым русскоязычным населением и их метисации возрастает очень высокими темпами по сравнению с предыдущими годами, несмотря на высокую долю населения, ведущего кочевой образ жизни и занятого в традиционном хозяйственном секторе, и меры по расширению социальных и культурных функций ненецкого языка, в том числе за счет средств массовой информации и совершенствования системы обучения родному языку. Поэтому можно считать оправданным разработанный и принятый к исполнению в Ямало-Ненецком автономном округе комплекс законов и постановлений федерального и окружного значения, направленных на обеспечение условий устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера и предусматривающих «системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов» [Сборник..., 2010, с. 78].

С 2000 г. на основании действующей законодательной базы разрабатывается и активно реализуется множество окружных целевых программ, включающих различные механизмы поддержки северных народов, и расходуются значительные финансовые средства на мероприятия, направленные на сохранение языка, письменности и самобытной культуры, включая издание учебников, учебных пособий, методической, научной, научно-популярной, учебной и художественной литературы, словарей и т.д., осуществляются проекты создания телевизионных и радиопередач, специальных интернет-сайтов на языках коренных малочисленных народов Севера; кроме того, организуются экспедиционные исследования по этнографии, лингвистике и истории. Вместе с тем ведется большая работа, связанная с пропагандой культурных ценностей северных народов, в том числе ненцев, организацией фольклорных, этнических фестивалей, праздников, конкурсов, всероссийских, международных мероприятий и форумов, а также повышением уровня образования (возмещение расходов, связанных с обучением, профориентацией, повышением квалификации и т.д.), технического, хозяйственного и медицинского оснащения традиционных видов хозяйственной деятельности, позволяющих сделать традиционный образ жизни более привлекательным для молодежи и сохранить живой ненецкий язык в тундре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9, 69, 178, 228.
Материалы Всероссийской переписи 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.
Материалы Всероссийской переписи 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis-2010.ru>.

Литература

- Аксянова Г.А. Демография и антропология современных самодийских народов // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 11–14.
- Аксянова Г.А., Багашев А.Н., Богордаева А.А., Квашин Ю.Н., Конев А.Ю., Лар Л.А., Повод Н.А., Ощелков К.Н. Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. 390 с.
- Бойко В.И. Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1987. С. 36–48.
- Буркова С.И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–341.
- Васильев В.И. Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в.: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Волжанина Е.А. Лесные ненцы: Расселение и динамика численности в XX веке, современная демографическая ситуация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 143–154.
- Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 июня 2013 г. № 55-3АО «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/19/yamal-zakon55-reg-dok.html>.
- Квашин Ю.Н. Селькупы в низовьях Таза // Вестник, археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 230–232.
- Кривоногов В.П. Русско-язычные метисы? // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изво ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 148–161.
- Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // ЭО. 2013. № 2. С. 70–90.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
- Хайруллина Н.Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций. Тюмень; Салехард: Феликс, 2005. С. 153–210.
- Lyarskaia E.V. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf2008>.

E.A. Volzhanina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
Email: nyabako@mail.ru

THE NENETS LANGUAGE FROM CENSUS TO CENSUS (ACCORDING TO THE DATA FOR THE NENETS OF YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT)

This article deals with changes in the language situation among the Nenets of Yamalo-Nenets Autonomous District based on published and unpublished data of the All-USSR and All-Russian Censuses in the second half of the 20th and the first decade of the 21st centuries. Statistical facts allow us to see and analyze the situation in the whole district. According to the historiographic review, such detailed analysis among the Nenets on the base of mass statistical data has not been carried out. The article analyzes knowledge and command of languages among the Nenets, their distribution according to the native languages including the Nenets people living in towns and rural settlements, the distribution of urban and rural Nenets by age groups, native and second languages. The differences between men and women are accentuated. Results of the research demonstrate that the current language situation among the Nenets of Yamalo-Nenets Autonomous District surely shows a distribution and knowledge of the Russian language in the first decade of the 21st century and a high level of bilingualism. These can be considered as an influence of modern processes of globalization and internationalization, formation of an information society, the growth of urban and sedentary population and of the level of education, appearance of new occupations among them. Involvement of reindeer herders in the world process of economic, political and cultural integration is inevitably accompanied by the acquiring of values and stereotypes of the dominant Russian society and therefore by an increasing number of people who can speak Russian. Sometimes it occurred to the detriment of their native Nenets language. The function of the Nenets language is being narrowed while the ethnic consciousness is preserved at a high level. Nevertheless, we can mention some differences for a local group of

the Nenets. The level of proficiency in native language is higher in regions where nomadic reindeer herders live. On the contrary, this level is lower in areas considered as a periphery of the reindeer breeding where fishing traditionally plays a big role in their subsistence, and the way of life is semi-sedentary or sedentary. It can be predicted that the number of the Nenets who know and use the Russian language, including as a mother tongue will only grow. According to the data of the last All-Russian Census, the intensity of linguistic assimilation by the Russian speaking majority has been developing faster in comparison with previous years.

Key words: the Nenets, Yamalo-Nenets Autonomous District, All-Russia census, All-USSR census, language situation, population distribution by sex, age and language.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-126-137

REFERENCES

- Aksianova G.A., 2001. Demografiia i antropologiiia sovremennykh samodiiskikh narodov [Demography and anthropology of modern Samoyed peoples]. *Samodiitsy: Materialy IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (10–12 dekabria 2001, Tobol'sk)*, Tobol'sk; Omsk, 314 p.
- Aksianova G.A., Bagashev A.N., Bogordaeva A.A., Kvashnin Iu.N., Konev A.Iu., Lar L.A., Povod N.A., Oshchepkov K.N., 2003. *Etnografiia i antropologiiia lamala* [Ethnography and anthropology of the Yamal peninsula], Novosibirsk: Nauka, 390 p.
- Boiko V.I., 1987. Chislennost', rasselenie i iazykovaia situatsiia u narodov Severa na sovremennom etape [Number, resettlement and language situation among the peoples of the North at the present stage]. *Problemy sovremennogo sotsial'nogo razvitiia narodov Severa*, Novosibirsk: Nauka, pp. 36–48.
- Burkova S.I., 2010. Kratkii ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo iazyka [A short essay on the grammar of the tundra dialect of the Nenets language]. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo iazyka*, Ekaterinburg: Basko, pp.179–341.
- Khairullina N.G., 2005. Sotsiologicheskaiia diagnostika etnokul'turnoi situatsii v lamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Sociological diagnosis of the ethno-cultural situation in the Yamalo-Nenets Autonomous District], *Nentsy lamala: Kochevniki i khraniteli traditsii*, Tiumen'; Salekhard: Feliks, pp. 153–210.
- Krivanogov V.P., 1997. Russko-iazychnye metisy? [Russian-speaking mestizos]. *Narody Sibiri: Prava i vozmozhnosti*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 148–161.
- Kvashnin Iu.N., 2002. Sel'kupy v nizov'iax Taza [The Selkups in the lower reaches of the Taz River]. *Vestnik, arkheologii, antropologii i etnografii*, 4, Tiumen', pp. 230–232.
- Lyarskaia E.V., 2008. *Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they?*, available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.
- Mamontova N.A., 2013. Na kakom iazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo det'skogo sada [What language do the real Evenks speak? Discussions about the nomadic kindergarten]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 70–90.
- Popkov Iu.V., Tiugashev E.A., 2007. *Sovremennoe sostoiianie traditsionnoi kul'tury samodiiskogo i finno-ugorskogo naseleniia lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (etnosotsial'nyi aspekt)* [The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric population of Yamalo-Nenets Autonomous District (an ethno-social aspect)], Novosibirsk; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 184 p.
- Vakhtin N.B., 2001. *Iazyki narodov Severa v XX v.: Ocherki iazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the 20th century: Essays on a language shift], St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 338 p.
- Vasil'ev V.I., 1985. Osobennosti razvitiia etnicheskikh i iazykovykh protsessov v etnokontaktnykh zonakh Evropeiskogo Severa i Severnoi Sibiri (po materialam etnograficheskogo obsledovaniia severosamodiiskikh narodov: nentsev, entsev i nganasan) [Peculiarities of the development of ethnic and linguistic processes in the ethno-contact zones of the European North and Northern Siberia (based on an ethnographic survey of the North-Samoyed peoples: Nenets, Enets and Nganasan)]. *Etnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri i Severa*, Moscow: Nauka, pp. 65–93.
- Volzhanina E.A., 2007. Lesnye nentsy: Rasselenie i dinamika chislennosti v XX veke, sovremennaia demograficheskaiia situatsiia [Forest Nenets: Population distribution and dynamics in the XX century, the current demographic situation]. *Arkheologii, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, no. 2, pp. 143–154.
- Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev lamala v XX — nachale XXI veka* [Ethno-demographic processes among the Yamal Nenets in the 20th — early 21st century], Novosibirsk: Nauka, 312 p.

А.А. Богордаева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: bogordaeva@mail.ru

КУКУШКА-ДЕВИЦА ИЗ ЮРТ ПРОТОЧНЫХ (О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОДЕЖДЫ ДУХОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ ОБСКИХ МАНСИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.)¹

Статья посвящена изучению изображения женского духа-покровителя в образе кукушки. Оно было в одном из поселений обских манси в XIX — начале XX в. Долгое время изображение считалось утерянным, а было обнаружено автором в музейном хранилище. Приводится его подробное описание с целью определения особенностей костюма. На основе сравнительно-типологического метода проанализированы материал, покрой, украшения и другие его специфические признаки. Исследование показало, что костюм духа-покровителя Кукушки-девицы состоит из традиционного для обских манси комплекта одежды. Обычно он включает рубаху-платье, халат и платок. В данном случае на деревянную скульптуру в виде птицы надеты две рубахи, пять халатов и три платка. Халаты и рубахи сшиты вручную и имеют традиционный для обских манси крой. Состав и покрой костюмного комплекса изображения Кукушки-девицы отражает особенности женской одежды обских манси, среднеобских и северных (березовских и казымских) хантов конца XIX — XX в. При этом на халатах и рубахах Кукушки-девицы полностью отсутствуют характерные для женской одежды этих групп хантов и манси украшения: вышивка цветными нитками и бисером, аппликация. В то же время имеется другой присущий ей признак — прикрепленная тем или иным способом монета. Предполагается, что эти две особенности одежды — отсутствие орнамента и наличие монет связаны с сакральной символикой и призваны подчеркнуть особый статус этого изображения.

Ключевые слова: изображение духа-покровителя, одежда духа-покровителя, сакральные символы, изображение кукушки, религия, культ, обряды, манси, народы Северо-Западной Сибири

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-138-143

Среди множества образов божеств северных манси изображения женских духов-покровителей не так многочисленны, как мужские. Кроме того, все они связаны с определенной территорией и проживающим здесь населением, т.е. имеют этноареальную специфику, которая должна отражаться и в их облачении. Исследования показали, что традиционный женский костюм манси обладает ярко выраженными локальными особенностями, проявляющимися и в материале одежды, и в ее покрое, и в украшениях и пр. [Федорова, 1994, с. 213–215; Богордаева, 2006, с. 177–193; Богордаева, 2014, с. 250–251]. Однако вопрос, насколько эта специфика отражена в одежде духов-покровителей, до настоящего времени не рассматривался.

Во многом это обусловлено недостаточностью сравнительных материалов, относящихся к конкретной территории, а также неразработанностью методики описания изображений духов-покровителей и их одежды. В основной массе этнографической литературы XVIII–XX вв., посвященной культуре манси и хантов, дается общая информация о святилищах. Для XVIII — первой половины XIX в. характерны отрывочные сведения об изображениях духов-покровителей и несколько предвзятое к ним отношение. Однако из этих источников уже становится ясно, что изображения духов-покровителей в это время различались по полу и были одеты в «мужское и женское платье» [Абрамов, 1857, с. 338–341; Новицкий, 1999, с. 100; Описание..., 1982, с. 168; Шавров, 1871, с. 7–8]. Более подробные данные об изображениях духов-покровителей и их одежде у манси имеются в трудах исследователей конца XIX — первой половины XX в. [Карьялайн, 1995; Kannisto, 1958].

Последняя треть XX в. ознаменовалась целым рядом работ, посвященных мансийским святилищам, их типологии и описанию хранящихся здесь атрибутов. В этих работах были описаны изображения духов-покровителей, дана характеристика иконографии, представлены сведения

¹ Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2010 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Кукушка-девица из Юрт Проточных (о локальных особенностях одежды духов-покровителей...)

об одежде духов-покровителей. Впервые было предложено рассматривать одежду духов-покровителей хантов и манси как важный источник по их истории и культуре [Прыткова, 1971]. Наиболее полные описания женских духов-покровителей приведены в работах И.Н. Гемуева [1990], И.Н. Гемуева, А.В. Бауло [1999], И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева [1986], а также в коллективном труде «Мифология манси» [2001].

Исследования начала XXI в. позволили взглянуть на святилища и их атрибутику как на памятные места и народные хранилища предметов традиционной культуры и искусства. Вновь открытые материалы дали толчок для детального изучения культовых мест, в том числе культовой и обрядовой одежды. Собраны и опубликованы материалы по современным святилищам северных манси и одежде духов-покровителей [Бауло, 2013; Богордаева, 2007]. Целью данного исследования является определение локальных особенностей одежды духа-покровителя обских манси на основе сравнительно-типологического анализа материала, способов кроя и украшений этой одежды и традиционного женского костюма, бытовавшего в это время на данной территории.

Пример облачения женского духа-покровителя обских манси представляет костюм изображения *Кук-кук-эке*'ы — 'Женщины-кукушки', который нам удалось изучить в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. «Кукушка-девица» была привезена А. Авдеевым в 1936 г. из Юрт Протошных (Проточных), расположенных на р. Оби [ТИАМЗ № 1355, 9617, ТМ КП 7208]. *Кук-кук-эка* (*Кук кук аги*) являлась духом-покровителем Шадриных, проживающих в д. Проточное (Посал Павыл — «селение на протоке», Проточинские), и, по верованиям местных жителей, была дочерью *Най эк'и* [Источники..., 1987, с. 221; Бардина, 2009, с. 62]. По сведениям Р.К. Бардиной, вначале ее хранили на священной полке в доме А.И. Шадрина, а затем перенесли в священный лабаз, установленный за его домом [Бардина, 2009]. Каким образом фигура *Кук-кук эки* попала к А. Авдееву, неизвестно.

В настоящее время изображение *Кук-кук-эки* состоит из деревянной скульптуры в виде птицы и надетых на нее двух рубах, пяти халатов и трех платков (рис. 1). Птица вырезана в технике скульптурной резьбы из целого куска дерева (рис. 2). Она имеет закругленную голову и туловище, а также широкий лопатообразный хвост. На голове обозначены в виде прорезанных углублений глаза и ноздри. Длина фигуры 27,5 см, толщина туловища 4,5 см, ширина туловища 8 см, длина хвоста 8 см, ширина хвоста 7,5 см. Ее нижнюю одежду составляют две рубахи, сшитые вручную хлопчатобумажными нитками из белой хлопчатобумажной ткани — ситца и фланели (рис. 3). Рубахи имеют туникообразный покрой с цельнокроеными рукавами, округло вырезанный ворот с пришитым к нему воротником-стойкой, нагрудный разрез с завязками. На спинку каждой из рубах под воротом было прикреплено по монете, на одной рубахе монета утрачена. Длина рубах 34 и 31,5 см, ширина подола — 53 и 63,5 см, длина рукава 14 и 13,5 см.

Рис. 1. Изображение духа-покровителя д. Проточное *Кук-кук эки* (манс.) 'Женщины-кукушки' [ТИАМЗ № 1355, 9617, ТМ КП 7208]. Фото автора.

Поверх рубах один на другой надето пять халатов из хлопчатобумажной ткани (ситца) белого, голубого, светло-коричневого и красного цвета (рис. 4). Все халаты сшиты вручную хлопчатобумажными нитками. Они имеют туникообразный покрой с цельнокроеными рукавами и округло вырезанным воротом. У четырех халатов из пяти к вороту пришит воротник-стойка. Все халаты имели закрепленные тем или иным способом монеты, у двух халатов монеты утрачены. У одного из халатов монета завязана в узел на левой полочке, у другого — зашита под прямоугольный кусок ткани под воротом на спинке, у трех халатов — монеты пришиты к воротнику.

Из трех платков, надетых на изображение духа-покровителя, два нижних представляют собой прямоугольные куски хлопчатобумажной ткани (ситца) белого и светло-коричневого цветов размерами 25×25,5 см и 32,5×28,5 см. Только верхний платок является таковым в полном смысле этого слова. Он сделан из шерстяных ниток белого цвета и украшен по периметру цветочным набивным рисунком. Его размеры составляют 65,5×66,5 см.

Мануфактурные клейма на тканях и завязанные в одежду монеты указывают на то, что одежда *Кук-кук эки* была изготовлена в начале 1900-х гг. В целом состав костюмного комплекса изображения Кукушки-девицы, в который входят рубахи, халаты и платки, отражает особенности женской одежды обских манси, среднеобских и северных (березовских и казымских) хантов конца XIX — XX в. [Богордаева, 2006, с. 183–184; 2014, с. 240–247]. При этом на халатах и рубахах *Кук-кук эки* отсутствуют украшения — аппликативные орнаменты, столь характерные для женской одежды этой территории.

Рис. 2. Внутренняя часть изображения *Кук-кук эки*. Фото автора.

Имеющиеся в этнографической литературе свидетельства об одежде других женских изображений духов-покровителей манси позволяют нам сравнить их одежду с одеждой *Кук-кук эки* и определить их общие и особенные признаки. Так, близка по описанию одежды, ее видам и цвету к изображению *Кук-кук эки* исследованная И.Н. Гемуевым фигура *Калтац-эке'ы* (*Торум-цань*, мать *Мир-сусне-хум'а*) из д. Хурумпауль (р. Ляпин) [1990, с. 47–50]. Ее изображение имело 21 экз. плечевой одежды (халаты и рубахи). Среди них также числилась одежда белого цвета. Судя по приводимому в тексте рисунку, она также была без украшений, присущих женской одежде. В воротники были зашиты монеты. Кроме того, среди внутренних вложений в одежду, составлявших основу изображения, находилась помимо металлических фигурок коня и оленя серебряная утка [Там же, с. 48]. Среди значительных отличий одежды *Калтац-эке'ы* можно назвать прорези под мышками, а также использование платков в качестве поясов и большое количество арсынов, прикрепленных к завязкам халата [Там же, с. 50].

Следует отметить, что орнитоморфные изображения духов-покровителей мужского и женского пола часто встречаются у манси. Так, известны: деревянное изображение ворона из д. Панино [Карьялайнен, 1995, с. 155]; фигура в виде халея — крупной речной чайки (*Ягрим тур котиль ойк'а*, п. Игрим), изображение коршуна (дочери *Тагт котиль ойк'и*) [Ромбандеева, 1993, с. 59], бронзовый ястреб из д. Анеево [Гемуев, 1990, с. 128–129]. С филином ассоциировался образ духа-покровителя д. Хурумпауль (р. Ляпин) *Йибы-ойк'и* [Гемуев, Сагалаев, 1984, с. 8–11].

Рис. 3. Нижняя рубаша Кук-кук эки.

Краткие описания *Торум-щань* из д. Анеево (р. Северная Сосьва), *Йибы-эвэ* также указывают на сходство видового состава их костюмов, включающих халаты, рубахи и платки, с составом облачения *Кук-кук эки* [Гемуев, 1990, с. 125; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 11]. Существенные отличия от наряда *Кук-кук эки* имеет облачение изображения *Мис-нэ* из Хурумпауля [Гемуев, 1990, с. 66–68]. Помимо двух «накидок», входящих в ее костюм, ее шелковый халат был украшен нашитой вдоль края бортов и подола красной атласной лентой [Там же, с. 66–67].

Рис. 4. Халат Кук-кук эки.

В основном, как показывает сравнительно-типологический анализ одежды других изображений духов-покровителей женского пола, состав костюма для всех был одинаков и включал чаще всего в качестве нижней одежды — рубахи, в качестве верхней — халаты. Головным убором служил четырехугольный платок. Рубахи, как правило, сшиты из хлопчатобумажных тканей, халаты — из сукна, шелка и хлопчатобумажных тканей. Как можно заметить, рубахи в основном имеют туникообразный покрой, а вот покрой халатов может различаться. У *Кук-кук эки* он туни-

кообразный и в целом соответствует покрою халатов, входящих в состав женского костюма этой территории. Также общей деталью всей одежды духов-покровителей является прикрепленная к ней монета. В то же время такие признаки, как разрезы под мышками, пришивные украшения (металлические бляхи, полосы и пр.), видимо, имеют локальный характер. Обращает на себя внимание и полное отсутствие каких-либо орнаментов на одежде изображений духов-покровителей женского пола. Очевидно, что отсутствие орнамента, характерного для традиционной женской одежды, и монеты служат сакральными символами и призваны подчеркнуть особый статус изображения духа-покровителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов Н.А.* Описание Березовского края // Записки ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.
- Бардина Р.К.* Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Богордаева А.А.* Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Богордаева А.А.* Одежда духов-покровителей у обских угров во второй половине XX — начале XXI века // Памяти И.Н. Гемуева: Сб. науч. статей и воспоминаний. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 84–96.
- Богордаева А.А.* Традиционная одежда обских угров в 1930–1970-е гг. (по фотоматериалам Р.К. Бардиной) // Портреты обских угров (из семейных фотоархивов обских и нижнесосьвинских манси и хантов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 235–251.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.
- Мифология манси* / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 13–116.
- Описание Тобольского наместничества.* Новосибирск: Наука, 1982. 321 с.
- Прыткова Н.Ф.* Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.
- Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом: Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.
- Шавров В.Н.* Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в обществе истории и древностей российских при МГУ. М., 1871. Кн. 2. С. 1–21.
- Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.

A.A. Bogordayeva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: bogordayeva@mail.ru

**A CUCKOO MAIDEN FROM IURTY PROTOCHNYE
(ON THE LOCAL FEATURES OF THE CLOTHES OF THE OB MANSI GUARDIAN SPIRITS
IN THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

The article is aimed to study images of a female guardian spirit in the form of a cuckoo. It existed in one of the settlements of the Ob Mansi in the XIX — early XX century. The image had been considered lost for a long time, and it was discovered by the author in a museum archive. The article provides its detailed description to determine features of the costume. Based on the comparative typological method, the material, cut, ornaments and other specific features are analyzed. It was found out that the costume of Cuckoo maiden guardian spirit consists of a traditional clothing set of the Ob Mansi. It usually includes a gown shirt, a robe and a kerchief. In the case under consideration, a wooden sculpture in the form of a bird is dressed in two shirts, five robes and three

kerchiefs. The robes and shirts are sewn by hand and have a traditional Mansi cut. The composition and the cut of the costume set of Cuckoo maiden image reflects the features of the women's clothing of the Ob Mansi, of the Middle Ob and Northern (Berezovo and Kazym) Khanty of the late XIX and XX centuries. At the same time, such adornments typical of the women's clothes of these Mansi and Khanty groups as embroidery with beads, coloured threads and applied ornaments are not represented on the robes and shirts of Cuckoo maiden. But the clothes have another inherent characteristic which is a coin attached to them in some way. It is assumed that these two features of the clothes, the lack of ornamentation and the presence of coins, are sacred symbols which aim at emphasizing a special status of this image.

Key words: image of the guardian spirit, clothes of the guardian spirit, sacred symbols, image of the cuckoo, religion, cult, rituals, the Mansi, peoples of North-West Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-138-143

REFERENCES

- Abramov N.A., 1857. Opisanie Berezovskogo kraia [Description of Berezovo region]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, no. 12, pp. 327–448.
- Bardina R.K., 2009. *Obskie i nizhnesos'vinskije mansi: Etnosotsial'naja istorija v kontse XVIII — nachale XXI veka* [The Mansi of the Ob river and the Lower Sosva river: Ethnosocial history at the end of the 18th and the beginning of the 21st century], Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 150 p.
- Baulo A.V., 2013. *Sviashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskii al'bom* [Sacred places and attributes of the Northern Mansi in the beginning of the 21st century: An ethnographic album], Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 208 p.
- Baulo A.V., Gemuev I.N., Liutsidarskaia A.A., Sagalae A.M., Sokolova Z.P., Soldatova G.E., 2001. *Mifologija mansi* [Mythology of the Mansi], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 196 p.
- Bogordayeva A.A., 2006. *Traditsionnyi kostium obskikh ugrov* [The traditional costume of the Ob Ugric peoples], Novosibirsk: Nauka, 239 p.
- Bogordayeva A.A., 2007. Odezhdа dukhov-pokrovitelei u obskikh ugrov vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka [Clothes of guardian spirits of the Ob Ugric people in the second half of the XX — beginning of the XXI century]. *Pamiati I.N. Gemueva: Sb. nauch. statei i vospominanii*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 84–96.
- Bogordayeva A.A., 2014. Traditsionnaja odezhda obskikh ugrov v 1930–1970-e gg. (po fotomaterialam R.K. Bardinoi) [Traditional clothes of the Ob Ugric peoples in 1930–1970s (based on photo materials by R.K. Bardina)]. *Portrety obskikh ugrov (iz semeinykh fotoarkhivov obskikh i nizhnesos'vinskikh mansi i khantov)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 235–251.
- Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi worldview: Home and Space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.
- Gemuev I.N., Baulo A.V., 1999. *Sviatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy* [Sacred places of the Mansi of the Upper Northern Sosva river], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 240 p.
- Gemuev I.N., Sagalae A.M., 1986. *Religiia naroda mansi* [Religion of the Mansi people], Novosibirsk: Nauka, 192 p.
- Kannisto A. 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, vol. 113, Helsinki, 444 p.
- Karialainen K.F., 1995. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of the Ugric peoples], vol. 2, Tomsk: Izd-vo TGU, 284 p.
- Kolesnikov A.D., 1982. *Opisanie Tobol'skogo namestnichestva* [Description of Tobolsk viceregency], Novosibirsk: Nauka, 321 p.
- Markov G.E., Lukina N.V., 1987, (eds.). *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia], Tomsk: Izd-vo TGU, 284 p.
- Novitsky G., 1999. Kratkoe opisanie o narode ostiatskom, sochinennoe Grigoriem Novitskim v 1715 g. [A brief description of the Ostyak peoples written by Grigory Novitsky in 1715]. *Puteshestviia po Obskomu Severu*, Tiumen: Izd-vo Yu. Mandriki, pp. 13–116.
- Shavrov V.N., 1871. Kratkije zapiski o zhiteliakh Berezovskogo uezda [Brief notes about the inhabitants of Berezovo district]. *Chteniia v obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri MGU*, no. 2, Moscow, pp. 1–21.
- Prytkova N.F., 1971. Odin iz istochnikov izuchenii odezhdy narodov Sibiri [One of the sources for the study of clothing of the Siberian peoples]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 27, pp. 101–112.
- Rombandeyeva E.I., 1993. *Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym fol'klora i obriadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and ritual data)], Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 208 p.
- Fedorova E.G., 1994. *Istoriiko-etnograficheskie ocherki material'noi kul'tury mansi* [Historical and ethnographic essays on Mansi material culture], St. Petersburg: MAE RAN, 284 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**), на русском языке;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации выкладываются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии и в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правом берегу р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ — Архив г. Минусинска
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГПАК — Государственный архив Пермского края
ГУТО ГАТО — Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН — Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
НАН РА — Национальная академия наук Республики Армения
НТГСПА — Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия
ПМ — Полевые материалы
ПМА — полевые материалы автора
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РО ТИАМЗ — Рукописный отдел ТИАМЗ
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ АН СССР
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТИЭ — Труды Института этнографии
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО АН СССР (РАН) — Уральское отделение АН СССР (РАН)
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (40)

2018

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 15.03.2018. Уч.-изд. л. 17,3. Объем 19 Мб.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 2071-0437

9 771811 746005

Перекрытие сгоревшего погребя в острожной части города Тары.
Раскоп 2016 г. Фото С.Ф. Татаурова

Баня. Бревно под нижним венцом сруба (г. Тара, раскоп 2011 г.).
Фото С.Ф. Татаурова